Петровская академия
наук и искусств России
Администрация
города Горно-Алтайска

Сказания седого Алтая

(О духах, шаманах и богатырях)

г. Горно-Алтайск, 2025 г.

ББК 82.3. (2 Рос=Ал Т)
Г 95

Печатается по решению редакционного совета ПАНИ РА от 16.02.2025 г.

Гурьев А.И. Сказания седого Алтая (О духах, шаманах и богатырях) — Горно-Алтайск: Изд-во «Ладомир», 2025. – 174 с.

Народы, населяющие Горный Алтай имеют богатый и разнообразный фольклор – это мифы и сказки, легенды и предания, героический эпос и песни. В фольклоре нашли свое отражение самые разные стороны жизни народа: далёкое прошлое и настоящее, героическое и бытовое, трагическое и комическое и, конечно же, небывалое…

Эта книга посвящена сказаниям Горного Алтая. Знакомство с ней будет интересно не только туристам и экскурсоводам, но и широкой общественности.

© Петровская академия наук и искусств России, 2025.
© Администрация г. Горно-Алтайска, 2025.
© Гурьев А.И., 2025.

Слово к читателю

Гурьев Александр Иванович – доктор педагогических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации, гид-экскурсовод первой категории, академик Петровской академии наук и искусств России, международный журналист.

«Во всех культурах существуют мифы и легенды, отражающие религиозные верования народа, но разновременное появление письменности и развитие более поздних религий привели к тому, что мифы одних народов гораздо лучше изучены, чем мифы других».

Н. Ярошенко

Предлагаемое читателю издание посвящено сказаниям коренных народов Горного Алтая. Как же соотносятся между собой сказания, мифы и легенды?

«Сказание, миф и легенда – это три жанра фольклора, которые могут быть весьма похожими, но имеют и свои отличия. Все они являются образцами традиционной культуры и передаются из поколения в поколение (20).

Рассмотрим эти понятия подробнее. «Сказание – рассказ, предание, облеченные в литературную форму, письменную или устную» (16).

«Сказание – рассказ об истории, событиях о былых временах, реальных и (или) полностью вымышленных.

«Сказание – прозаическое повествование с историческим, мифологическим или легендарным сюжетом, облечённое в литературную форму, письменную или устную (21).

В алтайских сказаниях человек понимает язык птиц и зверей, а все птицы, звери, домашние животные (в первую

очередь богатырский конь) наделены человеческой речью. Вся природа одушевлена. Деревья, озера, реки, горы имеют свою душу и в них обитает особый дух – божество говорящее на человеческом языке.

Особым богатством и разнообразием художественной фантазии отличаются древние сказания – мифы, которые принадлежат народному творчеству.

«Миф (lang-grc) в литературе – сказание, передающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о Богах и героях.

Миф – слово греческое, и в переводе оно означает «рассказ». Мифами называют созданные людьми сотни лет назад рассказы о богах и героях, о чудесах и превращениях. Действие мифа происходит то в мире богов, то в мире людей, то в мирах подземных. Но всегда они отражают исторический и культурный опыт того мира, где жили люди, создавшие их.

Наши предки воспринимали мифы как реальность, персонифицируя божественные силы и наделяя их чертами земных людей. В мифах описывались деяния богов и подвиги героев. Катаклизмы природы, войны, смену правления – все значимые события в мифах находили простое и убедительное объяснение.

Мифы обосновывали нормы поведения, обычаи. Они определяли непреложность многих социальных обрядов и запретов, наделяли их сакральностью. Так из мифов вырастали обычаи. Последовательность обрядовых действий, необходимость запретов были обусловлены тем, что именно так поступали боги или герои, запечатленные в мифе.

Миф – результат переосмысления людьми всех явлений, происходящих на их глазах, определяющих или сопровождающих их жизнь. Изначально он выполнял функции, которые сегодня взяла на себя наука. Миф объяснял, откуда и почему что берётся, по каким правилам живет Вселенная, с чего все началось.

Сегодня мы воспринимаем его как красивое повествование о космических процессах или несколько наивное представление наших предков об этиологии (происхождении) отдельных предметов и явлений. В древности же мифы выступали в качестве концентрации мировоззренческих истин, противопоставляемых обыденному пониманию (22).

Что же такое легенда?

«Легенда – это сказание, рассказ или история, основанная на реальных событиях или использующая реальные факты, которые имели место быть. Другими словами, это значительно изменённые (приукрашенные) события, которые реально происходили.

Легенда отличается от мифа тем, что ее герои действуют в более позднее, чем в мифе, время. Часто их существование в реальности доказывается многими другими источниками.

Легенда – это описание реальных событий, которые за неимением письменности передавались из уст в уста. По этой причине действительность могли немного приукрашивать, добавляя некие вымышленные элементы. Например, рассказывая про подвиги легендарного завоевателя, рассказчики могли преувеличить его неуязвимость» (25).

Приведём сравнительную таблицу:

Сходство	Отличие
Сказание, миф и легенда являются образцами традиционной культуры и передаются из поколения в поколение.	Сказания могут быть созданы конкретным автором. Мифы и легенды зачастую не имеют авторов.
Сказание, миф и легенда содержат элементы вымысла и фантастики.	Сказания и легенды обращены в прошлое и настоящее, в то время как мифы только в прошлое.

Сказание, миф и легенда передаются в устной или письменной форме.	Легенда, в отличие от мифа, теряет элемент сакральности*.
В легендах, как и в мифах, есть чудесные события, герои, в одиночку побеждающие полчища врагов. Мы до сих пор говорим: «легендарный подвиг», «легендарный герой», имея в виду подвиги, которые нам кажутся непосильными для простого человека.	Отличие мифа от легенды кроется в сюжете. Первый повествует о деяниях героев и богов. В легенде излагаются исторические события, приукрашенные и дополненные эффектными деталями, мистическими и фантастическими элементами.
Сказание, миф и легенда повествуют о героях, событиях или явлениях окружающего мира.	Сказания имеют эпический стиль и содержат серьёзные и глубокие мысли они могут быть переданы сказителем, а легенды имеют более простую форму.
Сказание, миф и легенда могут передаваться в форме рассказов, песен и стихов.	Мифы часто имеют связь с религиозными верованиями, а сказания и легенды могут быть связаны с историческими событиями.

Сказания, мифы и легенды – это размышления и предположения людей об основах природы и общества, о законах природы, о том, как они могли появиться. Мифы – это старинные сказания о сотворении мира и человека, а также рассказы о деянии древних богов и героев – поэтические и иной раз причудливые.	Мифы намного древнее легенд. Их могли создавать и совершенно дикие люди. В мифе нет различия между реальным и сверхъестественным. Легенды же – уже результат творчества более цивилизованного человека, который решил заняться объяснением событий в истории своего народа.
Мифы – это сказания, объясняющие устройство мира и явления природы. Легенда – это сказание о каком-либо историческом событии, изложенное в художественной или поэтической форме, жанр несказочной прозы в фольклоре, устный народный рассказ, в основе которого лежат исторические факты, события, аргументы, переплетающиеся с вымыслом и фантастикой.	Как правило, в мифах действуют фантастические существа, непонятные образы, которых никогда никто не видел. В легендах действуют персонажи, образ которых понятен для человеческого восприятия. Просто сами события с участием этих персонажей происходят довольно чудно, необычно, сказочно.

Отсюда следует, что если миф – это сказание полностью вымышленное, то легенда – сказание, опирающееся на события, которые реально происходили. И миф и легенда относятся к сказаниям. Они включены в них.

В заключение необходимо обратить внимание на слова, помеченные в тексте значком (*). Они внесены в «Словарь терминов и понятий», который находится в конце книги.

Итак, после такого пространного сравнения приглашаю Вас, уважаемый читатель, в мир мифов, легенд и сказаний.

Раздел 1. Мифология Алтая

Для фольклора алтайцев характерна своя поэтика, исторически сложившаяся система художественных средств. В народном сознании слово до сих пор сохраняет оттенки древнего мифологического значения.

Что такое мифы и легенды?

Это — нечто универсальное, вобравшее в себя опыт и мудрость многих поколений, исторического бытия народов Сибири.

В них посредством слова человек уравнивал себя с природой, обретал гиперболическое мироощущение, характерное для алтайской народной культуры.

В.И. Чичинов

С точки зрения ученых мифология – выражение особой формы общественного сознания, способ осмысления окружающего мира, присущий людям на ранних стадиях развития.

Современный человек даже не подозревает (и тем более — не осознает) сколь архаично на самом деле его мировоззрение, как глубоко уходят корни его обыденного мировосприятия в мифологию, сколь много в нашей жизни и повседневном быту реликтов стародавнего прошлого. И как бы ни завуалирована была архаичная база нашего сознания и закодированное в нем древнее знание, они вполне поддаются дешифровке и установлению истинного значения при анализе текстов мифов и легенд.

Мифологическое знание присутствует всюду и особенно оно ярко проявляется в нашей повседневной жизни.

Поясним сказанное на простом примере. Возьмем обиходную фразу: «Взошло солнце, на небе исчезли звезды, и погасло ночное светило – луна». Так говорили наши далекие прапредки. Между тем в приведенном суждении нет ни грана научной истины.

Ведь не Солнце, как хорошо известно, всходит над горизонтом, а Земля совершает оборот вокруг собственной оси. Звезды же находятся не на небе, а в космосе, и с наступлением утра никуда не исчезают – просто становятся невидимыми при дневном свете. Луна не светит, а всего лишь отражает солнечный свет.

И все же сколь бы ни были вопиющими эти поразительные «неточности», они, несмотря на астрономическое и физическое несоответствие, никогда не заставят отказаться от привычных и закрепленных в повседневной жизни словесных формулировок.

Мифология и сегодня занимает ведущее место в сознании и деятельности людей. Совпадение же мифологем, обычаев, верований и других феноменов культурного обихода современных народов следует рассматривать не как случайное сходство, а как вполне закономерное явление, связанное с наследованием древних традиций.

Следует подчеркнуть, что история мифологии Горного Алтая могла сложиться только на основе комплексного изучения данных всех письменных источников, этнографии, фольклора, эпоса, народного искусства, археологии и лингвистики.

Раздел 2. О духах Алтая (КЕП-КУУЧЫНДАР*)

Священный край – обитель духов горных,
Алтай – твердыня, Родины оплот,
Вместилище степей, долин просторных,
Источник чистых родниковых вод.

Ольга Истомина

Ульгень и Эрлик

Издревле аборигены Алтая тонко чувствовали, что в мире действуют разнонаправленные силы, но они ощущали

гармонию мира, как совокупный результат действия этих самых сил.

Легенды и мифы алтайского народа знакомят нас с духовным наследством предков. Духи Горного Алтая – это, прежде всего, силы добра и зла. Есть у них и имена. Ульгень (Бай-Улген*) – творец солнца и луны, небосвода и радуги, огня. Он посылает на землю дождь и град, мечет молнии и говорит голосом грома.

Так в мифе, записанном миссионером В.И.Вербицким*, первым этнографом Алтая, говорится: «Когда еще не было ни неба, ни земли, был один Ульгень. Он носился над безжизненным морем, распростершись, подобно нетопырю, и не имел твердого места, где бы встать. Тогда ощутил он голос внутри себя: «Алдында тут, алдында тут (впереди хватай, впереди хватай), – и произнес эти слова, а вместе с тем простерши руку, схватил перед собою.

И вот попал ему камень. Ульгень, продолжая произносить: «Алдында тут, алдында тут!», думал, что творить и как творить. Вдруг из воды выходит Ак-эне (Белая мать) и говорит:

– Что придет тебе на ум, скажи только: «Этьтым, пютьты — ден (сделал, свершилось)», так и будет.

Сказав это, Ак-эне скрылась, и более, никогда, никому не являлась.

Ульгень ощутил в себе мысль и произнес:

– Э! Эрь пютсин, эрь пютсин! (О! Сотвори Землю, сотвори Землю!). И Земля сотворилась...

Так же сотворились небо, человек и прочие твари. Творение продолжалось шесть дней, на седьмой день Ульгень спал.

Когда еще не было человека, Ульгень увидел на поверхности плавающую массу земли, а на ней приросший слой глины, похожий на остов человека. Ульгень снял этот слой глины и пожелал, чтобы из него образовался человек. Так и случилось.

Первое свое творение Ульгень назвал Эрликом (мужественным). Остальная масса земли, плавающая в море, стала огромной рыбой. Эрлик* же стал товарищем и младшим братом Ульгеня, а после стал с ним равняться и даже возвышаться мысленно перед ним и с завистью помышлять:

– Ах, как бы я такие же твари создал, или еще лучше!

И Эрлик решает сотворить свое собственное "человечество ".

Ульгень из камыша и глины творит тела первых людей, но не оживляет их (только душу не мог вложить в человека). А Эрлик тут как тут: он вдувает душу и оживляет людей. Ульгень творит собаку, но не дает ей шерсти. Тут же Эрлик исправляет дело» (13, С.239-240).

Так мы видим, что лишь совместная работа обоих творцов приводит к полноценному результату. Мир творится благодаря соперничеству, конфликту, взаимодействию полярных сущностей. Ульгень и Эрлик – две противоположности, необходимые друг другу. Их противодействие есть та самая пружина, что приводит мир в движение, но полной властью над миром не обладает ни один из них. Лишь вместе они способны творить. Здесь нет места абсолютному злу или добру, заблуждению или истине.

«Но все больше и больше отдалялся Эрлик от Ульгеня и, наконец, сделался противником и врагом Ульгеню и всем его тварям.

Ульгень создает гладкую Землю, Эрлик же горы, кочки и болота. Ульгень творит "благородных " тварей, его соперник "гадов" и обитателей подземного мира.

«Ульгень рассердился и говорит Эрлику:

– Зачем ты так сделал? Землю надо гладкою сотворить.

У Эрлика была палка, на которую он, опершись, стоял и слушал, пока Ульгень ругался. Наконец Ульгень сказал:

– Пусть тебя не будет на этой земле.

Эрлик выслушал и говорит Ульгеню:

– Дай мне столько места, сколько занимает конец моей палки!

Ульгень сказал:

– И этого не дам!

Эрлик стоит и плачет. Тогда Ульгень с сердцем сказал:

– Ну, возьми это место! Что ты из него сделаешь?

При этих словах Эрлик провалился сквозь землю» (15, С.28).

Так произошло мифологическое низвержение Эрлика. Эрлик свергнут с неба на Землю. Миф утверждает, что действия Эрлика богопротивны, хотя и созидательны.

В книге известного алтайского композитора и этнографа Владимира Фёдоровича Хохолкова мы находим такое стихотворение:

Дети Эрлика

«Небо Ульгень сотворил. Создал Он воду и сушу
Сушу зверьми населил, каждому выделил душу...
Глядя на это, Эрлик зависти черной поддался
И повторить этот миг вслед за Ульгенем собрался.
Глину в котле замесил. Лоб чесал в размышленье.
И, поразмыслив, решил сделать коня повторенье.
Сделал его – но спина стала у зверя горбата,
Шея толста и длинна, а голова маловата.
– Не получилось коня» — скульптор с досадой подумал
Но все ж Ульгеня дразня, душу в творение вдунул.
Ходит верблюд по земле — телом не вышел и ликом,
Слабый намек о коне, детище злого Эрлика.
Глину Эрлик замесил, снова работает рьяно.
Только опять намудрил сделав свинью из... барана.
Хрюкает громко свинья, грации нет, формы – тоже.
И на барана она вышла совсем не похожа.
«Трудно животных лепить, сделаю проще я что-то...
Рыбу хочу сотворить!» — и закипела работа.
Глину Эрлик раскатал – лепит, едва ли не плача.
Только рабочий накал кончился вновь неудачей.
Плюнул Эрлик – и жгутом вытянул глину рукою.

Дунул на глину огнем – стало творенье змеею..
Годы как реки текут, пишется книга земная.
Дети Эрлика живут с давних времен на Алтае»
(7, С.81-82).

***

Как возникла земля и всё живое на ней

«Раньше поверхность Земли не имела суши и была покрыта водой. Ульгень тогда послал всех рыб искать землю. Земля же была, но только на глубине моря. Услышав зов Ульгеня, рыбы уплыли искать землю. Из всех рыб лишь щука отыскала землю. За это Ульгень наделил щуку большей ловкостью, чем всех остальных рыб. Так щука стала быстрее всех рыб. Создатель, взяв от щуки землю, стал творить ровную, без всяких бугров, гор и ложбин земную сушу. Так Ульгень шел и делал свое дело. Вслед за работой к нему пришла усталость. Ульгень, с чувством удовлетворения, заснул, держа в руке горсть земли.

К спящему Ульгеню тихонько подошел Эрлик. Он взял горсть земли и побежал. Эрлик бежал, а земля продолжала твориться, но творилась уже не так, как у Ульгеня. Прыгнет Эрлик вверх – сделается гора, а ногой надавит вниз – ложок образуется. Так бежал Эрлик до изнеможения. Сел и смотрит на свое творение с недоумением:

– Творение Ульгеня – прекрасная и ровная степь, а мое творение – горы, бугры, ямы, да ложки и выглядят уродливо на фоне равнины.

Ульгень и Эрлик были родными братьями. Ульгень сильно осердился на Эрлика за то, что тот землю испортил горами да буграми. Стал Ульгень своего брата гнать в преисподнюю.

Тогда Эрлик стал просить у Ульгеня немного земли – хотя бы с десятину. Осерчавший Ульгень не дал ему десятину. Эрлик просит еще меньше – хотя бы с сажень. И снова

ему Ульгень отказывает. Наконец, он просит столько земли, сколько у Творца находится под костылем. Ульгень подумал: «Что может сделать Эрлик худого из комочка земли под костылем?» И дал ему просимый кусочек земли.

Эрлик мгновенно залез в эту дырочку и провалился. А из дырочки той, вдруг, полезли змеи, ящерицы, лягушки, черви и полетели букашки, мухи, комары и мошки, все, что не нужно и вредно для человека. Вот так, гласит легенда, что все худое произошло от Эрлика» (19, С. 204).

Вот что пишет А.М. Сагалаев*: «Так действует эта неразлучная пара, друзья-враги Ульгень и Эрлик. Ульгень создает скакуна, – завистливый Эрлик, пытается ему подражать. Но он выгнутую шею животного «приставляет выгибом вниз и получает верблюда.

Однако в целом Эрлик предстает в мифах и легендах удачливым творцом. Этот «злодей» удивительно талантлив. Он первым открыл искусство ковки железа. И может считаться первым кузнецом. Оживляя человека, он дул ему в нос. Играл на железной трубе «о семи ладах». Дул ему в уши, играя на железном комусе «о девяти языках». Эти музыкальные инструменты, как можно догадаться, изобретены им самим. И, наконец, первый шаман* принял свой шаманский бубен от Эрлика.

Ульгень же наделил людей грамотностью, обойдя лишь тех, кто принял от Эрлика шаманство. Связь Эрлика с музыкой, шаманством весьма примечательна. От злобного и мстительного хозяина нижнего мира люди получают драгоценный дар: искусство проникновения в иные пространства.

Своим посохом Эрлик пронзает землю, получив разрешение Ульгеня владеть малым клочком земли, помещающимся под концом посоха Ульгеня. Сделав дыру, Эрлик, по одним сведениям, сам проваливается в нее, а по другим – извлекает из-под земли всевозможных «гадов». Все это можно толковать, как сотворение Эрликом подземного мира и его обитателей.

Посох – атрибут многих архаичных персонажей алтайской мифологии и фольклора, но первым его обладателем называется именно Эрлик. И в его руках посох становится орудием творения. Шаман опирается на трость или посох еще и потому, что его сверхзадача – преодоление трудного пути. Здесь посох просто необходим. Образ Эрлика и его «судьба» в алтайском мифе весьма неоднозначны.

Отстранившись от буквального истолкования мифа, задумаемся: что означает перемещение существа в мир подземный? Только одно – его смерть. Эрлик открывает людям великое таинство смерти, став первым умершим и, как первый, хозяином нижнего мира. Он не может быть воплощением абсолютного зла хотя бы потому, что забирать души людей в нижний мир – это его работа. Это обязанность по поддержанию круговорота жизни. В этом смысле его роль не менее важна, чем роль Ульгеня, посылающего на землю зародыши будущей жизни.

Из недосягаемой небесной выси Ульгень шлет на землю солнечные лучи, оживляющие средний мир. Но когда истекает срок земного бытия, Эрлик уводит души вниз, в мрачные пропасти земные. Психологическая мотивировка алтайских мифов вполне понятна: персонажем, к которому относятся с почтением и любовью, является, конечно же, Ульгень. Эрлика побаиваются. Ведь по его приказу многочисленные слуги наказывают человека за непочтение, обманывают, крадут душу, пугают… Но Эрлик не алтайский вариант дьявола. Он не только равновелик Ульгеню, но он воспринимается людьми как отец. «Адам Эрлик» – зовут его в песнях, легендах и шаманских стихах.

Ульгень на рисунке шамана – это человекоподобная фигура, голова которого излучает солнечное сияние, Ульгень изображается преимущественно благостным.

Небо далеко, земля всегда под ногами. Эрлика мифы отражают как старика могучего телосложения, с румяным лицом, с черными, как сажа глазами и бровями. Раздвоенная

борода его свисает до колен, длинные усы заложены за уши. «Упрямый Эрлик с развевающимися волосами» – так звали его шаманы. Эрлик живет во дворце из железа. Спит он на постели из бобровых или медвежьих шкур…» (15, С. 31-33).

***

О Потопе и создании земли и человека

«Землю, на которой мы живем, алтайцы называют Чын дьерь – действительная земля. Под этой последней есть другая земля, где царствует вечный мрак. Эта область – алтынгы орён (нижний мир) или алыс дьерь (дальняя земля).

Действительная земля в настоящее время переживает второй период своего существования. Начало второго периода алтайцы относят к Потопу – дядык, о котором рассказывают так: «Вестником наступления Потопа был Синий козел с желтыми рогами. Семь дней бегал козел вокруг земли и неистово блеял. Семь дней было землетрясение. Семь дней горели горы. Семь дней шел дождь. Семь дней шел, с бурею, град. Семь дней шел снег. После этого наступили сильные морозы.

О наступлении Потопа знали семь братьев-праведников. Из них старший был Эрлик, а другой Ульгень. Ульгень одарен был божескими способностями и назывался Помчы-книжник.

Братья выстроили кёрёп-корабль (алтайцы говорят, что кёрёп-плот до настоящего времени сохранился на высокой горе Дял-Мёнкю; другие говорят – на горе Ыдык, близ Кош-Агача), на который взяли с собой животных, птиц и пресмыкающихся по одной паре.

Когда кончился Потоп, Ульгень выпустил петуха, но он от мороза погиб. Во второй раз выпустил гуся. Гусь не вернулся в кёрёп. В третий раз Ульгень выпустил ворона. Ворон тоже не воротился назад. Он нашел трупы и стал ими питался…

Семь братьев-праведников вышли из корабля. Ульгень силою Ном (книги мудрости) стал творить человека. Поло-

жил синий цветок-ветренник (кёк чечек) в золотую чашку. Старший брат Эрлик похитил у него часть цветка и тоже сотворил человека. Разгневался Ульгень на брата и проклял его творение, сказав: «Пусть будет сотворенный тобою народ черный и опоясан черным ремнем, а мой народ белый пойдет на восход солнца, а твой народ черный – на запад». Черный народ сделал тунгур* и кузунгу* и первый стал камлать.

По другому рассказу, Ульгень создал тела человеческие и послал ворона к Кудаю* просить души для своего творения. Ворон полетел на небо.

Когда ворон летал на небо Эрлик ночью выходил из своего подземелья на землю. Он увидел на земле новый дворец и тихо подкрался к нему. Во дворце лежали тела людей, которые создал Ульгень. Опасаясь Эрлика, Ульгень поставил сторожить у дверей дворца собаку. Собаки раньше не имели шерсти, а были голые, как и человек. Эрлик и говорит собаке:

– Пусти меня во дворец, дам тебе за это старую шубу, и ты не будешь мерзнуть. Дам тебе пищу, от которой не будешь чувствовать голода целый месяц.

Соблазнилась собака и пустила Эрлика во дворец.

– Все это будет моим достоянием, – сказал Эрлик и вдунул в тела души.

Тела ожили. Тут были дети, юноши, девицы, мужчины, женщины и старики. Так на земле появились люди.

Эрлик имел ружье, которое заряжалось бездымным порохом. Каждую ночь выходил Эрлик на землю и убивал людей, а души их забирал к себе. При этом красавиц он делал поварихами, а юношей стремянными. Ульгень стал замечать, что из его дворца убывает народ. Тогда он незаметно всыпал в пороховницу Эрлика другой порох. Эрлик ночью выстрелил из ружья. Раздался оглушительный гул. Эрлик испугался, бросил из рук ружье, а сам ринулся в подземную пропасть. С тех пор не стал сам выходить на землю, а отправляет за душами своих посланников.

Когда-то Эрлик ездил на белом коне, но отдал его Ульгеню за душу богатыря. Но Ульгень обманул его и вместо души дал ему черного быка, велев садиться на быка лицом назад и погонять вместо плети луновидным топором.

На этом основании алтайцы приносят в жертву не лошадь, а всегда черной масти быка или корову» (19, С. 204-206).

***

О сотворении

«Долго думал Ульгень о том, какой формы создать Землю. Если её вытянуть в длину, зверям и птицам будет неудобно попадать с одного края в другой.

Решил Ульгень создать Землю такой, чтобы отправившись с одной точки, можно было вернуться на прежнее место. Создал Землю Ульгень круглой. Осмотрел её и понял, что чего-то не хватает. Всё есть – горы, леса, реки, луга, растения, деревья, звери и птицы. Но… Наконец понял. Нет на Земле людей. Создал Ульгень мужчину и женщину, а как им душу вставить – не знал.

Тут появился Эрлик:

– Э-э, я давно наблюдаю за тобой. Стараешься, стараешься, но не можешь душу вдохнуть. Это знаю я. Но надо договориться. Если в пятьдесят лет они будут попадать в мои владения, я душу вставлю.

Подумал, подумал Ульгень и ответил:

– Нет, так не годится. Появиться на свет и прожить всего пятьдесят лет – мало для человека. За это время он не достигнет ни одной цели. Бери его к себе после ста лет.

– Ой, кому нужны твои дряхлые старики? – сказал Эрлик и ушёл к себе под землю.

Ульгень опять задумался: как вдохнуть людям душу. Эрлик снова появился.

– Я очень много думал над твоим предложением. Предлагаю: пусть живут люди разного возраста. Одни – долго,

другие – меньше. Те, что будут жить по совести и молиться на тебя, пусть живут дольше. Тех, кто будет жить во вред Земле, я буду забирать к себе.

На том и порешили. Эрлик вынул из кармана сухую дудку, вставил в рот мужчине и вдохнул душу. Таким же образом поступил и с женщиной.

– Как же я, создавший человека, Землю и всё живое на ней, не смог догадаться, как вдохнуть душу в человека! – сокрушался Ульгень.

После этого олн создал много разных людей и всех распределил кого куда: одних – в тёплые края, чтобы они занимались земледелием, других – на север, в холод, чтобы охотились, третьих поселил в тайге, чтобы занимались промыслами.

Хотел Ульгень уже улететь на небо, но заметил, что он всех зверей, птиц и людей сделал говорящими.

– Так не годится, – сказал он. – Все они будут скандалить между собой.

И Ульгень отнял речь у зверей и птиц. Ещё одну ошибку заметил Ульгень. Людей он создал подобными животным.

– Человек не выдержит такой жизни, – сказал он.

Тогда он сделал всех людей айры бут*. А чтобы они бегали тише, чем звери, в колени вставил чашечки.

После этого Ульгень всё ещё раз осмотрел. Сказал:

– Хороший порядок я создал для людей. А кому я буду нужен, зовите меня, я вам помогу!

После этого Ульгень поднялся на Седьмое небо. Раскурил трубку и прилёг отдохнуть» (5).

***

Как Ульгень, Кайракан и Эрлик мир поделили

«Жили на небе три брата, три духа – Ульгень, Кайракан и Эрлик. Стали они спорить, как мир поделить. Долго спорили. Наконец решили: пусть старшему брату Ульгеню принадлежит ◎ст◎ги Ороон*. Теперь он там хозяин: шлёт на зем-

лю мороз и зной, гром и молнии, дождь и снег, пургу и ветер. А чтобы ему было легче со всем этим справляться, назначили духов-помощников: Келегей*, Куралдай*, Погдо-Сонко*, Дьайык*, Мангдышире*, Эрмен-хан*, а также Умай-Эне*.

Средний брат – Кайракан* спустился на землю и создал леса и горы, реки и моря, животных и птиц, человека и стал всем этим управлять. Помогать ему в этом управлении стали: От-Эне* – хозяйка духа огня и Оты◎-ээзи*, Суу-ээзи – дух-покровитель воды, Учар-Суу-ээзи* – духи водопадов, Агаш-ээзи – дух-защитник деревьев, Туу-ээзи – дух гор, Таш-ээзи – дух камня, Кайа-ээзи – духи скал и утёсов, Кайа-тууларды◎ ээлери – скалистых гор хозяева, Каралjы-ээзи – духи болот, Ыйэк-ээзи – покровители рек, гор и долин, а также Jер-суу*, Корычыл* и Jайык*.

Младший брат Эрлик ушёл под Землю и стал владетелем Подземного царства. Посмотрел Эрлик на братьев и создал своих духов помощников. Ближайшим помощником Эрлик сделал Алдаачи* и Айна*. Затем Эрлик создал вредоносных духов – Албыс Кор*, Алмусов*, Кара*, Кӧрмӧсов*,

– Пусть твои духи вместе с тобой под Землёй живут и не вредят людям, – сказали братья.

– Так не годится, – возразил Эрлик. – И мне надо немного Земли.

– Дай мне клочок Земли, – попросил он Кайракана, – совсем немного, чтобы поставить всего один айыл*.

Кайракан подумал и понял, что от этой затеи добра не будет. И отказал Эрлику. Но тот не унимался. Снова пришёл он к своему брату и попросил Земли, чтобы поставить таган*. Кайракан подумал, подумал и отказал. Пришёл Эрлик в третий раз и вновь попросил Замли величиной с остриё трости. Кайракан подумал и про себя решил: «Ну что на этом клочке Земли величиной с остриё трости можно сделать?»

И дал брату Земли величиной с остриё трости. Тут Эрлик поставил на Землю свою трость и пробурил её. Тут же из-под трости полезли существа совсем не нужные на Земле:

змеи, лягушки, ящерицы, комары и много другой нечисти, приносящей вред людям, птицам и зверям» (5).

Мораль легенды очень простая: не отдавай ни клочка земли своему противнику. Береги свою землю, если хочешь, чтобы на ней был мир и покой.

***

О появлении Алтая

«Однажды Ульгень решил создать на земле Золотой Край – обитель мира и счастья. Он призвал Оленя, Сокола и Кедр и приказал каждому искать для себя лучшее место. Где сойдутся их пути – там и быть Золотому Краю.

Долго скакал по земле Олень. Высоко поднимался в небо Сокол. Глубоко уходил корнями в землю Кедр. И, наконец, встретились они в горной стране, где всем троим, было хорошо и вольно. Там и возник Золотой Край, название которого – Алтай» (23).

***

О том, как алтайцы на Алтае поселились

(Записано от сказителя Николая Ялатова в месяц большой жары в 1999 году у Алтын-Туу)

Когда-то давным-давно не имели люди на Земле определённого места жительства. Увидел это Ульгень и сказал своему брату Кайракану:

– Это не есть хорошо. Надо чтобы каждый народ жил в определённых местах. Одни – в тёплых краях, чтобы они занимались земледелием, другие – на севере, чтобы охотились, третьи в тайге, чтобы занимались промыслами.

Так братья и договорились. Только одни алтайцы не успели к разделу владений. Задержались на охоте. Пришли они к Кайракану, а свободной земли нет. Долго думал Кайракан что делать. Наконец решил:

– Есть у меня на Земле место тайное-заповедное. Не каждый может добраться туда. Реки там молочные, горы хру-

стальные, аржаны целебные, луга разнотравные, золотистые. Небо бездоннго-синее, а воздух дурманно-прянный. Для себя берёг я эту землю. Да уж сильно любы вы мне. Народ вы трудолюбивый, спокойный и мирный. Не повредите ни горам, ни лесам, ни рекам и озёрам. Ни зверь, ни птице крохотной. Хорошо. Берите, пользуйтесь себе и детям своим на радость. Так сказал Кайракан. Так и сбылось.

***

О Карлагаш*

Среди ощерившихся скал,
Где волком воет хищник-ветер,
Злой дух Алтая обитал,
Он был за молнии в ответе.

Он в горне их своем калил,
Тяжелым молотом вращая,
Небесных духов часто злил,
Из молний искры высекая.

Устав однажды от трудов,
Уснул лукавый в колеснице.
И тут в его волшебнй кров
Влетела маленькая птица.

Подкралась к горну, взяв углей,
Порхнула в щель чугунной двери
И понесла их для людей,
В любовь и доброту поверив.

Разбужен Эрлик шумом крыл;
Увидев юркую воровку,
Топор в сердцах в нее пустил,
Но птичью не учел сноровку –

Лишь часть хвоста ей зацепил.
Взлетела птица над вершиной,
В её когтях огонь светил,
И искры сыпались калиной.

Так ласточка людей спасла
От мрака вечного и хлада,
Им подарила часть тепла,
Не требуя за то награды.

С тех пор с рассеченным хвостом
Над миром карлагаш летает,
Поближе к людям строит дом,
И жизнь любовью наполняет» (11, С.55-56).

Раздел 3. Шаманы Алтая (АЙЛУ-КЎНДЎ КУДАЙ*)

«Когда-то здесь творили боги,
Рисуя Храм дыханьем жарким.
Алтарь у синего порога
Хранили гордые шаманки.

Рождённые под древний бубен,
Гортанные неслись напевы.
В ущельях таял голос трубный
Лесов кедровых королевы.

В аилах дух витал Ульгеня,
Над дымом сырчики коптили.
И колыхались тихо тени,
Когда зайсаны говорили.

В котлах варили много мяса,
И Эрлик кровью наслаждался.
Здесь всё смешалось: радость, беды,
И день, как таинство, являлся» (8, С.57-58).

Во все времена для сохранения различного рода информации (культов, обрядов, обычаев и т.д.) необходимы были люди, обладающие способностью к совершенствованию и разработке этой информации. На Алтае к таким людям относились на самой первой стадии – кайчы* и шаманы (знахари и знахарки, колдуны и ворожеи). На более поздней стадии развития мифологии им на смену приходят ведуны и сказители. Важным элементом деятельности кайчи, шаманов и ведунов-сказителей было сохранение и передача по наследству многообразного обрядового фольклора.

«Андрей Викторович Анохин* писал: «Шаманизм* – первобытная религия, сохранившаяся в настоящее время только кое-где на земном шаре. Нужно согласиться и с тем фактом, что общество далеко не ясно представляет себе сущность шаманства даже и в том случае, если бы под руками был материал по шаманству, потому что в нём всегда встречается недоговоренность, а именно: в нём нет самого главного – живого действа.

Такого артиста, который чрезвычайно глубоко и искренне погружается в свою роль, мы имеем возможность наблюдать в Алтае много таких случаев.

Во всяком случае, здесь меньше всего встречается той искусственности, которой пользуются наши артисты на своих сценах» (19, С.96-97).

***

Почему на Алтае шаманов мало

«Джунгарский хан Голден ненавидел шаманов. Однажды он выпустил такой указ: «Кто шаманит, пусть в Улалу приедет. В Улалу приедет, свой бубен привезет, шубу шаманскую свою. Хан на это хочет посмотреть». Хан построил аил со ста семьюдесятью углами и кошару. Заколол сто семьдесят семь лошадей, много масла, араки и всякой другой еды приготовил. Два отряда солдат привел. Они аил окружили. Сто семьдесят шаманов приехало со всего Алтая по указу Голдена. Со всех алтайских родов. Самым сильным был шаман с девятью бубнами. На втором месте – с семью бубнами. Не было шаманов только с Улагана и Кош-Агача.

Голден всех шаманов за собак считал: «Разве они люди? Их можно сжечь. Пусть я не один на это буду смотреть, пусть все войско, все зайсаны* и другие пусть это видят». Загнали всех шаманов в аил из ста семидесяти углов. И так сказал им Голден: «Если среди вас есть человек, который может превращаться или людей обманывать, то этот человек живым останется. Мы аил сожжем, а кто выбежит, расстреляем и голову отрубим».

Войско, которое тут стояло, аил подожгло. Всё внутри аила быстро сгорело. Смотрят люди – в аиле вокруг очага один шаман камлает. Еще раньше гусь из аила вылетел. Люди видели это. Семь дней и ночей горел аил. Живым остался Тоолок с Онгудая. Он подошел к Голдену и сказал:

– Весь народ свой ты сгубил. Шаманов своих ты проклял. На твою Родину придет беда. Алтайцы не простят тебе этого.

Хан испугался шамана:

– Я вам все дам, только не шлите беду на мою Родину, нас не губите.

Тут камень шевельнулся в огне. Второй шаман встал, подошел к Голдену проклятье на него навел. Тут третий шаман гусем с неба спустился:

– Не будет скоро твоего ханства, – сказал. – Не простит тебе этого народ.

Вскорости джунгарское государство исчезло, а на Алтае в живых три шамана осталось» (3, С. 70).

***

Камлал шаман

«Камлал шаман под светом звезд беспечных,
Посеребренных отблеском снегов.
Под звуки бубна космос бесконечный
Внимал мольбе ему понятных слов.

***

Плясал шаман по колдовскому кругу.
Взметнулся ярким пламенем костёр,
Волшебным светом озарив округу,
Под воющих волков нескладный хор.

***

Кричал шаман, взывая к древним духам,
Казалось, что в него вселился бес.
И пепел от костра ложился пухом
На замерший в молчанье зимний лес.

***

Стонал шаман, прося у духов мира,
Заканчивая тайный ритуал.
Природа с ним об этом же молила.
С рассветом он без чувств на снег упал» (11, С.58).

***

Мудрый шаман

«В стародавние дни жил на свете шаман,
Средь Алтайских хребтов в старом, скромном аиле.
День и ночь за людей он молился богам,
И о нём по селеньям легенды ходили,
Что шаман может в гости к Ульгеню сходить,
Иль дождя попросить, иль удачной охоты.

Или солнцем согреть, иль луной осветить,
Порчу, наговор снять и облегчить заботы.
Злого Эрлика может дарами смягчить,
Чтобы горе на Землю не слал, устрашая;
Что любые болезни умеет лечить.
Нет сильнее, мудрее шамана Алтая.
Много людям добра он от сердца дарил,
И прожил сотню лет, а быть может, и двести.
Как-то раз в Бесконечность вдруг дверь отворил,
И о смерти своей прочитал там известие.
Кам оставил аил и пошёл на восход,
Чтоб достойному дать свою мудрость и знанья,
Но напрасно искал – стал расчётлив народ.
Кам вернулся домой и устроил камланье.
Много дней он устало кружил и кружил
Между миром живых и пристанищем мёртвых.
Кам у Духа Ульгеня совет попросил:
«Как вселить здравый ум и смирение в гордых?»
Наконец-то ответил шаману Ульгень.
Повелел он на камне писать свои знанья:
«Пусть лежат в глубине, и настанет их день –
К людям мудрость придёт и придёт покаянье!
И тогда всем немного останется ждать.
Лишь откроются тайны седого шамана.
На священный Алтай снизойдёт благодать –
Мир, покой на Земле и любви океаны!»
Гладкий камень нашёл старый кам, написал
Письмена те заветные. Сил не жалея.
Он у горной реки камень тот закопал.
Кто захочет найти, тот, конечно, сумеет»
(11, С.21).

***

По преданию, у алтайских шаманов был обычай: перед своей кончиной уходить в горы.

Лунная песнь шамана

«Вдоль по узкой таёжной тропе,
На исходе цветущего мая,
Плёлся старый шаман в маньяке,*
Верный бубен к груди прижимая.
Поднимаясь по склону горы,
И минувшие годы листая,
Оставлял он для духов дары,
Все традиции гор соблюдая.
Понимал, что пути нет назад:
Остывало его костровище,
И ожившие тени не зря
Погребальными звуками свищут.
Он давно приглядел в стороне,
Среди лиственниц мощное древо.
На осколках священных камней
Оно с ветром шепталось, шумело.
Здесь развёл ритуальный огонь,
Совершая обряд свой сакральный.
И гортанные звуки, как стон,
Полились над тайгою прощально.
В бубен вкладывал старый Молтуй
Свои силы и мудрость шамана.
Вековое наследие лун
Над костром в диком танце витало.
Лишь под утро усталый шаман
Молча бубен укрыл своим телом,
И душа его, словно туман,
Над Алтаем легендой взлетела»
(11, С.107-108).

***

Ускузь-Ул

(Записано от алтайца Санаша)

«У Джаячи-хана был сын Джангыс-Ул. Сын этот заболел. Джаячи-хан призывал многих камов. Никто не мог помочь. Он обратился к знаменитому каму Ярубаю. Ярубай совершил гурум амин золиг* и также оказался бессилен.

Тогда Джаячи-хан призвал другого знаменитого шамана Джарканата. Кам Джарканат пришел, покамлал и сказал, что душу Джангыс-Уда хочет взять Эрлик-каан*, что нужно принести ему в жертву 9 лягушек, 9 змей, 9 вороных лысых коней и 9 черных быков.

Кам пошел к Эрлику и предложил ему 9 лягушек. Эрлик не принял. Затем Джарканат последовательно предложил 9 змей, 9 лошадей, 9 быков. Эрлик ничего не принял. Тогда кам преподнес Эрлику свою шубу и бубен. Когда Эрлик и от этих приношений отказался, кам предложил ему свою душу. И ту Эрлик не принял и сказал, что ему нужно только одного Джангыс-Ула. Джарканат вернулся к Джаянчи-хану и передал ему ответ Ерлика.

Тогда Джаячи-хан сказал:

– Если Эрлик-каан хочет взять у меня сына, то пусть возьмет и весь народ. Мне не так жаль народа, как сына.

После этого Джаячи велел собрать весь народ. Собрали народ. Один только сирота, по имени Ускузь-Ул (Ускузь – по-алтайски сирота), не пришел. Хан послал искать его. Ускузь-Ул сказал посланным, что через три дня придет. Однако не пришел.

Ускузь-Ул и после вторых и третьих послов не пришел

Тогда хан велел связать его и привести. Джаячи-хан спросил его:

– Почему ты не пришел через три дня после первых послов?

Ускузь-Ул отвечал:

– Я считал рыбу в водах.

– Всю ли сосчитал? — спросил хан.

– Всю, — отвечал Ускузь-Ул, – только одной не досчитался.

Тогда вышел из народа один старик и сказал, что действительно он на днях поймал одну рыбу.

Тогда хан спросил:

– Почему после вторых послов не пришел?

Ускузь-Ул отвечал, что он считал цветы и одного не досчитался.

Тогда из толпы вышел один мальчик и сказал, что он пас овец и один цветок сорвал.

После третьих послов он не пришел потому, что увидел человека – с ног нищий, с головы знатный, и не мог надивиться этому явлению.

Джаячи-хан догадался, что Ускузь-Ул говорит о его жене, и хочет сказать, что она – алмус (нечистый дух).

Ускузь-Ул объяснил хану, что когда он высватал за себя ханскую дочь, алмус убила ее, а сама, приняв её образ, стала женой хана. Тогда Джаячи-хан велел убить свою жену.

После этого Ускузь-Ул влез в бубен к Джарканату. Стал Джарканат камлать и удаляться. Ускузь-Ул, сидя в бубне, стал упрекать Джарканата, что он не мог возвратить душу Джангыс-Ула. Джарканат принял это за голос Курмося* и сказал:

– Видно это повеление Кудая, чтобы я снова камлал о Джангыс-Уле. Но как я добуду душу от Эрлика?

И уснул.

Тотчас Ускузь-Ул надел его шубу, взял бубен и отправился к Эрлику. Бубен и шубу повесил на столб, вошел в юрту к Эрлику. Тот спит.

Ускузь-Ул схватил душу Джангыс-Ула и убежал. Эрлик проснулся и видит – души Джангыс-Ула нет. Он выскочил из юрты, видит – шуба и бубен Джарканата. «Это Джарканат украл душу Джангыс-Ула», подумал он и сам отправился к Джарканату.

Ускузь-Ул тоже пришёл, приняв другой вид, а на требование Эрлика отвечал, что душу Джангыс-Ула взял Учь-Курбустан. Так Ускузь-Ул спас Джангыс-Ула» (14).

***

Шаманка

«Когда-то давно на Алтае жила шаманка из знатного рода.
Она неприступной была, как скала, гнала женихов от порога.
Никто покорить её сердце не мог ни в играх, ни в скачках, ни в слове.
Ещё не бывало таких недотрог с заносчивой искрой во взоре.
Гордилась девица своей красотой и даром, что свыше был послан,
И тем, что наряд у неё дорогой, и тем, что роскошные косы.

***

Но люди не знали отказа её, когда их болезнь настигала:
Шаманка входила в любое жильё, подолгу под бубен камлала.
И сила её не имела границ, ей духи всегда помогали:
Наследные тайны от Синих Волчиц с младенчества дева впитала.
Целебные травы алтайской земли в Куюмских горах собирала,
И птицы ей в клювах ракушки несли, которые только желала.

***

Однажды к шаманке гонец прискакал: «У бая жена заболела,
И гаснет огонь у её очага, покрыто коростами тело».
Примчалась шаманка, а бай молодой приветил её у аила.
Колдунья умыла больную водой и в бубен шаманский забила.
Три дня и три ночи камлала она и в яростном танце кружила.
Служили ей духи святого огня – и хворь от больной отступила.
С улыбкою бай для шаманки коня отдал за спасенье любимой,
И в знак благодарности деву обнял, а сердце её защемило,
Забилось, запело в девичьей груди, земля из-под ног уходила.
Но разные с милым у девы пути, и камнем шаманка застыла.
Поныне в Куюме тот камень живёт как сила любви, как преданье.
Весной на нём буйно маральник цветёт: влюблённых зовёт
на свиданье» (11, С. 109-111).

Раздел 4. Шаманские мистерии

«***Мисте́рии*** *(от др.-греч. μυστήριον, «таинство, тайное священнодействие») – религиозная мистическая практика, совокупность тайных культовых мероприятий, посвящённых божествам, к участию в которых допускались лишь посвящённые. Зачастую представляли собой театрализованные представления»* (26).

Мистерии народа Горного Алтая знакомят нас с духовным наследством предков. В них мы найдем отголоски христианских апокрифов и буддийских сказаний, далекие отзвуки религий Ирана и Тибета верований сибирской тайги.

Ниже представлены мистерии, записанные Андреем Викторовичем Анохиным.

Талай*-Хан

Известный этнограф и композитор Горного Алтая Владимир Фёдорович Хохолков пишет: «Талай-Хан» – художественное воплощение древнего шаманского действа. По форме и содержанию эта композиция уникальна настолько, что едва ли ей можно отыскать аналогии и в мировой музыкальной литературе.

Сюжетом для шаманского действа из своих этнографических записей Андрей Викторович Анохин выбрал мистерию – «Талай-Хан» (Морской бог). Эта мистерия совершается только у одного алтайского племени, а именно у телеутов.

При обработке же деталей шаманского действа Анохин пользовался элементами из шаманства и других племен Алтая, а что касается мелодий, то сюда вошли даже мелодии из монгольских лам, записанные им в Монголии в Улангомском монастыре и в Саксайской курее. Это не что иное, как идеализированное действо.

Фабула подлинных алтайских мистерий слишком широка. Она затягивает действо на несколько часов, а иногда на целую ночь.

Все мистерии у алтайцев совершаются с кровными жертвоприношениями, когда животное: корову, быка, овечку, лошадь умерщвляют путем удушения, завязавши им рот веревкой и раздирая им ноги на четыре стороны. Так требует шаманская традиция.

Смысл этих мистерий и жертв двояки: или шаманисты благодарят доброго духа за благо, или умилостивляют при тяжелых болезнях человека.

В своей композиции Анохин берет второй случай, т.е. такую мистерию, когда она совершится с кровной жертвой над больным человеком. Первая картина представляет собой обычное начало действа. В нём кам созывает своих служебных духов. Действие происходит в юрте.

Все служебные духи, призываемые камом, подразделяются на две категории: на духов кровных предков (души умерших камов и камок) и духов без плотского происхождения. К последним принадлежит: Яйык, олицетворение весенних сил природы, живущий в поднебесной синеве и Сюйля с конскими глазами, руководитель камских процессий. В этот же момент действия кам славословит свою одежду (шубу и шапку) и бубен, призывает два сокола, которые парят над его плечами, а также Карлыка (быстролетную птицу).

Карлык дает каму разные известия об опасности от других духов.

Служебные духи кама — его броня и щит. С их только помощью он может совершать то или другое моление. С их же помощью он совершает дальнее путешествие к Морскому богу. Поэтому кам просит духов сплотиться и вместе с ним идти к грозному Талай-Хану. Духи ободряют кама и дают согласие лететь вместе с ним к морскому богу. Окружив кама кольцом, духи летят из юрты к Талай-Хану.

В камских мистериях действо в юрте считается первым этапом.

В дальнейшем на пути к Талай-Хану кам встречает новые этапы – место соединения семнадцати океанов, которые он с духами переплывает на рыбах. В этих океанах его встречают знакомые утопленники и просят его о помощи. За океанами кама встречает следующий этап – семнадцать плесов с сильно волнующейся водой. Там живет морское существо Кербалык. В своей пьесе Анохин миновал указанные два этапа.

Вторая картина – действо кама у морского бога. Кам и духи просят у грозного хана дозволение войти с ним в общение и изложить перед ним свою нужду – мольбу о страдающем под солнцем человеке, который по воле Талай-Хана болеет и предназначен к смерти.

Морской бог свирепо принимает пришельцев земли. Он узнает, кто они и зачем пришли. Но когда кам сообщает, что хану принесена на земле жертва за искупление страдающего

человека, и после слов кама: «За душу человека прими душу чистого животного, принесенного тебе в дар на заре красного утра, в первых лучах солнца». Талай-Хан свой гнев сменяет на милость. Он разрешает больного от страданий, дает ему и другую милость – зародыши на скота, на зверей, на людей.

В длительном восторге кам и духи выслушивают милость Хана

и выражают это общим пением магических слов: «Ок пурый, пурый». Далее поется слава Талай-Хану и начинается прощание с последним.

В заключение кам призывает двух гусей. Они всегда сопутствуют каму при обратном путешествии домой. Получив благословение Морского бога, кам, духи и гуси летят домой, в мир страданий и несчастий.

Третья картина – в юрте у больного: а) Возвращение кама от Талай-Хана. б) Вдувание кута (жизненного начала), в) Распускание камом своих духов, г) Изгнание узутов (злых духов, чертей) из юрты больного. Пьеса написана в одном действии и в двух картинах» (19, С. 98-99).

Талай-хан (Морской бог)

(Идеализированное шаманское действо по мистериям алтайских камов)

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Действие происходит в юрте алтайца.
Кам созывает духов и кропит им вино.

КАМ: Эй! Отцы наши древние, Несгораемый в огне,
прислонившись к Дял-Мёнку, Многочтимый Тостогош.
Чистый навар от казана, творение месяца и солнца,
питие твое, кайракан, Чок.
Эй! Разрушавший в небе лед, именуемый сын неба,
опиравшись на Адыган
Мудрый отец Качи-кам, яснозрящий Кок-Оло,
Кооко воскресший. Родовитый мой отец кам,
Беспримерный Ады-док, прилетевшая с Алаша

Мать родная Канаа. чистый навар от казана,
Творение месяца и солнца, Питие ваше, кайракан, Чок.
Эй! Мой верный Кан-Сюйля, Сюйля косноязычный,
С светящими глазами, в пути руководящий.
Два разных сокола, с простертыми крылами,
Спуститесь с высоты, займите мои плечи.
С могучими когтями, с могучим медным клювом,
Разведчик Хан-Карлык. Мой бубен Ак-Адан,
С блестящими глазами бесчисленный Мыдяк,
С бесчетными украшениями из перьев птичьих шапка,
Опоры нашей веры шестигранный мой Яик
Эй! Яй, яй, яй, яй!
Между небом и землей слышен в белой ясности
Твой язык, как сильный гром. Чистый навар от казана,
Творение месяца и солнца. Питие твое, кайракан, Чок.
Слетайтесь все! Садитесь на мои плечи,
Скрепите мои кости – мои девять суставов.
Чу! Слышу... Дуновение.
Чу! Слышу... Их дыхание.
ХОР ДУХОВ: На зов твой, кам, со снежной тайги,
Где мы питаемся, где мы купаемся,
Где мы играем, кам, пришли духи!
На крик твой, кам, спустились с высоты,
К жилищу твоему, где горе сильное,
Где помощь скорая нужна для людей.
КАМ: Благодарю Вас, мое сильное войско!
Кто Вы? Скажите свое имя!
1 ДУХ: Я Тостогош, Несгораемый в огне!
2 ДУХ: Я Качи-кам, В небесах пробивший лед!
3 ДУХ: Я Кок-Оло, Ясновидящий!
4 ДУХ: Я Кок-Ко, Воскресавший три раза!
5 ДУХ: Я Канаа, Мать летающая!
6 ДУХ: Я Кан, Кан, Кан-Сюйля с конскими глазами!
7 ДУХ: Я чистый Яик, живу в поднебесной синеве,
В поднебесной синеве.

(Кам отправляется с духами к Талай-Хану)

ХОР ДУХОВ:

Вот мы духи, тобой призываемые, славословимые.
С тобой, кам, идем смело, идем бодро!
Сюйля вперед пойдет.
Мы мощны, кам, мы сильны, кам!
Сюйля вперед пойдет!
СЮЙЛЯ: Я Кан, Кан, Кан-Сюйля вперед пойду.
КАМ: Благодарю Вас, Мое сильное войско.
Теперь ведите меня: Хозяину вод,
Хозяину рек, Хозяину озер,
Хозяину источников.
ДУХИ: Эй, кам!
КАМ: Идите со мной!
ДУХИ: Мужайся, кам!
КАМ: Сплотитесь все!
ДУХИ: Мы тесно.
КАМ: Стеною крепче.
ДУХИ: Мы крепко.
КАМ: Скоро дойдем?
ДУХИ: Скоро дойдем!
КАМ:К грозному хану?
ДУХИ: К грозному хану Сюйля вперед пойдет.
К грозному хану.
КАМ: Питающему рыб, питающему птиц,
Питающему скот, питающему зверей,
Питающему леса, питающему траву,
Питающему людей, под солнцем живущим
Талай-Хану.
ДУХИ: Эй, кам!
КАМ: Чу. Я слышу голос...Мне страшно.
О, ужас мне какой. Леденеет ум, застыло сердце.
Эй! Талай-Хан!
ДУХИ: Что так смущаешься,
Что так трепещет сердце, кам?

КАМ: Я изнемогаю.
ДУХИ: Талай-Хан – грозный кам.
КАМ: Я изнемогаю от страха.
ДУХИ: Талай-Хан – страшный кам,
Но милостив. Эй, кам!
ЯИК: Окружите его со всех сторон.
ДУХИ: Эй! Кам!
ЯИК: Сжимайтесь, тесней кольцом.
ДУХИ: Эй! Кам!
ЯИК: Скрепите его девять костей.
ДУХИ: Эй! Кам!
ЯИК: Обвейте его мышцы.
ДУХИ: Эй! Кам!
ЯИК: Прострите к нему руки свои.
ДУХИ: Эй, кам!
ЯИК: Летим к Отцу-Хану.
ДУХИ: Эй, кам, летим.
СЮЙЛЯ: Я Кан, Кан, Кан-Сюйля вперед лечу.
ДУХИ: Сюйля вперед летит. Летим, кам.
(Конец первой картины).

ВТОРАЯ КАРТИНА

ТАЛАЙ-ХАН: Держу я воды на морях,
Держу я воды в озерах, держу я воды на горах.
В шуме, в брызгах, в волнах, в пене,
В снежных бурях, В грозных тучах –
Сила моя в них. Питаю я траву и лес,.
Питаю я зверей и скот, питаю я рыб и птиц,
Питаю я все живущее под солнцем.
Я морской хан, живу в бездне, на дне моря.
Я морской хан, повелеваю морским ветром,
Я морской хан, волную океаны,
Я морской хан. Держу я воды на морях,
Держу я воды на реках, Держу я воды в озерах,
Держу я воды на горах. В шуме, в брызгах.
В волнах, в пене, В снежных бурях,

В грозных тучах, сила моя в них.
ДУХИ: Великий хан, могучий хан.
Мы духи с снежной тайги, с чистых озер.
Слетели мы в твое царство, Талай-Хан.
О, Талай-Хан!
ДУХИ: Пригибаем колено Пред тобой – хан.
Могучий хан. Не губи ты жизнь
Красного червяка.
КАМ: Великий хан.
ДУХИ: Имеющего нитяную душу.
КАМ: Страшный хан.
ДУХИ: Дай благословение войти к тебе.
КАМ: Грозный хан.
ДУХИ: Взгляни ласковым глазом на него – хан.
КАМ: Эй, Талай-Хан!
Дай благословение войти к тебе,
Взгляни ласковым глазом на меня, хан.
ДУХИ: Молим, просим.
ТАЛАЙ-ХАН: Эй-те! Ой, ой!
Если ты человек, то должен быть на коне,
Если ты зверь, то должен' быть с шерстью.
Эй! Эй-те! Ой, ой! Черный котел.
ДУХИ: О, пощади, Талай-Хан,
О, не губи, красного червяка.
КАМ: Ты начальник мой всезнающий, всесильный,
А я раб твой, как крупинка. Повелишь, и умру.
Талай-Хан!
ДУХИ: Воздай хвалу ему, кам.
КАМ: Ты могуч и велик. Держишь воды на морях,
Держишь воды на реках, держишь воды в озерах.
Эй, Талай-Хан.
ТАЛАЙ-ХАН: Эй, ты, черный котел!
Скажи, кто ты такой? Скажи имя!
ДУХИ: Скажи имя!
ТАЛАЙ-ХАН: Какого рода, кам?

ДУХИ: Скажи род свой.
ТАЛАЙ-ХАН: Какого племени?
ДУХИ: Скажи племя. Эй, кам.
КАМ: Я древнего рода Чорос,
Потомок славного кама,
Кадылбаша великого,
Он Тебя возносил, могучего,
Он тебя прославлял.
ТАЛАЙ-ХАН: Эй-те, кам!
КАМ: Ты начальник мой. К тебе я иду первый раз.
ТАЛАЙ-ХАН: Эй-те, кам!
С какой нуждой пришел ты, кам, шумя, гремя.
Эй, кам.
КАМ: Человек на земле там,
где солнце и месяц ярко светят.
Преклоняя, он меня просил Талай-Хан,
Эй, Талай-Хан.
ТАЛАЙ-ХАН: Эй-те, кам. Слушаю твою нужду кам.
ДУХИ: Умоляй ты хана, он тебе внимает, кам.
Изложи пред ним ты, нужду народа, кам.
КАМ: Эй, Талай-Хан!
ДУХИ: Мы твой щит и покров.
КАМ: Развяжите страдания, облегчите мучения,
Продли жизни дни его, дай ему ночной покой.
Эй! Питаемой умножь!
ДУХИ: Умножь ему, Талай-Хан.
КАМ: Все растущее взрасти.
ДУХИ: Взрасти ему, Талай-Хан.
КАМ: Скота в пастбищах плоди.
ДУХИ: Плоди ему, Талай-Хан.
КАМ: Криком детским окружи.
ДУХИ: Криком детским окружи.
ТАЛАЙ-ХАН:
Какой ценой пришел снискать милость мою?
Какой дашь выкуп за страдающего человека?

Моя власть над ним, моя воля в нем:
Повелю и умрет, повелю и живет.
О, несчастная тварь.
ДУХИ: Жалкая тварь.
ТАЛАЙ-ХАН: Под солнцем живущий человек.
ДУХИ: Под солнцем живущий человек.
КАМ: Кайракан.*
ДУХИ: Не карай.
КАМ: Кайракан.
ДУХИ: Не губи.
КАМ: Кайракан.
ДУХИ: Развяжи мучения страдающего человека.
КАМ: За душу человека страдающего под солнцем,
Вручаю душу чистого животного,
На заре красного утра, в первых лучах солнца,
Тебе принесенного в дар.
Присоедини к золотому престолу,
Дай свой правый суд, дай свое правое благословение,
Талай-Хан!
ДУХИ: О, великий хан.
КАМ: Прими душу.
ДУХИ: О, могучий хан.
КАМ: Прими душу.
ДУХИ И КАМ: За страдающего человека.
ТАЛАЙ-ХАН: Эй-те, дерзкий кам.
За то, что ты меня возносил,
Ты меня прославлял, за то, что из рода в род,
Из века в век, люди мне кланялись,
Пусть будет милость моя над ним.
ЯИК, КАНАА, СЮЙЛЯ, КАМ, ВСЕ ВМЕСТЕ:
Истинно слово царя-хана.
ДУХИ: Ок, пурый, пурый, пурый.
ТАЛАЙ-ХАН: Даю ему светлые дни, даю ночной покой,
Даю ему зародыши на детей, на зверей,
На траву, на скота. Пусть будет благословение над ним!

ЯИК, КАНАА, СЮЙЛЯ, КАМ, ВСЕ ВМЕСТЕ:
Пусть милость хана не отскочет.
ДУХИ: Ок, пурый, пурый, пурый.
КАМ: Теперь, мои верные духи, славьте его.
ДУХИ: О, великий, о, могучий. Талай-Хан, морской бог,
Живущий на дне океана. Держишь воды на морях,
Держишь воды на реках, держишь воды в озерах,
Талай-Хан, морской бог.
Хвала тебе, питателю зверей, скота и рыб,
И птиц, травы, лесов. Хвала тебе,
Питателю живущего под солнцем человека,
Хвала тебе, Талай-Хан, Морской бог.
ТАЛАЙ-ХАН: Вы меня прославляли, вы меня просили,
Вы меня молили. Летите домой с миром.
КАМ: Тебя мы прославляли.
Тебе мы вручали душу животного.
И ты дал нам милость свою для страдающего.
ДУХИ: Ты великий, ты могучий, Талай-Хан, морской бог,
Живущий на дне океана, не вынуждай нас,
Не утруждай нас, оглядываться назад.
ТАЛАЙ-ХАН: Летите с миром.
КАМ: И благословением.
ДУХИ: Талай-Хан.
(Кам призывает гусей и возвращается с духами домой)
ТАЛАЙ-ХАН:В дальний путь, обратный путь,
С Улан-горы, с Сюмер тайги зовет кам гусей.
КАМ:Кагак, кагак, кагак, кагак.
Кагак, кагак, кагак, кагак.
Мои два равные гуся летите с нами,
Соедините нас с пламенным огнем,
С шестью развилинами.
ГУСИ:Кагак, кагак, кагак, кагак.
КАМ:Мое сильное войско! Пришло время воздать нам
Последний поклон Талай-Хану.
О, великий Талай-Хан,

О, могучий морской бог.
Баш болзын, кайракан.
ТАЛАЙ-ХАН:Ай, ай, ай, ай, ай, ай, кам,
Неси золотой суд мой,
Ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай, кам,
Слушайте мои слова:
ТАЛАЙ-ХАН, КАМ, ХОР ДУХОВ ВМЕСТЕ:
Держу я воды на морях, держу я воды на реках,
Держу я воды в озерах, держу я воды на горах.
В шуме, в брызгах, в волнах, в пене,
В снежных бурях, в грозных тучах,
Сила моя в них.
Питаю я все живущее под солнцем.
Я морской хан живу в бездне на дне моря,
Я морской хан повелеваю морским ветром,
Я морской хан волную океаны,
Я морской хан держу я воды на морях,
Держу я воды на реках, держу я воды в озерах,
Держу я воды на горах. В шуме, в брызгах,
В волнах, в пене, в снежных бурях,
В грозных тучах. Сила моя в них!
КАМ: Эй, Талай-Хан, держишь воды на реках,
На горах держишь воды. Питаешь лес, питаешь скот,
Питаешь птиц, все под солнцем.
О, могучий, о, великий Талай-Хан, морской бог!
ТАЛАЙ-ХАН: Летите в мир страданий печали и слез.
КАМ: Ах, как страдает под солнцем мир.
ДУХИ: Несчастный мир.
КАМ:Благодарю Вас, мое сильное войско.
Теперь ведите меня к пламенному огню домой.
ДУХИ: Эй, кам!
КАМ: Шарбатай.
ТАЛАЙ-ХАН: Шарбатай.
ДУХИ: Летим.
КАМ: Шарбатай.

ТАЛАЙ-ХАН: Шарбатай.
ДУХИ: Сюйля вперед пойдет.
СЮЙЛЯ: Я Кан, Кан, Кан-Сюйля.
ДУХИ: Сюйля вперед летит.
Летим в мир страданий, летим, кам.
ТАЛАЙ-ХАН: В мир страданий, шарбатай кам»
(19, С. 144-157).

Эрлик

(По камским мистериям алтайцев.
Музыка и перевод с алтайского А. Анохина
г. Барнаул, февраль 1923 г).

Эй, тэ! Эй, тэ! Ау гау! Ау гау!
Я имею коня Аргымака, гау!
Я имею постель из семи бобров, гау!
Эй! Моя борода и усы черней угля, гау!
Эй! Лицо у меня и глаза мои черней сажи, гау

***

Я держу луновидный топор, гау!
Я на заре пью народную черную кровь, гау! Эй! Эй!
Ко мне и птица не летит,
Ко мне и звери не идут.

***

Я разрушаю, разрушаю все живущее на земле.
Я царь преисподней.
Я владыка ада! Я богатый Эрлик!
Есть у меня там солнце и месяц,
Они светят во мраке вечной ночи,
Ха, ха, ха, ха!

***

Есть у меня там семь дорог,
По ним зверь, по ним люди не пройдут,
Хо, хо, хо, хо!

***

Есть у меня там и река Тойбодым
Из людских горьких слез,
Ха, ха, ха, ха!

***

Есть у меня там дворец
Из железа, из грязи сделан он,
Хо, хо, хо, хо!

***

К нему ведут чрез реку мост
Из конского волоска,
Хо, хо, хо, хо!

***

Есть у меня там озерко
С черной кровью людской — питье мое,
Ха, ха, ха, ха! Эй! Эй! Эй!

Мною взлелеяныя? Мною вскормленныя
Мои черныя девять дочерей.

***

Голыя, вертлявыя, ленивыя, бесстыдныя,
Семь раз обвивающия гибкий стан волосами,
С тонкими ногами без коленных чашечек.

***

И туда, и сюда, и направо, и налево.
Во все стороны гоп! И руками и ногами,
И плечами и всем телом махающие. Гоп!
На гладкой катушке и пляшут, и скачут! (3 раза).

***

Мои богатыри, старшие сыновья:
Караш на коне с плетью,
Поводом из живой змеи,
Темир-Хан с грудью железной,
С каменным сердцем,
Маатыр с медными локтями,

С каменным посохом из скалы,
Пулей, стрелой не уязвим.

***

Я, могучий Эрлик!
Таковы мои сыновья, мои дочери.
Таков преисподний мир,
От начала веков он был создан так.

***

Когда творилась земля.
Нырнул я на дно моря.
Со дна морского я достал
Одну горсть черной грязи.

***

Из грязи Ульгень создал землю.
А я создал горы.
Так творилась земля. (3 раза).

***

Когда творился человек,
Ульгень сорвал пучку.
Из пучки Ульгень создал тело,
Оставив тело во дворце.

***

А я, прокравшись во дворец,
Вдохнул через дудку душу.
Так творился человек! (3 раза).

***

С тех пор за творческую силу
Ульгень меня невзлюбил.
Просил я у него одну пядь земли,
И он мне не дал.
Тогда, оставив свет и солнце,
Я ушел в мрак подземный. (4 раза).

***

Там своею творческую силою
Создал себе я другой новый мир,
Новый мир другой.

***

С тех пор чрез своих верных слуг,
Я посылаю на землю болезнь,
Чрез своих верных слуг,
Я посылаю на землю и глад,
Чрез своих верных слуг,
Я посылаю на землю и мор и смерть!

***

Топлю в крови от меча людей,
Ищу свою я долю – Душу человека!
Она моя! Я богатый Эрлик!
Она моя! Я богатый Эрлик!»
(19, С.158-160).

Раздел 5: Богатыри и герои
(АЛТЫГЫ ОРООНЛО ТАРТЫШКАНЫ КЕРЕГИНДЕ КАЙ ЧӦРЧӦКТӦР*)

Под хлябью сумрачного неба,
Травы увядшей до весны,
Обширь земли, народа скрепа,
Богатыри стоят видны.

Алексей Канахин

Особое место в сказаниях и мифопоэтике Горного Алтая занимают богатыри. Вот как о них пишет Бронтой Янгович Бедюров: «Богатые фантазией алтайцы часто импровизируют деяния богатырей-героев, обладающих недюжинной силой, смекалкой и хитростью. Часто богатыри выступают как владетельные ханы. Их владения находились на земле, под землёй и на небесах.

Происхождение богатырей. Многие богатыри не имели ни отца, ни матери и произошли на свет сами собой. Так в

одной легенде о богатыре Пюдее говорится: «Жил один старик. У него не было детей. Он часто плакал и причитал: «Нет у меня ни сына, ни дочери и некому похоронить меня». Вот он однажды увидел птичку на дереве, которая ему сказала: «Старик, не плачь! С возвращением твоим в дом, у тебя родится сын, у которого грудь и спина будут золотыми, а зад – серебряный!» Как птичка сказала, так и случилось».

<…> Наречение имени. Важный шаг в жизни богатыря – это получение имени. Имена богатырям даются не при рождении, а когда богатырь уже ощутит в себе силу, готовится к проявлению её в битве. Имена даются на сражении или после подвигов богатыря. Имя даётся собранием народа. В исключительных случаях Кудай (Бог) лично нарекает богатыря или богатырский конь нарекает своего господина. «Сын Ак-хана задумал отправиться на седьмое небо, во владение Пары (Кереде). Но он ещё не имел имени. Ак-хан собрал народ, но никто не мог дать имя сыну его: дать худое имя – боялись, а хорошего – не находилось. Все разошлись. Только осталась одна старуха и сказала: «Я назову» – «Назови». «Пусть будет ездящий на сивом коне – Алтын-Тайчи. Это имя хорошее».

<…>Богатырская сила. В большинстве сказаний богатыри-герои обладают недюжинной силой.

– Алтын-Эргек поворотил золотую гору и перебросил её за Белое море.

– Хан Тюдей, встретив препятствия, продолжал путь к Жёлтой скале. Выпустил из своего богатырского лука боевую стрелу, о 60 концах, со словами:

– Вот будет мне дорога, о которой сказка пройдёт до позднейших поколений.

Стрела рассекла скалу посередине и проложила путь богатырю.

– Монус-Пакай, возвращаясь с охоты, приносил в каждой руке по маралу.

– При борьбе богатырей земля дрожит и горы рушатся.

Подвиги богатырей в младенческом возрасте. Чисто бо-

гатыри совершают подвиги ещё в младенческом возрасте. «Мальчик (впоследствии хан Пюдей) жил у одной старухи-воспитательницы. К этой старухе неоднократно подходили волки и выли: «Что нам съесть у тебя – единственного питомца или корову?» Старуха отвечала волкам, что сына не отдаст, а пусть съедят корову. Мальчик спросил: «Чего требуют волки?» Старуха ответила. Мальчик, лёжа в зыбке, сказал старухе, чтобы она велела приходить волкам через 7 суток и обещала бы выдать им сына. Старуха исполнила. Затем мальчик разбил железную зыбку, встал, растоптал ногами чугунный котёл о 70 ушах и из обломков его сделал боевую стрелу о 90 острых концах. Ещё растоптал чугунный же котёл о 6 ушах и сделал из него шестиконечный булатный меч. Затем растоптал ещё чугунный котёл о 7 ушах и сделал 7-конечное булатное копьё. Мальчик вышел из дома, обошёл 6 гор, нашёл 6 рогов теке (дикого козла), загнул и сделал лук.

<…> отправился на охоту за волками. Перешёл 6 горных вершин и на седьмой увидел лежащих в снегу волков и сказал им: «Ешьте теперь мальчика, которого вы требовали!» И с этими словами проколол ноздри у волков, продел крючок и отправился. По дороге волки издохли. Мальчик ободрал их и, возвратившись к старухе, сказал: «Вот тебе семь волчьих шкур: сшей из них семь пар рукавичек». Разделавшись с волками, мальчик отправился на звериный промысел».

<…> Богатырские битвы. Богатыри редко сражались с войсками, но большею частью решали дело единоборством друг с другом. Причём богатырская сила сохранялась до глубокой старости.

– Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Старик (его звали Арслан) сказал старухе: «Я пойду на войну с Еки-Моосом». И отправился. Старик поднялся на Ледяную гору, с корнем вырвал там железный тополь и наехал с ним на Еки-Мооса. Стал молотить его до того, что железный тополь разбился вдребезги. Но Еки-Моос как-то изловчился и убил Арслана…

– Хан Пергень, бывши на охоте, напал на след марала и погнался за ним. Догнал его до владений Медного богатыря и убил. Потом пошел в дом Медного богатыря, поздоровались, отрекомендовались. В разговоре хозяина с гостем объяснилось, что марал был прирученный, которого Медный богатырь послал, чтобы привлечь хана Пергеня в свои владения. «Для чего я тебе нужен?» – спросил Пергень. «Давай поборемся и подерёмся, померяемся силами. У кого окажется силы больше, тот пусть завладеет скотом и народом малосильного». Предложение принято с готовностью. Хозяин и гость вышли из дома, схватились. Из луков стрелялись, саблями бились в продолжение 9 лет, но победить друг друга не могли. <…> Наконец Медный богатырь, выбившись из сил, запросил пощады: «Ты меня одолел, прошу тебя – не убей меня, весь мой народ, весь мой скот возьми себе». Хан Пергень повёл такую умную речь: «У Медного богатыря есть дочь, хорошая девушка, ты отдай её за меня». На том соперники помирились и учинили байгу (пиршество) В.И. Вербицкий. Из книга «Алтайские инородцы», Москва, 1893 год» (17, С.260-262, 268, 270-277).

В большинстве легенд и сказаний богатыри выступают защитниками народа. Избавляют его от чудищ и злых духов.

Мудрый богатырь

(Павел Александрович Чагат-Строев 1925 г.)

«Вселенной мудрый богатырь,
Чтоб обозреть родную ширь,
На высочайшую из гор
Поднялся, и земли простор
Глазами быстрыми объял
И зорко вглядываться стал.
Тайгу насквозь он увидал.
Прекраснейшая Мать-земля
Как на ладони у него.
Чудеснейшая Мать-земля
Как будто в сердце у него.

***

Увидел он с вершины той
Народ земли своей родной.
О, из напастей всех напасть!
Чья там прожорливая пасть?
Семидесятиглавый Змей
Его землёй владеет свей.
Неся страдания и страх,
В горячих плавает слезах,
В крови купается людей
То чудище, ужасный Змей!

***

Всё это Мудрый разглядел
И страшным гневом закипел.
Так громогласно закричал –
В горах обрушился обвал.
«Семидесятиглавый тать,
Людей привыкший убивать,
Пасть разорву твою, – сказал, –
Умеющему только жрать,
Народ несчастный угнетать,
Я ослеплю тебе глаза!»

***

В ответ семидесятиглавый Враг
Собрал змеиный свой совет.
Шипел он на совете так:
«С тех пор, как существует свет,
Впервой рождён такой наглец,
Тастаракай его отец,
Его одежда из мешков –
Вот Мудрый Богатырь каков.
Он мысли чёрные открыл.
Со мной сразиться он решил».

***

Всесильный Мудрый Богатырь
Отважно движется вперёд.
Два войска встретились, и вот
Час грозной битвы настаёт.
Он в бой за свой родной народ
Лицом к лицу со Змеем встал.
Мечами бьются, но никто
Из них не может победить.
На пиках бьются, но никто
Не смог другому повредить.

***

Великий богатырь готов
На землю гадину швырнуть.
Спасая семьдесят голов,
Противник рад бы ускользнуть –
Уже не верит злобный тать,
Что может верх он одержать.
Тут богатырь, что было сил,
Врага проклятого схватил.
Над головой его поднял,
Ему синь неба показал.

***

Да так швырнул, что страшный Змей
На россыпь грохнулся камней.
Земля качнулась в тот же миг –
Так Змей проклятый был велик.
И камни чёрные его
На части тело рассекли,
Так кровь хлестала из него,
Что реки чёрные текли!
Тут Мудрый богатырь идёт,
Меч богатырский достаёт.

***

Срубает семьдесят голов,
Бросает их в глубокий ров.
А тело сжёг и пепел весь
С обрыва в пропасть побросал.
И не осталось ничего
От Змея страшного того.
Навек свободу обретя,
На общий праздник все идут.
И песни звонкие поют.
Про Мудрого Богатыря»
(9, С. 39-51).

***

Сказание о Алтын-Мизе

(Записано в селе Аскат Н.Я. Никифоровым в 1914 году от Чолтыша Куронакова. Комментарии Г.Н. Потанина)

«Старик Марал (обогон Марал) ставил самострелы (аjа) на небольших горах, ставил петли возле озер. Что падает в петли и самострелы, брал и тем питался. Старуха Кандыкчи копала сарану и кандык и этим питалась. Старуха выкапывала сарану и кандык, варила утрами и вечерами, клала на блюдо, сидела возле.

Говорит:

– Эта пища дана находящимся вверху небом. Так пусть же этой моей пищи достигнет до находящегося вверху Кудая.

Учь-Курбустан-кудай говорит:

– В моем творении не было таких бедняков, как эти (старик и старуха). В созданных мною червях и жуках не было такой пешей бедноты.

Учь-Курбустан наказывает черно-бурому жеребцу:

– Корми, – говорит, – старика и старуху.

Черно-бурый жеребец спустился на землю, пришел в аил старика и старухи. Остановившись, встряхнулся: сдела-

лось немного народу. Прилег и покатался: сделалось немного скота.

Однажды старик Марал вышел из шалаша (чадыр), видит, стало немного скота и немного народу. Старик Марал видит – стоит черно-бурый жеребец при нем немного народу. Во главе народа старик с белой бородой (ак сакалду) Адучи. Старик Марал поздоровался.

– Старик Марал, – говорит Адучи, – ты над этим народом хан, над скотом хозяин. Хотя немного, но твой народ. Хотя и немного, но это твой скот.

Старик Марал воротился домой и говорит старухе Кандыкчи:

– Хотя мало, но имею народ. Хотя мало, но имею скота. Находящийся вверху Учь-Курбустан дал.

Петли и самострелы остались у старика Марала без употребления. Не стал он более охотиться. Кандыкчи перестала копать кандык и сарыгай. Старуха бранит старика:

– Имея скот, имея народ, теперь не стал уходить из дому. Петли и самострелы совсем забыл. Думая, что стал ханом, не стал выходить из аила. Если будешь безотходно сидеть со мною, что падет тебе от меня?

– Куда я пойду, старуха? Что теперь мне делать? – отвечает старик.

– Ходи и езди на гору с зарубиной. Всегда смотри и гляди. Поджидай на дороге Кэзэря.

Взяв в руки седло и токум, старик вышел и ходит. Кладет седло на чубарого коня, с письменами (пичикту), садится на чубарого коня и отправляется в путь.

Едет по окраине своего народа рысцой, въезжает рысью на две острые тайги (горы). Осматривает кругом поверхность Алтая. Кругом осматривает поверхность земли. Глазам его ничего не видно.

Стал внимательнее смотреть. Под солнцем и месяцем протянулась дымовая синева (кок тудускек). Видит за семью Алтаями идет войной царское войско (кан черу). Концы пик

кажутся, как лес. Концы мечей кажутся, как лед. Лица людей, как красный огонь. Дыхание коней, как бледный туман.

– Малочисленный скот мой видно будет припасом для великанов. Малочисленный народ мой видно пойдет в плен. Какой такой богатырь прибудет и будет рубить мою шею? Немного, видно, придется мне жить!

Заплакал старик и поскакал домой. Обратно поскакал в свой Алтай Елезин-Берель.

Возвратился домой, спустился с коня у железной коновязи. Когда вошел в свой аил видит старуха, родивши мальчика, пеленает его.

– Зачем родила дитя перед войной и безвременьем?

Мальчик лежит.

– Какой богатырь проткнет середину живота моего дитяти? Лучше бы Кудай не дал его. Лучше бы не создал, чем создавать.

Старик и старуха сидят и плачут. Отец держит ноги дитяти, мать держит туловище.

Черно-бурый жеребец вошел в аил, взял в зубы мальчика и вышел, сказав:

– Не говорите хоть будут убивать. Пойду и спрячу дитя.

Черно-бурый жеребец умчал мальчика и бросил малое дитя на дно черного озера с крышкой.

– Черное озеро с крышкой, будь матерью, корми! Не давай видеть тому, у кого глаза холодны. Не давай тому касаться, у кого руки холодны.

Бросив малютку на дно черного озера, конь обратно назад примчался. Обратившись назад, конь проглотил малочисленный скот, проглотил малочисленный народ и стал щипать траву Елезин- Берель-Алтая.

Концы пик подобны лесу, концы мечей подобны льдам. Царское войско подошло. Обстало кольцом вокруг аила.

– Где твои великаны – стреляться. Где силачи – бороться?

Старик Марал и старуха вышли. Тряслись оба колена. Они сказали:

– Старость и годы давно настали. Угоните, если нас нужно. Если хотите, то убейте.

Усадили старика и старуху на чубарого коня с письменами. Черно-бурого жеребца погнали. Черно-бурый жеребец волшебством (ильби) и фокусами (тармы) умудрился написать письмо к Учь-Курбустан-кудаю.

– Пусть письмо дойдет до матери Карагула, стоящей у дверей Учь-Курбустана (Карагула, по объяснению Чолтоша, мать черно-бурого жеребца – Г.П.).

«Иду в плен. Алтай Елезин-Берель остался безлюдным. Только черное озеро с крышкой осталось с малюткой».

Конь сделал белое письмо, которое дошло до матери Карагула, стоящей наверху. Мать передала белое письмо Учь-Курбустану. Там была написана жалоба черно-бурого жеребца. Учь-Курбустан-кудай говорит:

– Людей, живущих плохо и забитых, считают ничтожными. Есть братья, рожденные от кобылицы Карагула, кроваворыжий (кан ерен) Аршин-Jедер и Учкур-Конгур (крылатый коурый). Пусть они идут и отомстят.

Учь-Курбустан наказывал Аршин-Jедеру кормить дитя, находящееся в черном озере с крышкой. Коню Учкур-Конгуру наказывал:

– Спустись на Елезин-Берель-Алтай, создай народ и белый скот. У старика Марала на Алтае пусть будет полным полно народу, полным полно скота.

Три бога (учь бурхан) Учь-Курбустану сказали:

– Что хочешь создать, пусть будет воля твоя. Что думаешь, пусть будет одинаково с нашей думой.

Учкур-Конгур спустился на землю. Аршин-Jедер, рыжий конь, спустился на землю. Спустились оба к черному озеру с крышкой. Аршин-Jедер кормил малое дитя на дне озера.

Учкур-Конгур спустился на Елезин-Берель-Алтай. Лег и стал кататься. Алтай сделался, полон скотом. В одном месте остановился, отряхнулся, сделались подданные. Это видел Учь-Курбустан.

Конь Учкур-Конгур ударил глухими копытами в сторону. Сделался старик Адучи-би с белою бородою в девяносто сажен длиной. Адучи распоряжался скотом.

Кто будет главою над народом? Создан богатырь Учкур-Кула. У него конь Чолтук-Кулак (корноухий).

Конь Учкур-Конгур ударил глухим копытом в сторону, голенями, как плеть, ударил на излом, вышел золотосеребряный орго (дворец) о шестидесяти шести углах, а у дверей золотая коновязь с шестидесятью гранями.

Конь Учкур-Конгур сделался старухой средних лет, одетой в полинялую шубу, передние зубы выпали. А глухое свое копыто сделал котлом. Поставил котел варить.

Аршин-Jедер вывел со дна черного озера с крышкой на землю то дитя. То дитя, бегая за рыжим конем Аршин-Jедером, не отставая, называло его матерью.

Малое дитя видит: стоит золотосеребряный орго. Аршин-Jедер говорит:

– Дитя, ты будешь в нем жить. Ты должен быть ханом. Ты должен первый открыть двери. Что только нужно – все будет здесь.

Отворил створчатую дверь и вошел. Стоят вещи, глаза скользят по ним. Золотые, серебряные сокровища стоят.

Старушка с белой головою в полинялой шубе ставила для мальчика улюм-чикыр. Мальчик ест пищу, выбирая, которая повкуснее.

Через два дня дитя выговаривает слово «мать». Через шесть дней выговаривает «отец».

Бегает с луком, сделанным из жерди (сыра), со стрелами из сыраль-джин (полыни). Не пропуская кверху летящую птицу, стреляет. Не пропуская вниз летящую птицу, убивает.

В один день мальчик забежал:

– Человек должен быть с именем, а зверь должен быть с шерстью. Назови мне мое имя.

Аршин-Jедер сказал:

– Погоди, дитя! Наречем твое имя.

К близ живущим народам посылали послов, а к дальним подданным посылали письма и знаки (тамга). «Тори (чиновники) и бии. Готовится хан».

Глава народу богатырь Учкур-Кула, имеющий коня Чолтук-Кулак, правит народом. Учкур-Кула надевает панцирь о девяносто пяти пуговицах, золотой чумь о шестидесяти шести пуговицах. Вышел, держа в руке седло и токым*. Клал на коня потники огромные, как поля и прогалины. Клал бронзовое седло арташ. В переплет затягивал тридцать подпруг. На перекрест завьючивал арагай-саадак*. В переплет накладывал белый меч из алмас-стали.

Оперлись ноги о стремя. В три перегиба перегнувшись, поехал.

Подъехал к золотой коновязи с цепями. Привязал коня Чолтук-Кулака, снял с себя арагай-саадак, прислонил его к золотому дворцу. Отворяет золотую створчатую дверь, заходит. Золотой шлем держит под мышкой.

Войдя, видит – сидит мальчик на золотом троне, подпершись руками в бока. Мальчик сует широкою, как поле ладонь. Просит:

– Езень! Здравствуй, абагай (дядя по отцу), – говорит.

Поздоровался, подошел, сел рядом.

– На что требовали? – спрашивает Учкур-Кула.

– Чтобы назвали мой путь и имя, – говорит мальчик. – Собирай подданный народ мой. Нареките мне имя!

Богатырь Учкур-Кула собирает народ. Кололи лошадей, гривастых, как верблюды-самцы (бууры), имеющих набрюшное сало, как облака. Учкур-Кула гремит, как небо, звенит, как железо:

– Назовите имя моему хану! Кто даст хорошее имя, тому дам часть этого скота, дам часть этого народа. Кто худо назовет, отрублю голову и положу к ногам. Отрублю ноги и положу к голове!

Никто не осмеливается назвать. Думают: «Если назовем, да имя окажется не по нраву, то будет рубить нам головы. Хорошее бы имя дали, то ли понравится, то ли нет».

Подошла, ругаясь, старуха старика Адучи. Говорит:

– Разве голодные пришли сюда наедаться? Разве ненасытные хотят здесь отжиреть? Родился от такой же бабы, как и я. Ну-ка я назову!

Старуха благословляла хана:

– Нет души умереть. Нет крови, краснея, пролиться! Плечистый, чтобы не схватил, пальчатый чтобы не словил, щекастый, чтобы не оговорил. Достигай, куда направился, побеждай, на кого осердился. Не я благословляю тебя, а благословляет тебя конь находящейся на небе. А имя твое Алтын-Мизе. Не я так называю тебя, а вверху стоящий Учь-Курбустан-кудай так называет тебя. Народ (арка јон), согласны ли вы?

Племя и народ сказали:

– Согласны!

Алтын-Мизе золотой чумь о шестидесяти шести пуговицах надевает. Панцирь о девяносто девяти пуговицах надевает. Черный саадак арагай навьючил на плечо крестообразно. Привешивает белый меч из алмас-стали. Опоясывает колчан со стрелами. Взял в руки бледную пику. Нога вступила в стремя. В три изгиба, ловко усевшись, поехал Алтын-Мизе.

Богатырь Учкур-Кула клал седло на коня Чолтук-Кулака, надевал золотой чумь о шестидесяти шести пуговицах, поверх надевал панцирь о девяносто девяти пуговицах, на плечи клал арагай-саадак, белый меч привешивал, препоясывал колчан, стрелы (в котором) казались, будто обгорелый лес. Вступил ногою в стремя. В три изгиба ловко усевшись, поехал.

Едет день и ночь, не разбирая их. Едет с громом, подобным небесному. Со звоном, как от железа. Спустился у золотой с цепями коновязи о семидесяти семи гранях. Снимая арагай-саадак, прислоняет его к золотому орго. Брал правую

руку у хана Алтын-Мизе. Опираясь на правое колено, подходил и садился рядом.

– По какой надобности требовали, хан мой!

Алтын-Мизе говорит:

– Правый рукав мой поистерся, заменяя подушку. Постель поистерлась от постиранья. Где есть мне суженая?

Учкур-Кула говорит:

– Где мне знать более вас? Вы знаете, хан!

– Хотя это и так, но говори. Если хорошо, то будем свататься, если худо, то оставим.

Богатырь говорит:

– Около Елезин-Берель-Алтай есть рядом желтый Алтай. Движется, не движется желтая река. Внутри желтого Алтая есть юрт Куньду-хана. Алтын-Тана (золотой перламутр) дочь Куньду-хана, говорят, хороша. Вот если бы нам посватать ее?

Алтын-Мизе говорит:

– Если так, то я сам тебе скажу. Можешь ли съездить, посвататься.

– Если ехать – почему не съездить? Посланный с дороги не возвращается. Пущенная стрела от камня не ворочается.

Богатырь Учкур-Кула садился на коня Чолтук-Кулака.

– Прощай, мой хан! Прощай хребет народ (Арка јон). (Арка – северная сторона гор, всегда покрытая льдом. Арка јон – народ, по количеству подобный арка, т.е. лесистому боку горы – Г.П.).

Быстрее и быстрее едет рысцой Учкур-Кула. Кричит криком ста богатырей. Делает топот, как от ста коней. Едучи, вспомнил и говорит:

– Что это со мною? Еду в грубое место. А если я умру, то разве скажет птица, или приползший червь?

Стал поворачивать обратно. Стал слазить у дверей золотосеребряного орго.

Хан Алтын-Мизе вышел навстречу:

– Что случилось, мой богатырь Учкур-Кула?

Богатырь отвечает:

– Расстояние будет большое. Нельзя сказать, что не умру. О моей смерти разве скажет птица или червь?

Хан говорит:

– Откуда я буду знать о твоей смерти?

– Две острые тайги с травою чэмэне и черетом сгорят до половины. По этому узнаешь о моей смерти, – говорит богатырь. – Черное озеро с крышкой испарится до половины. Поэтому знай! Об этом я хотел сказать, да забывши, уехал. Прощай, мой хан!

И сам поехал в путь. Быстро, торопясь, едет. Встречаются реки и воды, переваливает через горы. Вот он едет, по вороту узнает лето, по плечам узнает зиму.

Показалась железная тайга (Темир-тайга), ставшая поперек дороги. Взъехал на Темир-тайгу с роздыхом. Три раза примерявши (рассчитавши), взъехал. Взъехав, смотрит с хребта Темир-Тайги.

Видит синюю реку, которая движется и не движется. Посреди синего Алтая стоят табуны, как кустарники. Живет народ, как черный лес. На берегу синей реки (кок талай) виден железный орго.

У дверей железного орго стоит железная коновязь с семью развилинами. У железной коновязи стоит сине-серый конь. Богатырь Учкур-Кула вошел в аил. В торе* сидит богатырь, подперши руками тонкую талию. Широкую, как прогалина в лесу, ладонь протянул и здоровается. Держа за правую руку, опираясь на правое колено, подошел Учкур-Кула и сел рядом.

– Куда напираешь и едешь, спотив коня, изнурив себя молодца?

Учкур-Кула отвечает:

– Учкур-Кула богатырь на коне Чолтук-Кулаке, имеющий небо Кендин, имеющий кудая Учь-Курбустана, имеющий Алтай-Елизин-Бороль и две острые тайги с травою чэмэне. Такой-то есть мой Алтай. Семьдесят семь лет прошло с

тех пор, как потерялся черно-бурый жеребец. Не видали ли ваши пастухи чего такого? Вот ищу я этот табун.

– В нашей земле ничего такого не видали. Далее отсюда поищешь, увидишь, – говорит хозяин.

– Ваше имя, как и какой ваш путь? – спрашивает Учкур-Кула.

– Я Темир-боко (железный силач), имеющий железного цвета сине-серого коня.

Темир-боко говорит:

– Почему не прибыл сам Алтын-Мизе? Неужели не дойти его коню? Или его язык заикается? Если умрешь на посылках между двумя ханами, твою смерть не почтут даже наравне с собачьей. Получишь гибель, исполняя поручение между двумя ханами.

Богатырь Учкур-Кула говорит:

– Такому ли человеку надо мной смеяться!

Вышел сам из аила, сел на своего коня Чолтук-Кулака и с громом поскакал вниз по синему Алтаю! Едет он и видит тридцать две тайги, принадлежащих хану Соло. Видит, белеются тридцать две реки. Три месяца въезжал на эти тридцать две тайги. Поднявшись на тайгу, смотрит туда и сюда. Табуны, как черные кустарники, рассыпались за основание Алтая! Народ как черный лес, расселился вокруг Алтая. Золотой орго хана Соло стоит меж белых облаков, подпирая синее небо.

Прискакал Учкур-Кула к железной коновязи хана Соло. Привязал своего коня Чолтук-Кулака. Черный арагай-саадак прислонил к дверям золотого орго. Отворив дверь, вошел в золотой орго. На торе сидит, упершись руками в бока, хан Соло.

Учкур-Кула здоровается, протянув ладонь, широкую, как долина (јалан). Опираясь на колени, идет и садится рядом. Беседует с ханом Соло.

Хан спрашивает:

– Как твое имя, какой твой путь, из какого Алтая приехал?

Учкур-Кула отвечает:

– Я богатырь Учкур-Кула на коне Чолтук-Кулаке, имеющий небо Кендин, имеющий кудая Учь-Курбустана, имеющий Алтай-Елизин-Борель, две острые тайги с травою чэмэне и черетом. Рядом с этим Алтаем есть желтый Алтай. В середине желтого Алтая есть желтая река. Посреди желтой реки есть желтый остров. Посреди желтого острова есть отверстие ада с семью ртами. Из ада с семью ртами вырос желчный тополь (темир терек) без сучьев. Когтистые звери, цепляясь, не могут по нему подняться. На вершине железного тополя есть белое эрдине. Оно умерших поднимает, угасших зажигает. Потерялся черно-бурый жеребец о семи клыках. Семьдесят семь лет проходит с того времени. Нет ли на вашей земле такой лошади?

Хан Соло говорит:

– Такой невиданной (солун, «интересный», «странный» – Г.П.) лошади на нашей земле не было. Если бы такая невиданная лошадь пришла, то пастухи табунов сказали бы. Ты изнурился и устал, да и конь твой шел дальний путь.

Ставил хан золотой стол о шестидесяти шести углах, ставил на стол пищу улюм-чикыр. Учкур-Кула от каждого блюда брал пробы и ел. Голодный, стал наедаться. Хан Соло подавал крепкого горького (ачу корон) вина (арака). Учкур-Кула пьет араку. Опьянел глубоко и сделался красный. Пришел в такое состояние, то сознает себя, то нет. (В тексте: билинярга билинбеся – Г.П.)

Он говорит:

– Хан Соло. У основания неба и земли есть семигранная (jеты крылу) медная гора (тайга). На этой тайге есть золотой камень величиной с большой палец (таш эриек пойлу). Укажи мне, я буду стрелять.

Хан Соло про себя думает: «Зачем такого послал ко мне Алтын-Мизе? Он поселит раздор между двумя ханами и вынудит войну. И будет страшно большая война».

Находясь в таком состоянии, Учкур-Кула стал буянить.

Хан Соло выбежал из золотого орго. Он взывает:

– Горы и камни не препятствуют силачу Туданак-боко. Озера и воды не препятствуют силачу Кольденёк-боко (Туданак от слова ту, «гора», Кольденёк от коль, «озеро» – Г.П.). Идите скорее! Аилы и юрты все ломает. Чашки и сани – все ломает. Идите, держите его!

Немедленно явились два богатыря Туданак-боко и Кольденёк-боко.

– Что такое? – спрашивают.

– Держите его! – приказывает хан Соло.

Два богатыря вынесли Учкур-Кулу. Завернули в семьсот бычачьих шкур и, завязавши, положили.

Богатырь Учкур-Кула пробудился. Лежит весь в черном поту. – Что-то я наделал?

Лежит задумавшись. Лежит и ворочается. Два богатыря подошли и смотрят. Развязывают семьсот бычачин и говорят:

–Теперь пришел в сознание!

Не отпускают его, ведут в аил хана Соло. Учкур-Кула зашел в аил хана Соло и видит у хана Соло лицо похолодело.

– Постой, постой друг Учкур-Кула! Зачем поломал мой стол с золотыми ножками? Зачем изогнул мой черный чугунный таган? Что тебе сделано худого, когда я тебя поил и кормил?

Учкур-Кула опустил глаза и ничего не отвечает.

– Кто тебе говорил, что у основания неба и земли есть медная семигранная тайга? И что на вершине есть золотой семигранный камень? Теперь если хочешь стрелять, выходи, стреляй! Кто тебе говорил, что под землей у меня есть откармливаемый богатырь? Жди. Утром рано он будет.

Учкур-Кула говорит:

– Разве есть у меня непрерывная жизнь? Кто же будет стрелять в твой золотой камень, если не такой молодец, как я? Кто же будет бороться с твоим богатырем, если не я?

А завтра утро забелелось. (В подлиннике: «основание

утра забелелось» – Г.П.) Слышен был большой шум в нижнем мире. Из нижнего мира, разорвав твердую землю, вышел богатырь Темир-эргек. Половина его находится в нижнем мире, половина вышла в верхний мир.

Темир-эргек говорит:

– Где ваш силач? Ничего в нем нет похожего на образ человека. Какое-то безобразие (ан иок).

Богатырь Учкур-Кула пошел навстречу, нисколько не струсив, и говорит:

– Живущий в нижнем мире, откармливаемый «тамга»! Тебе ли кланяться, перед тобой ли унижаться?

Сказавши это, ударил Темир-эргека ладонью по щеке и по глазу. А богатырь Темир-эргек ударил Учкура в свою очередь. Отлетела круглая голова Учкура.

– Зачем меня вызвали ради этакой дряни. Могли бы сами с ним расправиться. А беспокоите и вызываете меня.

Богатырь Темир-эргек гремел, как небо, звенел, как железо. Гремя, ушел в нижний мир.

То место, где стоял у железной коновязи конь Чолтук-Кулак, есть, а куда скрылся, того места нет.

– Озера и воды, – говорит хан Соло, – не препятствуют силачу Кольденёк-боко, горы и камни не препятствуют силачу Туданак-боко. Догоняйте коня Чолтук-Кулака скорее! Не допускайте до своей земли. Когда бы ни было, не придется жить покойно и мирно. Прежний юрт мой будет разрушен. Алтын-Мизе будет воевать.

Туданак и Кольденёк погнались за конем следом вдогонку. Поджидают у основания неба и земли. Под солнцем и луной, под синим небом конь только раз показался мельком. Один из богатырей выстрелил, отстрелил волос от хвоста и гривы. Другой выстрелил, стрела соскоблила края четырех копыт.

Конь Чолтук-Кулак без хвоста и гривы прыгнул и исчез. Два богатыря отстали и хлопают себя по коленам. Два силача воротились.

– Ну, что сделали, силачи?

Отвечают:

– Не могли! Остались сзади.

Хан Соло говорит:

– Заназмившийся юрт будет изрыт, замшелый юрт будет разрушен. Видно придет Алтын-Мизе!

Богатыря Учкур-Кула, завернув в желтую кошму, завязали, и там, где сливается девять рек, положили. Придавили черным камнем величиною с дом. У монголов встречается ухырь хара чило, черный камень, (величиною) с корову – Г.П.).

Хан Соло собирает свой народ и наказывает всем, кто старше малых детей и моложе беззубых стариков:

– Говорите, что Учкур-Кула сюда не приезжал. Алтын-Мизе непременно приедет.

А сам Алтын-Мизе поехал осматривать две острые тайги, поросшие травою чэмэне и (другую) с белой глиной. Когда приехал к двум острым тайгам с травою чэмэне и белой глиной, горы обгорели до половины.

– Э! Чаалды! (Междометие удивления вроде: «вот так штука»! – Г.П.) – сказал хан, – Би абагай (дядя-би) умер!

Черное озеро с крышкой до половины высохло. Племена и народ до половины вымерли. Белый скот до половины вымер.

– Ну, видно, Учкур-Кула, дядя-би умер! Чем ему умереть, лучше бы я умер!

Из глаз Алтын-Мизе покатились слезы. Обратно поехал домой. Подъехал к золотой коновязи о шестидесяти шести гранях. У золотой коновязи стоит конь Чолтук-Кулак.

– Где дядя-би Учкур-Кулак?

Конь отвечает:

– Лука седла изломалась, молодец великан умер. Хвост и гриву мне отстрелили. Чуть и я не умер.

Не спустившись у золотой коновязи Алтын-Мизе едет и говорит:

– Пусть останется (т.е. забудется) мое имя Алтын-Мизе, если я не разрушу твой мох (иезе) (иезе застарелый нарост на жилье, мох, которым обросла крыша дома – Г.П.) (т.е. мох хана Соло). Пусть забудется Алтын-Мизе, если я не разрушу твое заназьмелое стойбище!

Не слезая с коня, поехал далее. Отряхнулся, на одном плече выросла молодая береза. Над ней играет черный тетерев (в тексте казра кара-куртук. Слово казра осталось без перевода – Г.П.). Из другого плеча вырос кедр. Над ним играет казра черный глухарь. У кроваво-рыжего коня Аршин-Jедер передние ноги пляшут. Задние ноги без перерыва иноходят. Он (т.е. Алтын-Мизе) играет на семиструнном тандыр-комысе и едет. Играет на девятиглазом толгой-чогур.

Спускается на белый Алтай. Позади его слышится звук черного панциря, будто небесный гром.

– Кто за мною едет вослед?

Сказавши это, Алтын-Мизе остановил своего коня и ждет.

Закипел черный туман. Закрыл месяц и солнце. Черная пыль заклубилась, закрыла белый Алтай. Теперь Алтын-Мизе стал смотреть и видит два уха бело-игренего коня (ак-чабдар), который поднимает черную пыль. Как сам же молодой, подъехал молодец. Золотая шлем-шапка надета на виски, спину и плечи покрывает золотая кисть о шестидесяти прядей.

Не успел Алтын-Мизе зажмурить глаз, не успел отдернуть сунутую руку, молодец подъехал. Спрашивали друг у друга:

– Езень менду.

– Какой дороги, как зовут? Кто будут отец и мать? – спрашивает Алтын-Мизе.

Отвечает ему богатырь:

– Единственный сын Иер-кезеря (Земли-кезеря) (иер— «земля», кезер— «витязь» – Г.П.) Алтын-Таш (золотой камень), имеющий бело-солового (ак сары) коня с золотой

шерстью. Единственный племянник едет в трудное место. Услыхав об этом, пожелал быть товарищем и приехал.

– Дядя! – говорит Алтын-Мизе. – Я, как тебе буду племянником, когда я не знаю ни отца, ни матери?

Дядя отвечает:

– Твоя мать Кандыкчи, не так ли? А отец твой Марал, не так ли? А Кандыкчи дочь Иер-кезеря.

Богатыри спустились к золотой коновязи о шестидесяти шести гранях, вошли в золотой орго, сели в тор на белый шердек (ковер из шестидесяти слоев).

Конь Аршин-Jедер движением своих глухих копыт (глухое копыто, т.е. без выемки сзади – Г.П.) создал золотой стол о шестидесяти шести углах. Ели отборную пищу (аштынг бажы) (буквально: «головка пищи» – Г.П.). Проголодавшиеся насытились.

Сидели два молодца и играли в шагай шатра (шахматы). Сидят, не замечая ни дня, ни ночи, увлекшись игрой.

Хан Соло собирал свой народ, говоря:

– Почему Алтын-Мизе не приехал? Где он едет?

Он послал трех соглядатаев (шинжечи) на небо. Три соглядатая, зайдя на дно неба, смотрят оттуда и видят – стоит золотой орго, в котором Алтын-Мизе с одним молодцом играет в шагай шатра. Стряпкой (казанчы) у них старушка, с передних зубов совсем старая.

– Неужели в его племенах и народах не нашлось молодца вместе неё? Что это за старуха, которую он сделал своей казанчи?

Рассуждая об этом, три соглядатая спускаются с неба. Их спрашивают:

– Ну, что?

Три шинжечи говорят:

– Приехав в белый Алтай, поставив золотой орго и золотую коновязь, у которой стоят бело-соловый конь с золотой шерстью и кроваво-рыжий конь Аршин-Jедер, два равных молодца играют в шагай шатра. У них казанчы* преклон-

ных лет без передних зубов, страшно проворный садится ли, встает – все делает легко.

Хан Соло говорит:

– Почему у двух хороших молодцов такой казанчы? Воротитесь и разузнайте об этом казанчы. Не он ли настоящий јеткер чулмус, который опасен для жизни?

Три шинжечи опять поднялись на небо. Сделавшись тремя Чолмонами, сидят (Чолмон – звезда Венера – Г.П.).

Старуха (казанчи) против трех шинжечи, сидящих на небе тремя Чолмонами, делает ильби тармы (волшебные чары), чтобы они в словах не были согласны. Три шинжечи смотрят. Старуха, подняв котел, поставила, пришла обратно, проворно села на место.

Один шинжечи видит у старухи из-под полы виднеются волосы (в тексте кыл, т.е. конский волос; шерсть тук – Г.П.), конский хвост, а другому этого не видно.

Три шинжечи между собою разговаривают:

– Откуда у человека взялся волосяной хвост.

Один говорит:

– Должно быть, что её собственные волосы, (т.е. человеческие).

Другой говорит:

– Я не вижу! Откуда ты это видишь?

Трое дрались и плевались. Воротились обратно. Один видел конский хвост, другой видел человеческие волосы, третий ничего не видел.

Старая старуха среди темной ночи, сделавшись серой пташкой прилетела и села на тюннук хана Соло и подслушивает.

Хан Соло с женой говорит:

– Почему Алтын-Мизе не едет? Почему не явились посланные три шинжечи? Горы и камни не препятствуют силачу Туданак-боко, воды и озера не препятствуют силачу Кольденёк-боко. Завтра рано надо пойти и послать их. Пусть они бранят и ругают его. Пусть плетью стегают его аил.

Пташка возвратилась назад и говорит:

– Завтра придут люди и будут стегать аил плетьми и будут бранить. Вы молчите.

Утром два силача приехали, стегали аил плетьми и бранили, говорили:

– Ит! (собаки!)

Алтын-Мизе молчал. Силачи кричали:

– Зачем поставил орго посередь дороги. Зачем поставил на два места для аилов? Сделаем дыру в твоей мозговитой голове! Порвём твои кровавые внутренности!

Вышла навстречу старушка в яргаке (яргак — поношенная шуба, оголившейся от шерсти. Доха иакы – Г.П.).

– Эй, эй, дети мои! Разве нельзя спросить в аиле?

Два богатыря, довольно наругавшись, вошли в аил. Алтын-Мизе и Алтын-Таш не обратили на них внимания и продолжают играть в шагай шатра, даже не взглянули и не спросили ни слова.

Старуха говорит:

– В камне, в аиле разве есть, что худое?

А сама угощала, кормила их. А в пищу клала тармы*, чтобы они друг на друга обиделись и подрались. Подавала им корон-аракы.

Один говорит:

– Разве ты можешь держать то, что я могу держать?

Другой говорит:

– Разве ты можешь сделать то, что я могу сделать?

После этого стали ссориться.

– Ты собака!

– Ты собака!

После этого один другого ударил по щеке. Ударяя по щеке, один другого взяли за ворот. Один другого били кулаком, за косу друг друга таскали. Побили друг друга так, что ни глаз, ни лица не видно. И вышли.

Алтын-Таш обоих вытолкал в шею.

– В нашем орго подрались, – говорит Алтын-Таш, а по-

том скажете, что вас били Алтын-Мизе и Алтын-Таш.

Двое дрались, дрались и уехали домой.

Старуха говорит:

– Ты дядя Алтын-Таш поезжай вперед, а мы вдвоем завтра поедем.

(Далее следует стереотипное описание, как Алтын-Таш снарядил лук арагай, оделся, в три изгиба изогнулся и поехал).

Когда ехал, поймал двести барсуков (борсук), двести сурков (тарбаган), дал им в передние лапы камыш (кулузун). Превратив их в ханское войско (каан черу), едет к аилу хана Соло. Разделил их на два войска, сделав им из сарыльджина луки и стрелы.

Жена хана Соло видит в отверстие над дверью концы пик, как лес, концы мечей, как лед. Лица людей, как степные налы (орт). От дыхания лошадей стоит багровый туман.

– Калак*, калак! Пришло ханское войско! Что стоишь? Что не выходишь на встречу войной?

Хан Соло вскочил и смотрит. Едет Алтын-Таш, сделав войско из двухсот барсуков и из двухсот сурков.

– И я немного знаю такой ильби, – говорит хан Соло. – Ведь, и у меня есть такой тармы.

Усевшись опять, он смеялся. Раз крикнул, как будто ударил гром. Двести барсуков отстали. Луки стрелы и пики побросали. В другой раз крикнул. Двести сурков отстали. Луки стрелы и пики побросали.

Алтын-Таш рассмеялся, подъехал к золотой коновязи и слез с коня. Шестьдесят богатырей принимали коня. Семьдесят богатырей вели его под руки. Алтын-Таш вошел в золотой орго. На белом ширдеке в шестьдесят рядов сидел хан Соло. Сказали друг другу:

– Езень! Езень!

Алтын-Таш развернул луноподобную ладонь. Подав ее, здоровается, садится рядом. Из пищи ели сладкое, а из вина пили горькое.

Едет Алтын-Мизе. Он достиг до юрты хана Соло. Подъехал и сошел с коня. Вошел в золотой орго.

Хан Соло вышел навстречу, здоровается и говорит:

– Здравствуй, уре! (Уре – «ровесник, сверстник» – Г.П.) Усадил в аиле на белый ширдэк в шестьдесят рядов. Ставили золотой стол о шестидесяти шести углах. Ставили пищу алиман-чикир.

Алтын-Таш спрашивает про золотой камень, величиною с большой палец, про богатыря, откармливаемого под землей.

– Друг (нади) хан Соло, зачем не ведешь бороться?

Хан Соло смотрит вниз и думает: «Если выведу, то начнут воевать и будет на век месть».

– Если хотите стрелять в золотой камень, то стреляйте!

Алтын-Таш взял и руки золотой лук о шестидесяти шести текпе*. Из глаз Алтын-Таша показался белый огонь (сыр) (сыр «белокалильный жар» – Г.П.). Как игла кажется золотой камень на хребте семигранной медной тайги. Положил стрелу Кайбур-jебе на тетиву. С конца стрелы потянулся огонь. Натянувши, выстрелил. Стрела воткнулась на полувысоте тайги.

Хан Соло послал семьдесят богатырей, семьдесят тажууров (тажур, турсук, кожаная посуда – Г.П.) вина (арыки), и мясо от семидесяти ириков (ирик, взрослый подложенный баран – Г.П.).

– Пусть скорее явится мой богатырь Темир-Эргек, – говорит хан Соло.

Живущий в нижнем мире богатырь Темир-Эргек разорвал земельный пласт и вышел. У богатыря Темир-Эргека разогревают кровь и тело семьдесят богатырей, нагревают его железной колотушкой (темир токпок).

Темир-Эргек спрашивает у хана Соло:

– Где твой силач, который будет бороться? Где твой великан (алып), который схватится со мной?

Алтын-Таш надел медные продырявливающие рукавицы

(ойо тутар јес мелей). Затыкает две полы, затыкает два рукава (в подлиннике: пилек, «заведь» (выражение русских крестьян в Алтае), т.е. рука от локтя до кисти – Г.П.).

Не труся, вышел навстречу. Надел медные сапоги, которые проступают землю насквозь до нижнего мира. Ударивши друг друга по щеке, схватились за ворота. Большие тайги ломались и сыпались крупою. Большие реки плещутся и выступают из берегов. Лежащий лес ломался лежа. Стоящий лес, ломался стоя.

Хан Соло говорит:

– Правда ли, что ты не будешь заступаться, если твой богатырь будет убит?

– Э, чин. Да, правда, – сказал Алтын-Мизе.

Алтын-Таш чаще стал хватать землю, реже стал держать молодца. Алтын-Мизе подумал: «Уважаемый дядя должно быть будет убит».

Заткнув две полы, засучив два рукава, Алтын-Мизе вырвал из рук Темир-Эргека Алтын-Таша. Бросил Темир-Эргека назад себя. Поднял промеж белых облаков. Поднял так, что Темир-Эргеку показались синие облака (синие облака, т.е. те, которые выше белых – Г.П.). Задевая им за черные россыпи с окнами (кознёк), он принес его и бросил. Шею и спину растоптал. Бежавшая кровь походила на реку. Кости лежали подобно тайге. Алтын-Мизе взяв золотой платок, утер свой горький пот и пришел.

Ударил по щеке хана Соло. Бросил его так, что семь слоев земли распоролись по швам. Оттоптал ему шею от спины. Очищая свой горький пот расхаживал.

Алтын-Мизе говорит:

– Разрушим юрт, обросший мхом (језе), раскопаем юрт, заросший назьмом. Белый скот погоним. Учкур-Кула, хозяин коня Чолтук-Кулака, где его кости находятся?

Посередь реки, которая движется и не движется, при сиянии девяти рек, – говорит Чолтук-Кулак.

Высушили девять рек, отвалили черный камень, величи-

ною с корову. Под камнем лежал Учкур-Кула, завернутый в желтую кошму. Алтын-Таш помазал ему рот оживляющим снадобьем (монкулук емь), от которого угасший огонь загорается, умершая кость воскресает.

Учкур-Кула ожил и говорит:

– Я думал, что я на этой земле, а видно, что я был на той земле. Когда найдём и сосватаем девицу Алтын-Тана в Алтай- Елизин-Берель. Большой пир устроим! Я буду семь лет жить здесь в юрте хана Соло.

Алтын-Мизе садился на кроваво-рыжего коня Аршин-Jедера. Учкур-Кула садится на своего коня Чолтук-Кулака. Остановился там, где земля с небом сходятся. Отряхнулся, стал беркутом, у которого крылья, как горы и скалы, голени толщиной более обхвата, и поднялся на белое небо. Вращаясь (в тексте: тэскинып, вращаясь по-шамански взад пятки – Г.П.), осматривает поверхность земли, кружась, осматривает поверхность Алтая.

– Где же, – говорит Алтын-Мизе, – Алтын-Тана?

Видит на берегу синей реки стоит белый орго. Чубарый, как звезды, стоит у железной коновязи.

– Какого же это хана юрт? – спрашивает Алтын-Мизе у коня Аршин-Jедера.

– Это юрт Чолмон-хана, имеющего чубарого.

Алтын-Мизе вошел.

– По какому праву заехал на мою тайгу? – говорит Чолмон-хан.

Алтын-Мизе отвечает:

– Хоть кто может заехать на созданную Кудаем тайгу.

Слово за слово, не уступая один другому, стали ругаться. Чолмон-хан мечом из черной стали ударил богатыря Алтын-Мизе. Кроткий Алтын-Мизе стал сердиться. Не гневливый, стал гневаться.

Взяли друг друга за вороты, свалились с коней на землю. Алтын-Мизе разорвал Чолмон-хана и прислонил к тайге со льдом.

Севши на своего коня Аршин-Jедера, с хребта ледяной горы срединой белых табунов рысцой приехал и привязал коня к железной коновязи Чолмон-хана. Брали коня и привязывали шестьдесят богатырей, брали Алтын-Мизе под мышки семьдесят богатырей. Пошел во внутрь белого орго.

– Я скоро не поеду, – говорит Алтын-Мизе. – Буду смотреть юрт Чолмон-хана.

Осмотрел юрт Чолмон-хана, ничего не нашёл. Севши на коня Аршин-Jедера, поехал по направлению к юрту Куньду-хана.

– Впереди вижу семь разных радуг, назади вижу две радуги. Что бы это значило? – спрашивает Алтын-Мизе у коня Аршин-Jедера. Конь говорит:

– Радуга с семью развилинами, которую ты видишь, это будет юрт Куньду-хана, свет от его золотого орго.

Алтын-Мизе слез с коня.

– Я пойду, осмотрю юрт Куньду-хана, — говорит Аршин-Jедер.

Аршин-Jедер шел и пришёл в юрт Куньду-хана. Аршин-Jедер превратился в Тас-таракая и вошел в аил. Слушает.

Возвратился.

– На завтра Куньду-хан выдает свою дочь Алтын-Тану. Сват Джеты-Сабар и зять Алын-Будук едут. Будет дочернина свадьба, – говорит Аршин-Jедер Алтын-Мизею.

– Устраиваемая свадьба, будет моя свадьба! – говорит Алтын-Мизе. – Алтын-Тана будет моей!

Куньду-хан со сватом Джеты-Сабаром и зятем Алын-Будуком делают совет, чтобы идти войной и убить Алтын-Мизея. Ханское войско окружило золотую тайгу в три ряда. Лица людей, как степной пожар, концы пик, как Аба-Тиш (Аба-Тиш – чернь, хвойные леса, которые покрывают всю поверхность Кузнецкого уезда и часть Бийского – Г.П.). Концы мечей казались, как лед.

Алтын-Мизе стал точить о скалу свой белый меч из стали- алмаз. Вошел в середину ханского войска. Стал рубить,

как траву. Стал крошить, как легкое (обко). Когда проходит туда, то шестьдесят богатырей рубит, когда идёт сюда, то пятьдесят богатырей рубит. Ни один не валится. Напротив войско растет. Целые месяцы рубит, не может победить. Целые годы (јилдык јилга) не может уничтожить войско.

Теперь конь Учкур-Конгур говорит:

– Почему так долго не едет Алтын-Мизе Аназын? (Адазын –междометие – Г.П.). Не иначе, что он умер. Как уехал из своей земли и своего юрта, прошло девяносто годов.

Учкур-Конгур сделался царем ястребом. Быстрее пущенной стрелы, прямее летящей птицы, пролетел к Алтын-Мизе. Видит, Алтын-Мизе рубит ханское войско. Когда проходит туда, то шестьдесят богатырей рубит, когда идёт сюда, то пятьдесят богатырей рубит. Ни один не валится. Напротив войско растет.

Тут конь Учкур-Конгур проглотил всё войско, а сам отправился домой в свой юрт.

Алтын-Мизе, держа в руке белый меч, размахивая им, погнал арка-народ. Размахивая плетью, погнал белый скот. Взял с собой жену Алтын-Тана и поехали.

Пришел Алтын-Мизе в свой Алтай-Елизин-Берель. Белый скот окружил дно Алтая. Племена и народы окружили Алтай. Алтын-Мизе не стал больше ходить на войну. И не стало приходить войско воевать его. Три аила поставил рядом и стал жить с Алтын-Тана» (10).

Следующее сказание повествует о девушке-богатыре, которая хитростью достаёт то, что не могут достать другие богатыри.

Младшая дочь Олокшина

(Записано в селе Аскат Н.Я. Никифоровым в 1914 году от Чолтыша Куронакова, старика 79 лет, ремеслом бондарь. Комментарии Г.Н. Потанина)

«Был старик Олокшин. У него было три дочери и буропегий конь. Были еще девять хороших зайсанов и бий

Тойбон-каан. Однажды от девяти хороших зайсанов и от Тойбон-хана пришел к старику Олокшин посол.

– У основания земли и неба есть хан Кулузун. Нужно повоевать его народ, – сказал он.

Олокшин на буро-пегом коне состарился. Крепкие кости затвердели, клыки-зубы обкрошились, черная голова поседела.

Он говорит:

– Чем трем дочерям родиться, лучше бы родился один сын.

Берет в руки потник величиной с луг (кубу калан), бронзовым седлом «арташ» седлает буро-пегого коня, черный лук «арагай» кладет на плечи. Старик думает отправиться в путь.

Старшая дочь прибежала бегом, схватилась за чембур и говорит:

– Пришли твои старческие годы, крепкие кости затвердели. Вместо тебя я поеду.

Олокшин снимает золотую курме о шестидесяти шести пуговицах и отдает панцирь о девяносто девяти пуговицах. Старшая дочь завьючивает на свою спину черный лук «арагай», садится на буро-пегого коня, косу с золотыми шанка (шанка – мишура, заплетенная в косу – Г.П.), блестевшую, как небесные звезды, заложила за плечи. Встречающиеся высокие горы переваливает, большие реки перебродит.

Из пазухи Темир-Тайги (железной горы) выбежала черная лисица с девятисаженным хвостом и побежала на гору. Буро-пегий конь испугался и повернул назад. Она не справилась с конём и сделалась без чувств. Когда очнулась, видит – стоит у железной коновязи.

– Эта девица, – говорит Олокшин. – Оттянула мою поездку. Будет мне выговор от девяти хороших зайсанов и от Тойбон-хана.

Снял с неё свой черный панцирь и свой черный лук «арагай».

– Придется видно самому ехать.

Средняя дочь прибежала бегом, схватилась за конский повод.

– Старый человек, сиди! – говорит, – я поеду за тебя.

– Эти негодные девки (тамгалар) оттягивают только мою поездку. Доведут они до того, что отрубят мне мою голову!

Девица надевает черный панцирь, черный лук «арагай» берет на плечи и, сев на буро-пегого коня, отправляется. Из пазухи черной тайги выбегает черная лисица с девятисаженным хвостом. Буро-пегий конь бросился назад. Девица не могла сдержать коня и сделалась без чувств. Когда очнулась, стоить у железной коновязи.

– Не умер пока, но видно я умру. Не ушел пока, но видно я пойду, – говорит Олокшин. – От девяти хороших зайсанов, от Тойбон-хана неминуче будет выговор.

Младшая дочь прибежала бегом и схватила за чембур коня.

– Я, говорит, поеду. Тайбон-хану-бию сама лично дам ответ.

Надевает черный панцирь. Панцирь не налазит на плечи.

– Этой дочери, видно, сегодня не уехать, – говорит старик. – Этот черный панцирь нужно расставить!

День и ночь мастерил, увеличил панцирь. Надела черный панцирь, взвалила на плечи черный лук «арагай». Косу с золотыми шанка на шею и плечи кинула и села на буро-пегого коня.

Приехала к пазух черной тайги. Опять выбежала черная лисица с девятисаженным хвостом. Буро-пегий конь повернул назад, но она разодрала рот коню до ушей и удержала его.

Выдернула стрелу о девяти глазках, выстрелила, и стрела черную лисицу пригвоздила к черной тайге. На рысях подбежала и выдернула стрелу.

Приехала к девяти хорошим зайсанам и к бию Тойбон-

хану. Сняла с себя черный лук «арагай», прислонила к железному орго (дворец) хана. Железный орго покосился на бок.

Войдя в орго, села пониже огня (буквально «села у ног огня», т.е. между огнем, который разводится посредник аила и дверью – Г.П.). Хан спрашивает:

– Почему не приехал с буро-пегим конём Олокшин?

– Глубокая старость пристигла его, крепкие кости затвердели. Теперь нет у него сил ездить. Вместо него приехала я.

– Девять благородных (якши) зайсанов теперь проехали уже половину пути. Как ты теперь догонишь их?

– Чем слышать упрек, что я не поехала, во что бы то ни стало, догоню!

Вышла, навьючила на себя черный лук «арагай», навесила алмас булатный белый меч, села на буро-пегого коня и поехала рысью. Тойбон-хан вышел и смотрит ей вслед.

Младшая дочь Олокшина догнала на полдороге девять благородных зайсанов. Нет ни конца, ни краю (учу бажы бильдербес) стоит дремучий лес (аба тиш) (Тиш, джиш или иш (јиш) дремучий хвойный лес, то, что русские зовут тайгой или чернью – Г.П.). Девять благородных зайсанов, собравши народ, рубят лес, делают дорогу.

Младшая дочь Олокшина подъехала. Девять благородных зайсанов спрашивают:

– Зачем не приехал Олокшин?

– Он дожил до такой старости, что не в силах ездить на коне. Не было другого выхода, я приехала сама вместо отца. Разве я не могу варить в котле?

Сколько тут стояло войска, все, не умолкая, хохотали и надсмехались.

Пришла сумрачная ночь. На девяти тысячах мест устроили станы (оду).Ночуют. Настало утро. Светает. Солнце взошло.

Идя далее, пришли к синей реке, которая движется и не движется (шлар ıылбас кок талай). На берегу этой реки ночевали. В десяти тысячах мест устроили станы.

Настала ночь. Подданные Кулузун-хана, видя, что пришла война, всю ночь скакали на лошадях. А войско Тойбон-хана, когда настала полночь, спало глубоким сном.

Дочь Олокшина встала среди ночи, превратилась в серую пташку (боро кутчиак), перелетела синюю реку и села на тюндюк (дымовое отверстие) Кулузун-хана.

Кулузун-хан годами состарился, крепкие его кости затвердели. У его старухи клыки-зубы повыпадали. Её черная голова побелела.

Двое сидят, разговаривают:

– Военное время наступило. Теперь в чем найдем спасение?

Кулузун-хан говорит:

– Подданный народ нужно превратить в угли и песок. Оставить только старых и беззубых. Если желает их взять, пусть возьмет? Сам превращусь в паршивого верблюда, старуху в развилистую кожемялку (айры талку), а единственное дитя превращу в молодую березку. У комля Темир-терека (железного тополя) есть волосяной переход (кыл кичу). Если найдут его, то переправятся, если не найдут, то не переправятся.

Дочь Олокшина слышала весь этот разговор. Затем обратно перелетела в стан Тойбон-хана. Легла на свою постель и уснула.

Настало утро, взошло солнце. Весь народ встал. Подумав, нужно устроить переправу, пошли по берегу синей реки. Дочь Олокшина положила седло на буро-пегого коня, села, подъехала к комлю Темир-терека (железного тополя), нашла волосяной переход и быстрою иноходью, покачиваясь, побежала по волосу. Все войско отправилось вслед за ней и перешло через реку. Пришли к юрту Кулузун-хана.

Видят – остались только хромые, горбатые, старые, беззубые. Спрашивают:

– Куда девался народ?

Им отвечают:

– Алмыс-хан, живущий в нижнем мире, завоевал и угнал народ на свою сторону.

– Ну, хотя старые и беззубые, хромые и горбатые все таки, возьмем! – говорят.

И девять благородных зайсанов старых и беззубых людей взяли и отправились.

Дочь Олокшина ведет паршивого верблюда и привязывает к хвосту своего коня.

– На что тебе нужен паршивый верблюд? – говорят ей. – Худую вещь нужно бросить.

– Старым моим отцу и матери будет нужен, вьючить дрова, – отвечает.

Дочь Олокшина собирает песок и угли. Насыпает в две сумы.

– Зачем тебе нужны песок и угли? – спрашивают.

– Угли будут нужны старому отцу ковать шило, а песок, чтобы раскаливать железо добела.

Затем развилистую кожемялку завьючивает на верблюда.

– Разве у тебя дома не найдется такого развилистого дерева? – спрашивают ее.

– Пригодится отцу и матери старые бросовые шкуры мять, – отвечает.

Молодую березку, выдернув с корнем, положила в карман.

– Будто дома нет березы? На что тебе посохший прут? – снова спрашивают.

– Хочу сделать черень для шила.

После этого, погнав старых и беззубых, отправились домой.

Девять благородных зайсанов говорят Тойбон-хану:

– В юрт Кулузун-хана приходил войной из нижнего мира Алмыс-хан. Что осталось, мы пригнали.

Тойбон-хан сказал:

– Ну и это годится.

Дочь Олокшина качнула паршивого верблюда, бросила перед Тойбон-ханом и сказала:

– А я вот что нашла!

Видят – Кулузун-хан целиком сидит.

Развилистую кожемялку бросила перед Тойбон-ханом. Она сделалась женою Кулузун-хана.

Молодую березку бросила – сделалась девицей Алтын-Юстюк (золотое кольцо).

Угли и песок, выбежав из аила, рассеяла по чистому полю (ак јалан), сделался скот многочисленный, как карагана, сделался народ, многочисленный, как черный лес.

– Вот моя добыча, хан мой»! – говорит. – Отец и мать старые, мне пора домой.

Села на коня и поехала домой.

Девять благородных зайсанов говорят:

– Какой нам стыд и позор! Мы не могли равняться против дочери Олокшина!» (10).

***

Сказание о юноше Кулакчин* и красавице Суремеия

(Сказительница Баргаа Кучиякова, Куюмская долина, Эликманарского аймака. Сказание рассказано в 1910 г. Записал по памяти и перевел на русский язык внук сказительницы П.В. Кучияк. Литературно обработал подстрочник И. Мухачев).

У подножья железной горы с тремя гранями,
На берегу синего моря с тремя заливами,
Жил Айчил-зайсан со своею женой Ак-Чачак,*
Если путь держал, сто молодцов провожали его,
Семьдесят удальцов охраняли, пастбища зайсана
Кипели стадами, народ его на стойбищах не вмещался,
Так Айчил-зайсан богат был.

***

Однажды он Золотой костыль взял,
На дорогой ковер с Золотого трона спустился,
Из белокошемного аила вышел, изо всей силы крикнул –
Железная гора задрожала. Синее море взволновалось.
Знатные демичи, дань собирающие шуленги**
Испуганными зайцами прибежали,
На правое колено опустились...

***

«Славные мои демичи, верные мои шуленги!
День настал дань собирать с народа.
Кто не станет платить,
на аркане к моему аилу тащите.
Буду сам судить непокорных!»
«Слово ваше, великий зайсан, поняли.
Выполнять великое дело полетим быстрее беркута.
Не успеет полено истлеть в очаге,
вернемся с добычей».

Демичи и шуленги разогнули спины свои,
На коней сели, во все концы стойбища поскакали.
Непосильную дань собирая, у бедного народа
Последний скот угоняли. Сумины Айчил-зайсана
Отобранным добром набивали. Кто не мог платить,
Того прутьями секли. Горьким плачем народ встречал их,
Женщины и дети в лесу прятались, слезы ручьями текли.

***

Ездящий на багрово-рыжем коне, юноша Кулакчин жил.
Послушные демичи, грозные шуленги,
Строго его спросили: «Прямой ответ дай:
Почему ты дань не платишь великому Айчил-зайсану?
Для таких, как ты, есть у нас прутья таловые.
Для твоего красавца-коня место найдется
Среди табунов зайсановых».

***

Юноша Кулакчин на правое колено опустился,
Тихо сказал: «Беда мне, большие люди...
Вскормившего отца я не знаю,
Грудью вскормившей матери нет у меня.
Чем дань платить – не знаю.
Если коня отдам, – друга лишусь единственного.
Как на свете жить буду?»

***

Грозные демичи, дань собирающие шуленги,
Слов Кулакчина не слушали,
Крепко юношу ремнем скрутили, к зайсану привезли.
В один голос сказали: «Кланяемся вам, великий зайсан!
Плохого человека сюда привели.
Дань он не платит, больших людей не признает, –
Судите его, отец наш!»

***

Айчил-зайсан из белокошемного аила вышел,
Золотой костыль выше солнца поднял,
Густые брови нахмурил, черной злобой налился,
С горьким ядом крикнул: «Суд мой не долог:
Прутьями таловыми посильнее выдрать негодяя!
Чтоб в глазах его день потух,
Твердое сердце покорилось!

***

«Головою моей владеющий великий зайсан!
Наказать меня вы не опоздаете,
Лучше срок небольшой мне дайте
На голубом Алтае поохотиться,
Может, на ваше, зайсан, счастье,
Золотошерстную выдру поймаю», –
Юноша Кулакчин так сказал.

***

У Айчил-зайсана густые брови выпрямились,
Злоба от глаз отхлынула, лаской лицо замаслилось:

«Что же, посмотрим! Шесть дней для охоты даю тебе.
Если слово не выполнишь, отберу твоего красавца
Багрово-рыжего коня вместе с седлом и уздечкою.
А с твоей спины таловыми прутьями
Кожу до костей сдеру».

***

Юноша Кулакчин легко вздохнул,
Радостно улыбнулся, багрово-рыжего коня
Поцеловал в теплые челюсти,
По золотой гриве погладил.
Ногу в стремя занес,
В синюю даль Алтая
Быстрее ветра помчался.

***

Ходит Кулакчин по горам, день и ночь охотится.
Парнокопытных зверей не видно,
Луннокрылые птицы не летают.
На хитрый зов амыргы
Марал не отзывается,
*На ласковый зов эдиске**
Горный козел не появляется.

***

На собольей тропе капкан деревянный ставил,
Ни одного соболя нет;
На тропе кабарги петлю прочную ставил,
Ни одна кабарга не попалась.
Запечалился юноша,
Унылую песню запел,
Слезы сами из глаз текут.,.

***

Тут увидел он: по берегу синего моря
С тремя заливами человек едет
На девяти верблюдах.
Юноша Кулакчин багрово-рыжего коня

Навстречу ему повернул.
Много времени не прошло, –
Путники встретились.

***

«Обезьяна с шерстью бывает, а человек с именем.
Как зовут тебя, молодец, кто твои родители?»
Человек, с караваном едущий, так спросил.
«Отца, вскормившего меня, не знаю;
Грудью вскормившей матери нет у меня.
Имя мое Кулакчин. По Алтаю я поехал,
Чтобы дань уплатить великому Айчил-зайсану.

***

Шесть дней дано мне срока. Пять уже прошло,
Ни одного зверя не убил я,
Ни одной птицы не поймал.
Смерть верная ждет меня», – так ответил
Юноша Кулакчин.
Молодое сердце не посмело
Помощи попросить,

***

«Дань за тебя уплачу я, только мою сумину покарауль.
Через три дня вернусь я, сумину возьму обратно.
Зорко гляди, молодец, стой на месте, подобно дереву,
Если пропадет моя сумина –
Единственного коня потеряешь,
Раньше срока умрешь», – так сказал торговец,
С караваном едущий.

***

С холмистой спины верблюда сумину
на землю поставил,
Дальше свой путь повел. Сирота Кулакчин
Отказаться не посмел, сумину караулить остался.
Три условленных дня прошло, торговец
обратно не вернулся.

Запечалился Кулакчин. Две беды над ним –
Коль сумину оставить, злой торговец убьет его;
Если долго пробудет здесь,
примет смерть от зайсана.

***

Вкруг сумины юноша ходит,
самому себе слово молвит:
«Не умерши, видно, я умру, не ушедши, видно, я уйду.
С белым светом попрощаться, видно, день пришел...»
Вот он вдаль поглядел, – сердце часто забилось;
По синему морю с тремя заливами
На берестяной лодке
Плывет девушка.

***

Глаза ее – точно лунный свет, лицо ее –
Ярче солнца горит. У девушки нет весла,
По синему морю лодка сама плывет.
Точно овцы перед пастухом,
Перед лодкой волны расходятся,
Много времени не прошло.
Подплыла она к берегу.

***

На траву легко выбежала, звонким голосом сказала:
«Длинный хвост у коровы, бесстыдный лоб у тебя!
День и ночь, голодая, на берегу сидишь,
Сумину торговца охраняешь.
Где твое мужество?
Тяжко думать о тебе, теплого слова нет для тебя», –
Так сказала красавица.

***

Быстро к сумине подошла, к воде потянула.
Вырывая сумину, юноша Кулакчин нечаянно
С правой руки красавицы золотую рукавицу сдернул,
К себе в карман положил. Девушка сумину оставила,

Быстро к лодке подбежала. Баранью тушу,
Изнутри хорошо прожаренную, бросила Кулакчину.
От берега оттолкнулась, на середину моря поплыла.

***

На берег издали поглядела, –
глаза, точно звезды, блеснули,
Лицо цветком запылало. «Будь здоров, Кулакчин,
На меня не обижайся. Живы будем – встретимся...»
Кулакчин, гладя ей вслед, что-то сказать хотел,
Но не нашел слова...
Когда девушка скрылась вдали,
Юноша только вздохнул.

***

Через три месяца торговец вернулся,
Сухо сказал Кулакчину:
«Вот – шесть белок дарю тебе за охрану моей сумины.
Теперь твоя жизнь вольготной станет:
Дань зайсану заплатишь, остальное себе оставишь».
И пушистые шкурки
Неохотно Кулакчину поднес.

***

«Ничего мне не надо, торговец,
Пусть трехмесячный труд мой останется без оплаты.
Если белок возьму, – вечным должником твоим буду»,
Так сказал Кулакчин.
Шкурки белок не взял, на багрово-рыжего коня сел,
Быстрее выпущенной стрелы,
К Айчил-зайсану помчался.

***

Въехав на стойбище, юноша Кулакчин
Ловко с коня соскочил, к аилу зайсана подошел,
Осторожно дверь отворил, порог перешагнул.
Завидев юношу, Айчил-зайсан Золотой костыль взял,
Густые брови нахмурил, злобой закипел:

«Почему ты дни месяцами заменяешь?
Розгами пороть тебя буду»

***

«Кланяюсь вам, великий зайсан,
Головою моей владеющий.
Лошадиная тропа через перевалы всегда вьется,
Человеческая дорога с приключеньями всегда бывает.
Не напрасно я время провёл.
Пушистых шкурок нет у меня,
но есть золотая рукавица.
Возьмёте ли ее, простите ли вину мою?»

***

Айчил-зайсан добрым стал, злобу прогнал с лица.
«Ладно, от законной дани освобождаю тебя
На шесть лет. Езди, молодец, по стойбищам!»
Золотую рукавицу взял. В золотой ящик положил,
По смуглому лицу ладонью провел. Лукаво улыбнулся.
Освободясь от дани, юноша Кулакчин
Весело ездит по стойбищам.

***

Но не успел юноша оглянуться, – шесть лет прошло.
Грозные демичи, дань собирающие шуленги,
Вновь Кулакчина встретили, дружно ему сказали:
«Срок свободы твоей прошел. Дань плати, молодец.
Платить не станешь – прутьев таловых попробуешь
Багрово-рыжего коня,
К Айчил-зайсану угоним».

***

«Кланяюсь вам, большие люди!
Головой моей вы владеете...
Прошу вас срок небольшой дать мне
На голубом Алтае поохотиться,
По берегам рек поеду, –
Может, золотошерстную выдру добуду,

Дань привезу зайсану, остатками вас не обижу».

***

Озверелые демичи, дань собирающие шуленги
Не хотят слушать юношу. До нитки бедного раздели.
К Айчил-зайсану быстро представили,
«Кланяемся вам, великий зайсан!..
Отказавшегося дань платить,
Молодца одного сюда привезли.
Судите его, отец наш!»

***

<…> Айчил-зайсан с дорогого ковра поднялся,
Золотым костылем выше солнца взмахнул,
«Славные мои демичи, верные мои шуленги!
Слово, сказанное вами, – правдиво,
Жалоба ваша – основательна.
Но юноша Кулакчин дань платить в состоянии.
За шесть лет в один год уплачивал.

***

Голова у молодца крепкая, руки у молодца ловкие,
Отпустим его на три дня: пусть он живого волка
Ко мне в аил приведет» – Айчил-зайсан так сказал.
Юноша Кулакчин поклонился зайсану.
На багрово-рыжего коня сел, быстрее ветра помчался.
Первый день охотнику ничего не принес.
Второй день миновал, а зверей не видно.

***

Семь суток прошло – волк не попадается.
Целый месяц промелькнул – Алтай добычей не радует.
Отощал Кулакчин от голода,
«Что мне делать сейчас?» – думает юноша: –
«Обратно вернуться – зайсан убьет,
Грозные демичи высмеют.
Родной Алтай чужим стал...»

***

На железную гору с тремя гранями
Кое-как юноша поднялся, кругом поглядел.
Молочно-белого коня с черными ушами
В голубой долине увидел.
На молочно-белом коне шелковый потник,
Золотое седло, жемчужная узда,
Узорами солнца вышиты.

***

Словно белое облако, движется конь по долине.
Золотой повод ручьем по траве течет.
Железную гору Кулакчин оставил,
К молочно-белому коню быстрее ветра полетел.
Легкой иноходью бегает молочно-белый конь,
Кулакчина близко не подпускает.
За золотой повод не дает ухватиться.

***

Семь суток юноша гонялся за ним,
Далеко уехал от родного стойбища.
На десятый день, на чужой Алтай попал.
Тут молочно-белый конь, тряхнув серебряной гривою,
Тише пошел, смирным стал,
Ласково глянул на Кулакчина,
К золотому поводу подпустил.

***

«Славная находка попалась мне,
Дань заплатить будет чем», – так подумал юноша,
Золотого стремени коснулся,
На молочно-белого коня сел,
Весело плеткой взмахнул.
Молочно-белый конь, не задевая траву копытами,
Мимо цветов прозрачных легкой иноходью пошел.

***

Молочно-белый конь в пути разгорелся,
Золотые удила закусил, поднял голову высоко,

Радостно вдаль бежит.
Там, где он стоял, – следы есть,
Куда бежал – следа нет. Удивляется Кулакчин:
На этом Алтае зеленой листвою
Деревья шумят зимой и летом. Летние птицы поют.

***

Молочно-белый конь несет Кулакчина
По зеленой долине,
Ширину которой
Ворону не перелететь,
По желтой долине,
Длину которой
Сороке не перелететь.

***

<…> Издали юноша заметил: ту добрую девушку,
Что по синему морю плавала,
Красотою своей его манила,
Золотые рукавицы взять позволила.
Такое чудо увидев, юноша растерялся,
Ноги его подогнулись, как тонкие прутья.
Хотел слово сказать – язык к нёбу прирос.

***

«Добрый юноша Кулакчин!
Много лет я тебя искала.
Многие богатыри меня сватали,
Я им отказывала.
Ресницы наши в один день открылись,
Пуповины наши в один день резаны.
В одном аиле мы жить должны,

***

Так судил нам бог Курбустан.
С этого дня до конца нашей жизни
На плодородном Алтае вместе жить будем», –
Так сказала красавица.

К Кулакчину подошла. Крепко обняла его,
В смуглые щеки поцеловала.
На молочно-белого коня села.

***

«На мое стойбище теперь поедем,
Светлый аил там выстроим, той богатый устроим».
Прозрачные слезы радости
На ресницах у юноши показались.
«Человек с именем бывает.
Как зовут тебя красавица?»
«Имя мое Суремея», – так сказала девушка,

***

На солнце поглядела – золотом глаза засверкали.
Любуясь девушкой, юноша Кулакчин,
Своего багрово-рыжего коня вспомнил.
Топот услышал, долину взглядом окинул, –
Багрово-рыжий конь по долине бежал к Кулакчину.
Бесчисленные стада зайсана,
бесчисленные народы зайсана
Вслед за ним шли.

***

«Ездящий на багрово-рыжем коне добрый Кулакчин,
Жизнь свою мы тебе отдаем. Управляй нами,
От черного врага оберегай нас!»
Так сказали народы на тридцати разных языках.
Скот наполнял долину, зеленую траву ел,
Светлую воду пил, –
Хорошее нашел себе пастбище...

***

Ездящий на багрово-рыжем коне юноша Кулакчин,
Ездящая на молочно-белом коне красавица Суремея
В солнечной долине Алтая той богатый устроили.*
Точно темный лес, пируя, шумел народ,
От дыхания лошадей белый туман стоял.

День и ночь варилось жирное мясо в золотых котлах.
С золотых блюд мясо ели,
под музыку лучшие песни пели.

***

Через тридцать дней той закончился.
«На плодородном Алтае.
Многочисленными народами
Пусть управляет богатырь великий Кулакчин
Черная сила тебя не сломит, злое слово тебя не сразит.
Жизни ханов, жизни зайсанов в твоих руках», –
Так народы сказали, по аилам своим расходясь,

***

Так, сиротою выросший, из-под неволи не выходивший,
Юноша Кулакчин народами Алтая,
Говорящими на тридцати языках, управлять стал,
Бесчисленными стадами владеть стал.
Со своею супругою Суремеей,
В шестиугольном каменном аиле
Славно жить стал» (18).

***

Сказание о Ерень-чэчэн и Яра-чэчэн

(Записал священик Михаил Чевалков, родом телеут, с. Улала).

«Богатырь Ерень чэчэн вздумал женить сына и поехал искать умную невесту. Едет дорогой и видит – девицы идут с дровами. Пошел дождь. Все девицы положили свои пучки и сели на них. Одна сняла с себя платье, покрыла им дрова и села сверху.

– Зачем ты, – спрашивает Ерень Чэчэн, – прикрыла дрова своим платьем?

– Мои родители старые, – отвечала девица, – придя домой, я должна буду тотчас же развести огонь, чтобы обогреть их. Дрова у меня тотчас разгорятся потому, что будут сухие, не подмоченные.

Ерень Чэчэн подумал: «Она это умно говорит». И взял ее за своего сына.

Его начальник, Яра Чэчэн, узнав, что у Ерень-Чэчэна такая хорошая сноха, захотел отобрать ее. Он призвал Ерень-Чэчэна и велел ему сделать сапоги из камня:

– Иначе, – говорит, – казню.

Запечалился Ерень-Чэчэн. Пришел домой и рассказывает снохе. Сноха говорит:

– Не печалься, сиди дома.

Сама на другой день в назначенное время идет на дорогу. Яра-Чэчэн едет за каменными сапогами и видит сноху Ерень-Чэтэна. Она сидит у дороги и собирает песок в кучу. Яра-Чэчэн спросил ее: зачем она это делает.

– Ерень-Чэчэн велел свить веревку, – отвечала женщина.

– Разве можно веревку свить из песка? – возразил Ерень-Чэчэн.

– А разве можно сшить сапоги из камня?

Яра-Чэчэн покраснел и вернулся домой. Потом Яра-Чэчэн дает Ерень-чэчэну быка и говорит:

– Уведи его к себе. Я буду к тебе через три дня и чтобы к моему приезду бык принес бы теленка, а ты угостил бы меня молоком от быка.

Ерень-Чэчэн идет домой и плачет.

– О чем ты плачешь? – спрашивает сноха.

Ерень-Чэчэн говорит, что Яра-Чэчэн дал ему быка и велел, чтоб этот бык принес телёнка.

– О чем тут плакать? – говорит сноха, – отдай быка на мои руки, принесёт он теленка.

Сноха вышла на дорогу, по которой должен был ехать Яра-Чэчэн, рвет траву и складывает в кучу. Яра-Чэчэн увидел ее и говорит:

– Езень! Затем рвешь траву?

Женщина ему в ответ:

– Свекор родит ребенка, так надо травы подослать.

– Разве мужчина может родить?

– А разве бык может телиться?

Яра-Чэчэн со стыдом воротился.

Потом Яра-Чэчэн снова призывает Ерень-Чэчэна и велит ему прибыть к себе ни в рубахе, ни нагишом, ни на лошади, ни пешком, ни дорогой, ни без дороги, и чтобы ни в юрту вошел, ни за юртой остался.

Сноха опять научила Ерень-Чэчэна, как выпутаться из беды. Она научила его надеть на себя сеть, сесть верхом на палку, идти хребтиком между бороздами дороги и в дверях одну ногу оставить снаружи порога, другую за порогом.

Яра-Чэчэн смотрит на него: нагишом нельзя сказать, да и в рубахе нельзя – тело видно. Нельзя сказать также, что пешком он пришел, да и на лошади сказать нельзя.

Яра-Чэчэн велел вырыть яму и бросить в нее Ерень-Чэчэна, а к его сыну послал семь послов.

Ерень-Чэчэн пишет с ними письмо: «Лежу на шести слоях белого шелку, покрываюсь семью шелковыми одеялами, играю в шашки, пью сладкое светлое вино. Дома у меня есть семь баранов, шесть убейте, седьмому выколите глаза, изломайте руку и пришлите сюда. Это письмо разберет моя сноха».

Письмо перехватил Яра-Чэчэн, но ничего не понял.

– Ладно написано, – сказал он. – Видно хочет поддаться.

Семь послов принесли письмо сыну Ерень-Чэчэна. Тот прочел и говорит:

– Моему отцу хорошо живется у Яра-Чэчэна.

Жена ему на это:

– Ничего ты не понял: сладкое вино это слезы, белый шелк это снег, шашки это звезды. Семь баранов это семь послов. Ерень-Чэчэн велит шесть послов убить, а седьмому выколоть глаза.

Сын Ерень-Чэчэна так и сделал. Затем сноха собрала своих людей и велела окривевшему послу вести себя к Яра-Чэчэну. Ночью её люди нечаянно окружили Яра-Чэчэна, убили его, а Ерень-Чэчэн на место его сделался начальником» (12).

Кан-Тади и Ког-айры

(Сказительница Баргаа Кучиякова, Куюмская долина, Эликманарского аймака. Записал по памяти и перевел на русский язык внук сказительницы П.В. Кучияк в 1910 году. Литературно обработал подстрочник И. Мухачев).

«Жил на голубом Алтае богатырь Кан-Тади. Однажды прибежал его кровяно-рыжий конь. Говорит:

– Шоктулан, имеющий чубарого коня (шодон чокур ат) с редковолосым хвостом идёт войной на нас. Я бежал, спасая свою жизнь (тын)!

Как только услышал, тотчас же Кан-Тади вынес потники и седло. Выйдя, поехал, как попало заседлав кровяно-рыжего коня.

– Отец и мать, пусть будет мир у вас. Будьте здоровы народ! – сказал.

Поехал, ударяя плетью по кымджилу (по холкам). Взъехал на белую тайгу. Торопясь, поехал далее рысцой.

Посредине железной степи показался железный орго. У железной коновязи стоит железного цвета редкохвостый чубарый конь. Кан-Тади, соскочив с коня, толкнул ногою железную створчатую дверь. Вышел навстречу Шокшулан.

Схватились за вороты и за головы. Держали друг друга за плечи. Один другого пригибал к земле. Визжали, как трехлетний дикий конь. Один другого назад давил. Ревели, как лютый верблюд-самец. Шум от двух алыпов раздается по семи Алтаям. Оба ровно падают, оба ровно встают. Семь месяцев не могли друг друга победить.

Шокшулан чаще стал землю хватать, реже стал хватать молодца. Шокшулан горько-ядовито зовет вверху стоящего своего Кудая.

– Когда ты меня творил, то предназначил отдать меня в руки Кан-Тади?

С неба упал целый курут* и полкурута. Целый курут Кан-Тади отнял у Шокшулана и съел, а полкурута съел Шокшу-

лан. У Кан-Тади прибавилось силы больше прежнего в два раза, больше давнего в десять раз. Употребил обманный прием, заманил в обманную сторону. Показывал синее небо, нося меж белых облаков. Бросил посередь железной степи, оттоптал шею от спины. Бежавшая кровь Шокшулана стала, как река. Белые кости, как тайга.

Кан-Тади сказал:

– Разрушу обомшелый юрт, угоню белый скот, переселю племена и народы.

После этого погнали белый скот, переселяли племена и народы. Кан-Тади с матерью увидали блеск своего Алтая (Алтай дынг кегени). У матери побежали слезы из глаз.

– Мать, мать! За что обижаешься!

– Никогда мирно не будем жить, – говорит мать. – Шокшуланов дядя по матери, имеющий чубарого, как звезды, коня, Тилан-коо покорил семьдесят ханов и заставил их платить себе дань. В нижнем мире покорил шестьдесят ханов. Не даст суда, живущему внизу Эрлику, не даст суда, живущему вверху Кудаю. Поэтому мы мирно не будем жить. Поэтому я и плачу. – Видно отрывками (кезек ке) будем жить, видно отрывками будем ночевать.

У Кан-Тади, как только он услышал это, запылало самое сердце. Говорит:

– Видно страшный молодец. Погоним скорее белый скот. – Видно придет Тилан-коо. Днем не выходит из моей памяти, ночью не выходить из памяти. Чтобы он пришел, чем мне здесь умереть. Лучше сам пойду к нему, умру. Отцы и матери, дайте благословение! Отцы и матери, Алтай Кудай, помогите!

Арка-народ благословлял говорил:

– Здраво и мирно воротись домой!

Гнавшиеся вослед отец и мать плакали и отстали. Белый скот гонясь, гудел и отстал. Кан-Тади приехал к своему тополю Алтын-Чогоре, на шести местах раскидывал сан и молился.

Он сказал:

– Алтын-Чогор, мать моя! Есть ли положение умереть Тилан-коо?

Кисть (салага) листьев упала перед ним и превратилась в грамоту Судур-Бичик* и говорит:

– Где душа, которая должна умереть? Где возраст, который должен возрастать? Твоя жизнь будет всегда благополучна, если не будешь выходить из совета кровяно-рыжего (кан ерен) коня, родившегося от Окторкой, родившегося от (кобылицы) еремик.

Кан-Тади просил у своего Алтая, Кудая своего, благословения:

– Ӱч-Курбустан*, Кудай мой! Дайте благословение!

Сел на коня и поехал. Быстро бежал и говорил:

– Скорее доехать и умереть.

Когда так ехал, показалось одно крыло черной тайги*. Стал взъезжать на черную тайгу. Вниз от тайги ушел след коня великана (алып ат). От ударов копыт по камням и скалам осталась кровь, перемещавшись с землей. Как увидел, самое сердце его запылало. Оторванный ударами копыт, пласт земли лежит, как тебур. Бежит рядом с этими следами и смотрит. У его коня шаг не хватает четырех саженей против следа того коня. «Должно быть это Тилан-коо, – думает, – который поджидает меня. Лучше его кто другой может явиться здесь? Скорее нагнать его, скорее умереть!

Сказал:

– Ай! Ерденелу-Кан-ерен! Нужно поездить во всю мочь в своем Алтае между месяцем и солнцем, дорожа днями. Нужно поездить в этот путь!

Золотой чумбур*, золотой повод туда, сюда подернул. Ехал, помахивая туда, сюда плетью тоорчук-камчи. Передние ноги коня, не переставая, пляшут, задние ноги непрерывно иноходят, глаза и голову конь побрасывал на свои бока.

Большие тайги тряслись, большие реки выплескивались из яров. Среди черной степи на чубаром коне цвета железа,

держа коня поперек дороги, стоит один богатырь. У рыжего коня передние ноги в постоянной пляске, задние ноги в постоянной иноходи. Бежит, раскачивая голову с глазами.

Богатырь, качая головой, стоит и смотрит:

– Как может зародиться конь лучше этого коня?

Кан-Тади стоял и спрашивал:

– Как твое имя (ады нере кем иде)?

Богатырь, который стоял, отвечает:

– Отец мой, который кормил меня, хребет Алтая Ак-Алтай (белый Алтай). Мать моя синяя река Джилар-Джылбас (течет — не течет). Я человек, рожденный из земли, имеющий чубарого коня железного цвета. Я Ког-айры. Нет у меня народа править, нет у меня скота вести хозяйство (башкаратан). Послы Тилана-коо не дают покоя. Поэтому еду!

Кан-Тади говорит:

– Ваше имя как?

– Ак-боко* отец мой, Кара-боко* большой отец.

– Я Кан-Тади, имеющий рыжего коня, Эрдине-Кан-ерена, зародившегося от Окторгоя. Не хватило сил слушать посла Тилана-коо. Поехал умереть! – говорит Кан-Тади.

– Правду ли говоришь? Если так, то слезем здесь, тщательно поговорим, брат.

Два алыпа* слезали с коней, подстилали кедимы и токумы, садились друг против друга.

– Как найдем средство против Тилана-коо? – говорит Кан-Тади.

Ког-Айры говорит:

– У основания неба и земли есть единственный мой дядя по матери Алаш-кам. У него будем просить. Кто из нас поедет к нему? Кто будет вести войну? Нужно ехать к нему (Алаш-каму) искать душу Тилана-коо.

Ког-Айры, держа стрелу кайбур-jебе, говорит:

– Которого стрела длиннее, тот пусть ведет войну. Которого короче, тот пусть ищет душу.

Кан-Тади вынул свою стрелу кайбур-jебе. Стрела богатыря

Ког-Айры оказалась на семь карышев (четвертей) длиннее.

– Э, чаалды! Видно я буду вести войну, – говорит Ког-Айры. – Видно ты, торопясь, поедешь.

Родившийся от еремика Окторгоя жеребенок говорит Ког-Айры:

– Не скупись горьким потом, постарайся сбегай!

– Я буду четырнадцать лет воевать с Тилан-коо. Более четырнадцати лет не полагается вести войну. Пройдет четырнадцать лет сам собой умру. Сбегай, постарайся!

Прощаясь, разошлись алыпы. Кан-Тади и Ког-Айры расходились и плакали. Конь Кан-ерен держал путь к Алаш-каму, бежал день и ночь. Показалась черная тайга Алаш-кама с семидесятью семью отрогами. Придя, взошел на тайгу, посмотрел на ту сторону. Показался железный орго*. У железной коновязи стоит на выстойке тернобурый конь.

Чернобурый с первого взгляда увидал Кан-Тади, не просмотрел его, и стал копытом рыть землю у основания железной коновязи. Алаш-кам вышел, протянул руку, втягивает в себя запах:

– Едущий в гости гость или идущая войной война? – втянув запах, узнал:

– Этот человек едет, имея какую-то нужду во мне.

Сказавши это, вошел назад в аил. Кан-Тади приехал, слез с коня у золотой коновязи. Золотую шапку взял под мышку, вошел в аил, берёт белый тажуур* и подает.

Алаш-кам сидит и спрашивает:

– Кан-Тади, единственный сын Ак-боко, в какое место отправился? В какой Алтай поехал?

– Не хватило сил слушать посла Тилана-коо. Ехал было умирать, да встретил Ког-Айры. Ког-Айры отправился воевать. Мне велел искать душу Тилан-коо, съездить к дяде Алаш-каму покамлать. Велел спросить, узнать.

Алаш-кам, взяв вино, побрызгал:

– Суши мой медный тунгур*.

Взяв тунгур Алаш-кама, Кан-Тади сушил его и налаживал.

Алаш-кам стал камлать, стал бить по медному бубну. Камлал, камлал и остановился.

– Что видел, что слышал?

Алаш-кам говорит:

– Хватит ли сил на его выкуп (такылга)? Стоящий вверху дух синего неба сине-пегий бун, стоящий внизу черно-пегий бун. На рогах этих двух бунов находится медный ящик с цепью. В этом ящике скрыта душа, сделанная (обращенная) черным бобром (кундуз) с девятисаженным хвостом. Нужна за него жертва, – говорит Алаш-кам.

– Из чего должна состоять жертва? – Кан-Тади спрашивает.

– Нужно девять рек вина, девять гор шелковья. Если исполните, то, наверно, исполнится ваша просьба.

– Сколько же лет прошло, как сюда приехал? – спрашивает себя Кан-Тади.

Стал считать. Оказалось, прошло три лета.

– Если будет лунная ночь, то встретимся у молочного озера Суть-коль под мышкой тайги Сумер-Улан.

Кан-Тади сел на кровяно-рыжего коня и поехал быстрее пущенной стрелы, прямее полета птицы, а к своему юрту приехал только через три года. Оказалось, требование Алаш-кама не под силу. Крепким требование оказалось (кату шагылта болды). Выкуп оказался слишком непосильным.

Кан-Тади употребил на поездку к Алаш-каму три года. На обратный путь три года. Всего шесть ле. А жить Ког-Айры только четырнадцать лет.

Кан-Тади, обращаясь к народу, говорит:

– Когда бы то ни было, не буду брать дань (калан). Соберите шелку, как девять гор. Соберите вина, как девять рек.

Подданные взад и вперед бегали на лошадях, собирали шелк (торко). Собрали девять гор торко-мандыку. Собрали девять рек вина. Почитавши Судур-Бичик, посчитавши четки (ерекен), Кан-Тади узнал, что уже семь лет прошло.

Девять рек вина перегнал Кан-Тади в девять тажууров,

девять гор шелковья свернул и привязал в торока. Приехал на берег молочного озера, под мышку Сумер-Улан-Тайги.

После этого от основания земли, гремя, пришел бубен Алаш-кама. Поверх земли, закрывая землю, явился медный маньяк. Пришел и покрыл землю. В трех Алтаях раздалось эхо. Кружась вокруг себя, пришел сам Алаш-кам. Он брызгал девять рек вина в Суть-коль и на гору Сумер-Улан и разбрызганное вино попало в озеро Суть-коль и на гору Сумер-Улан.

Алаш-кам сидит и благословляет:

– Мой Суть-коль, моя тайга Сумер-Улан! Ублаготворяю вас ради детей Кан-Тади и Ког-Айры и их потомства. Вверху стоящее синее небо, внизу стоящее синее море, да укоренят их потомков.

Алаш-кам делил и брызгал девять рек вина, девять гор шелковья, делил всем горам.

– Пусть ублажают вас из рода в род дети детей!

Стоял Алаш-кам и кричал:

– Мое молочное озеро! Моя гора Сумер-Улан! Отпустите двум молодцам душу Тилана-коо. Тилан-коо насилует нас!

Сумер-Улан тайга говорит:

– Два молодца, почитая нас, добром просят.

Суть-коль говорит:

– Сюда вниз спускаются два буна.

Медный ящик с цепью спустили на подол Кан-Тади. Кан-Тади снял медный ящик с бунов, двух бунов отпустил.

Чернопегий бун ускочил в нижний мир и сказал:

– Желаемое пусть возьмет. На кого сердится, пусть того победит.

Синепегий бун побежал на небо и сказал:

– Как было тяжело для наших голов! Как теперь стало легко!

Кан-Тади растаптывал ногою медный ящик, вынимал черного бобра с девятисаженным хвостом, бил черного бобра до полусмерти.

Глаза месяца и солнца померкли (карык тииб). Земля тряслась, происходили каменные обвалы (таш кочко).

Кан-Тади говорит:

– Сколько же лет осталось от четырнадцати?

Когда посмотрел Судур-Бичик, увидел, что осталось только девять дней. Измял черного бобра в руках и оставил чуть живым.

Кан-Тади пришел на ток, где ведут борьбу Тилан-коо и Ког-Айры. Ток ободрался от борьбы. Большие тайги разбросаны по земле, большие реки высушены, остались гальки (сай).

Когда Кан-Тади пришел на железную степь с током (Эдерген), видит посереди железной степи Ког-Айры сидит на Тилан-коо, обе ноги не касаются земли.

Кан-Тади крикнул:

– Калак, калак! До моего прихода не убивай Тилана-коо!

Тилан-коо лежит, два его глаза светят, как два черных озера, а нос, как крутой холм.

Кан-Тади сказал:

– Здравствуй, здравствуй, друг, Тилан-коо!

– Конечно, здравствуй. У дверей Эрлика, у золотого судилища (алтын толу), там увидимся! Нюхай лезвие пики, лижи лезвие меча, – говорит Тилан-коо, – чтобы не переезжать волосяной мост.

После этого Кан-Тади, давая слово не переезжать мост-волос, нюхал конец пики и лизал конец меча. Подал в руки Тилан-коо черного бобра с девятисаженным хвостом, разорвав его пополам.

Тилан-коо умер. Бежавшая кровь была, как река, лежащие кости были, как гора. Ког-Айры не мог слезти с него и подняться.

Ползком добравшись до коня Ерениту-кан-ерена, дитяти еремика, Ког-Айры говорит:

– Мы живем ради тебя!

Обняв обе передние ноги, он молился коню.

– День моей смерти не настал. Еще бы немного, и я умер бы. На кого мы сердились, того победили, желаемое, взяли.

Белый скот Тилана-коо погнали, народ переселяли. Не могут успеть перегнать белый скот, переселить арка-народ.

Семьдесят ханов, живущих на земли, благословляют их, шестьдесят ханов, живущих под землей, благословляют их.

Тилан-коо у нескольких ханов отнял жизнь, у других держал сердце в страхе.

– Теперь стало тихо! – говорят.

Благословляют Кан-Тади:

– У нескольких пролил кровь, у нескольких отнял жизнь. Пусть погибнет!

Белый скот Тилана-коо и его народ гнали три года. Обомшелый юрт* разрушали, заназмелый юрт разрывали. Белый скот Ког-Айры положил в свой карман. Народ Кан-Тади положил в свой карман.

Перебежали реки и воды, переваливали тайги. Ехали домой.

Ког-Айры говорит:

– Брат! Вот то место, где мы встретились. Разделим, что приобрели. Ког-Айры высыпал белый скот из кармана. Разделив плетью, разделили поровну. Кан-Тади высыпал из кармана народ. Всё поровну разделили.

– Кан-Тади, друг мой! Что я тебе дам, чтобы ты всегда берег и видел?

Пошел и вынул хрящевое ребро у своего сине-чубарого коня железного цвета. Сделал из него золотой чогур о девяти глазках. Взял его Кан-Тади и стал играть.

По девяти Алтаям золотой чогур* предсказывал о прибыли и убыли (керельты, чигалты).

Кан-Тади говорит:

– Через девять месяцев приезжай ко мне в гости. Страшно большой буду делать пир. На земле семьдесят ханов. В нижнем мире шестьдесят ханов, все соберутся, – Кан-Тади зовет Ког-Айры.

После этого поехал быстрее пущенной стрелы, прямее летящей птицы. Если днем, то не полуднюя, если ночью, не ночуя ехал. Показались золотые и серебряные тайги. Показался тополь Алтын-Чогор. Кан-Тади снял золотую шапку «туулга». Ходил и молился. Въехал в свой Алтай и остановился у золотой коновязи.

Отцы и матери говорят:

– Кан-Тади, наше дитя, приехал!

Белый скот и арка-народ подошли близко. Большие тайги, вытянувшись, стали смотреть. Большие реки, выходя из берегов, пенились.

Раз Кан-Тади видит, приехал друг Ког-Айры, приехали семьдесят ханов, которые живут на земле, сидят шестьдесят ханов, приехавших из нижнего мира. Большой пир устроили. Как горы накрошили мяса. Как реки насидели вина. Семьдесят ханов на земле, шестьдесят ханов на Алтае восхваляли молодцов» (18).

Кан-Тади и Муусь

«Храбрые люди, как огни ночью: с ними нигде не страшно. Жил-был на Алтае богатырь Кан-Тади. А в тайге жило чудовище Муусь о шестидесяти головах. Одна голова кричит, другая свистит, третья зубами лязгает...

И говорили люди, что кто все 60 голов увидит, тот от страха на месте умирает. Кан-Тади не из пугливых. Решил он чудовище убить. Взял свой тяжелый меч, наточил его о гранитную скалу и пошел к Муусю.

Встретились. У Мууся все 60 голов зубами лязгают на храбреца. Размахнулся Кан-Тади, да как хватит мечом сразу по всем головам, посыпались они, как орехи из сухой кедровой шишки и замолчали навек.

Только одна голова стала прыгать и хохотать. Ударит ее Кан-Тади, а она как мяч подпрыгнет и опять хохочет. Ну, да голова без туловища не живет. Попрыгала – попрыгала, да и затихла. Было чудовище и кончилось...» (4, С. 96-98).

Боролдой-Мерген и его храбрый сын

«В давние времена, в глубокой древности жил на голубом Алтае людоед Алмыс. Были у него длинные чёрные усы, перекинутые за плечи, как вожжи. Борода у Алмыса была до колен. Глаза – налиты кровью. Во рту – большие острые зубы. На пальцах – острые когти. Всё тело покрыто густой шерстью. Был этот Алмыс свирепый, кровожадный, беспощадный....

Нападал он в лесу на охотников, нападал в аилах на женщин, не щадил он стариков, не щадил и маленьких детей. Хватал Алмыс людей и съедал их. И был он так силён, так хитёр, что никто не решался бороться с ним. Как завидят Алмыса – поскорее убегают подальше да прячутся… Не знали люди, что и делать. Говорили:

– Сильнее нас Алмыс! Хитрее нас Алмыс! Никто его не одолеет, никто его не перехитрит. Терпеть надо, молчать надо.

Так и терпели все, так и молчали. Жил в одном аиле охотник. Звали его Боролдой-Мергён. Сильный он был, храбрый, умный. Никогда зверь его не трогал, никогда он в беду не попадал, потому что ум у него был светлый, глаз был зоркий, рука крепкая.

Вот как-то раз спустился со своих гор Алмыс и пришёл в тот аил, где жил Боролдой-Мерген. Забегали люди в страхе, не знают, куда спрятаться. А людоед схватил одного ребёнка и обратно в горы ушёл.

– У кого в следующий раз утащит ребёнка чудовище? – плачут матери.

И дети плачут. А мужчины молчат, хмурятся. Говорит им Боролдой-Мерген:

– Не плакать надо, не прятаться. Надо убить проклятого людоеда Алмыса, тогда все будут без страха жить!

А люди отвечают:

– Не одолеть нам Алмыса, не избавиться от него.

Поглядел Боролдой-Мерген на своего сына, думает: «Не

для того он родился, чтобы его Алмыс своими острыми зубами разорвал! И все другие дети не для того родились! Надо покончить с проклятым людоедом, надо избавить матерей от горя!»

Думает Боролдой-Мерген, как от Алмыса людей избавить, покоя себе не находит. Долго он думал – много думал. Наконец придумал. Что придумал – никому не сказал. Взял он самый крепкий лук, взял самые острые стрелы и спросил своего сына:

– Есть ли смелость в твоём сердце?

– Есть!

– Есть ли жалость к людям в твоём сердце?

– Есть!

– Тогда пойдём со мною. Путь у нас будет далёкий, дело будет страшное. Не идти нам нельзя.

Отправился охотник с сыном в горы, откуда спускался Алмыс. Шли они через густой лес, поднимались на каменные кручи, шли вперёд без тропинки и наконец вышли на открытое место. Там стоял высокий пень, а рядом кусты и деревья росли. Никого кругом не было видно – ни зверей, ни птиц. Здесь Боролдой-Мерген остановился, снял с себя всю свою боевую одежду и надел её на пень, а возле пня костёр разложил. Сын смотрит, ни о чём не спрашивает. Охотник сказал сыну:

– Садись здесь, возле костра, и, что бы ни случилось, никуда не убегай.

– Не убегу!

– Страшно будет тебе, очень страшно!

– Не испугаюсь!

– Ну, тогда садись и жди.

Мальчик у костра сел, а отец взял лук и стрелы и спрятался в кустах. Долго сидели. Вдруг шум раздался, треск. Вышел из-за деревьев сам Алмыс: чёрные усы за плечи перекинуты, глаза кровью налиты, острыми клыками щёлкает. Увидел мальчика у костра – заревел от радости:

– Шёл я за мясом в аил, а мясо тут само появилось!

Потом на пень взглянул, за охотника его принял, засмеялся:

– Ну, человек, смотри, как я буду есть твоего сына!

С этими словами кинулся Алмыс к костру. Подскочил, а мальчик за пень отбежал. Алмыс – за ним, а мальчик всё кругом пня бегает. Не может Алмыс его схватить. Тут Боролдой-Мерген изловчился, выстрелил, и попала его острая стрела прямо в грудь Алмыса. Заревел, зарычал Алмыс.

От криков его деревья гнулись, камни трескались и с гор скатывались. А Боролдой-Мерген пускал в чудовище стрелу за стрелой. Рассвирепел Алмыс. Кинулся на пень, одетый в наряд охотника, стал его грызть да вдруг рухнул на землю. Подошёл Боролдой-Мерген, видит – убит людоед. Не стал Боролдой-Мерген спрашивать сына, страшно ли ему было. Только одно слово сказал:

– Пойдём!

И пошли они в свой аил. Когда пришли, Боролдой-Мерген сказал людям:

– Дети наши будут расти. Матери будут жить без страха. Нет больше Алмыса, убит он.

– Кто его убил? — спросили люди.

– Я.

– А зачем ты брал с собой своего маленького сына?

– Он был приманкой для Алмыса.

– Но ведь Алмыс мог растерзать его?

– Мог.

Больше Боролдой-Мерген ничего не сказал и вошёл в своё жилище. Так освободились алтайцы от своего давнего и свирепого врага» (4, С. 81-82).

Богатырь Куюм и Черто

«Жил в Алтайских горах молодой богатырь Куюм. Был он силен, быстр, ловок как марал, зорок как сокол и строен как кедр. И конь у него был под стать – крепкий, как скалы, могучий, как горные реки. Привольно жилось Куюму. Охо-

тился он в горах Алтая и крепко любил родной край.

Но однажды пришел в те горы страшный великан Черто, хотел он забрать себе все богатства с земли, из недр, выпить все реки и покорить народы.

Плохо стало жить в горах, был народ в страхе и терпел бедствия. Собрали люди войско, пошли на Черто, десять дней и ночей бились, но так и не смогли одолеть великана.

Тогда отправились за советом к старому мудрому человеку, жившему в пещере у горного озера – как одолеть злого великана.

– Пусть самый сильный храбрец, когда вокруг все стихнет, и луна скроется на небе, подкрадется к Черто и одолеет его, а конь втопчет злодея в землю – так ответил мудрец.

Не стал отказываться Куюм, вызвался он отвести беду от родного края. Темной ночью, когда луна скрылась за горами и только звезды сияли на небе, подобрался Куюм к Черто и стал пускать стрелы в великана из тугого лука.

Взревел раненый Черто, вскочил, но Куюм достал саблю и, кружа на быстром коне вокруг великана, наносил ему неожиданные удары. Резво скакал конь, никак не мог Черто достать Куюма, ослабел от ран и, наконец, повалился на спину. Втоптал его в землю могучий конь, так что только один палец остался снаружи, а утром превратился этот палец в скалу. Так ее теперь и называют – Чертов палец, а находится она напротив села Соугза, на Катуни» (3, С.13).

***

Сартакпай-строитель

«Догорало закатное солнце
Над вершинами гор островерхих.
Поднимались с озёр туманы,
Заволакивая ущелья.
И когда, словно рыбьи стаи,
Всплыли звёзды на синем небе,
Ярким светом костра ночного

Озарилась долина Чодру.
Расседлав коней усталых,
Пастухи у костра уселись.
Старый Бокуш топшур настроил.
И ударил по чутким струнам…
Начиная своё сказанье
О создателе рек широких,
О ловце змеевидных молний,
О строителе-Сартакпае..

***

– На подоблачном Алтае,
Где с отрогов ледниковых,
Как зайчонок от погони,
Скачет вспененная Чуя;
Где цветёт маральник алый
На широких синих скалах,
И цветами эдельвейса
Вся усыпана долина;
Там под гулкою горою
Юрта дымная стояла.
С давних пор в той юрте старой,
Крытой кедровой корою,
Жил анчи могучей силы
Сартакпай чернобородый…
А поодаль, в юрте белой
Из кошмы верблюжьей шерсти,
Жил сынок его любимый –
Адучи-Мерген с женою…

***

…Вот однажды, на рассвете,
Как заря в горах зардела,
Крася реки и озёра,
И росой умылись травы.
Адучи позвал он в юрту,

Раскурил и подал тоубку.
«Сядь, сынок, со мною рядом
И послушай, что скажу я…
Жил когда-то на Алтае
Байбарак – могучий батыр.
Мог он вырвать кедр с корнями,
Мог плечом подвинуть гору.
Но однажды он увидел
Каракыс из рода Туба,
Ту, что дивной красотою
Солнце светлое затмило.
У неё глаза, как звёзды
По весне в глубоком небе,
А лицо белее снега
На вершине Чаптыгана.
Из-за глаз её весёлых,
Из-за щёк её румяных
Байбарак, могучий батыр,
В миг один ума лишился.
Чтоб ему досталась в жёны
Каракыс из рода Туба,
Он в горах с богатырями
Бился, скалами бросаясь
Забивая ими реки
И прекрасные долины.
Но пока ходил он в битвы,
Та, что с солнцем несравнима,
Отдала другому сердце,
Позабыла Байбарака.
Много лет в горах Алтая
Байбарак могучий прожил,
Бесполезно тратя силы
На ненужные затеи.
И никто о нём не вспомнит
В наши дни хорошим словом.

Жизнь его с полынью схожа:
Куст высок, а что в нём толку?
Помни сын, лишь тот, кто подвиг
Совершает для народа,
Кто живёт на счастье людям,
Будет жить в сердцах их вечно…»

***

…На пятнистом иноходце
По курумникам сыпучим
По крутым и гулким скалам
Сартакпай великий едет.
Он глядит из-под ладони
На окрестные долины,
На высоты, где маральник
В алый цвет окрасил горы
Как таёжная саранка,
Его сердце расцветало.
И от радости волнуясь,
Он курил за трубкой трубку.
Но чем дальше шла дорога,
Подымаясь выше в горы,
Всё мрачней сдвигались брови
Над глазами Сартакпая.
…На пути гора Верблюжья
Подпирает шапкой небо.
Облаков седых обрывки
На горбах её повисли.
На крутую гору глядя,
Сартакпай остановился:
Дальше нет коню дороги,
Даже тропки кабарожьей!!
Снял он лук свой богатырский,
Шестигранную стрелу взял,
Тетиву из жил маральих
Натянул с могучей силой.

И когда пустил стрелу он…
Вся тайга к земле приникла,
Солнце в тучах утонуло,
Вспять проворно повернули
Перепуганные реки…
И когда, развеяв тучи,
Солнце снова заблистало,
Успокоенные реки
Потекли своим теченьем,
Шестьдесят племён Алтая
Увидали с гор высоких:
Где была гора Верблюжья –
Половины не осталось!
Шестьдесят племён Алтая
Дружным хором закричали:
– В год счастливый ты родился,
Сартакпай наш благородный!
Богатырь смотрел с улыбкой,
Как дорогою широкой,
Мчались радостно алтайцы
На гривастых, резвых конях.
И пока в далёких скалах
Дробный стук копыт не замер,
Он стоял, скрестивши руки,
Делом славным окрылённый.

***

…Вот однажды проезжая
По долинам гор Алтая
У подножья Согон-Туу,
Над зелёною Катунью
Сартакпай остановился.
Он увидел, как в ущелье,
Друг на друга набегая,
Волны грозные клубятся,
К облакам бросая гребни.

– Богатырь! – река взмолилась, –
Повелитель рек Алтая!
Ты раскалываешь горы
Шестигранною стрелою,
Ты своей рукою смелой
Жизнь даёшь озёрам светлым,
Но давно тебя прошу я
Просьбу слёзную исполнить,
Сартакпай! Стрелою звонкой
Расколи ты Согон-Туу…
Сартакпай снял лук крылатый
С тетивой из жил маральих.
Взял стрелу он из колчана
Натянул, запеть заставил.
И когда у Сартакпая
На спине сошлись лопатки,
В лоб широкий Согон-Туу
Он пустил стрелу со свистом.
Вся тайга к земле приникла,
Солнце в тучах утонуло,
Вспять проворно повернули
Перепуганные реки…
И когда, развеяв тучи,
Солнце снова заблистало,
Успокоенные реки
Потекли своим теченьем,
Шестьдесят племён Алтая
Увидали с гор высоких:
Золотая Согон-Туу
Развалилась на две части.
Шестьдесят племён Алтая
Дружным хором закричали:
– В год счастливый ты родился,
Сартакпай наш благородный!
А Катунь вся в белой пене,

Будто взмыленная лошадь,
Побежала новым руслом,
Прославляя Сартакпая.

***

По горам бродило лето,
Возле устья пенной Чобы
Сартакпай сидел и думал:
«Как же в этом месте
Ездить с берега на берег?
Надо мост построить на Катуни…
Пусть путники с любовью
Вспоминают добрым словом»
…Над подоблачным Алтаем
Поднимался бубен солнца,
Сартакпай в кипящий омут
Рушил каменные глыбы.
Ночь упала на долины –
Богатырь забыл про отдых.
И на плечи глыб высоких
Ложит каменные плиты.
Просвистев кнутом пастушьим,
Гору молния стегнула.
Сартакпай взмахнул рукою,
Быстро молнию схватил он.
И её с размаху вставил
В ствол расщепленной берёзы.
Он кидал с могучей силой
Камень к камню, глыбу к глыбе.
И они, ложась покорно,
Над рекою нависали,
Чтоб мостом соединились
Берег с берегом навечно…

***

Что же сталось с Сартакпаем, –

Не рас сказывают песни.
Но живёт молва в народе
О делах его великих.
Ты пройди по всем долинам,
И везде цветы прошепчут:
– Здесь скакал быстрее ветра
Сартакпай на иноходце…
А когда у ветра спросишь –
Пропоёт рассветный ветер:
– Я носил на лёгких крыльях
Звонкий голос Сартакпая…
Если спросишь у народа,
Скажет весь народ Алтая:
– Он не умер, он бессмертен,
Сартакпай наш благородный!»
(6, С.3-8).

***

Об Узюк, Бешпек и Согоон-Саадак

(Записал В.Ф. Чумакаев от Чюрмеш Такачаковой, Эликманарский аймак, село Чопош, 1961 год)

«Пришел как-то раз Сартакпай-богатырь к выходу из урочища Чобы и присел отдохнуть на плоский камень. Отдыхая на камне, подумал: «Хорошо! А не пустить ли мне стрелу?» Уложил Сартакпай стрелу в алагырский лук и выстрелил. Могучий богатырь так сильно напрягся, натягивая тетиву, что получилось углубление в камне. Поэтому алтайцы и называют тот камень Ойдык-Таш, что означает камень с выемкой.

Трехкрылая стрела, пущенная Сартакпаем, взлетев ввысь быстрее птицы, в дальней дали исчезла. Алагырский лук, выпустив стрелу, запел-загудел, подобно большому комусу*. И его пение слух Сартакпая усладило. А трехрогая стрела с гудением ветра воспарила над Катунью-рекой и через высокие скалистые горы стремглав пролетела, звеня в голубой дым-

ке. На пути полета стрелы стояла удивительная островерхая гора. Силы стрелы иссякали в полете и, снижаясь, попала она в островерхую макушку горы. От этого гора у основания треснула. Место, в которое попала стрела, откололось. С тех пор это место называют Узюк – Осколок. Когда стрела ударилась о гору, земля, которая разлетелась от Узюка, опустилась на правом берегу реки Чемала, и когда куча этой земли превратилась в хребет, люди назвали его Бешпек, что значит пышка.

Оторвавшиеся от Узюка камни – курумники вместе со стрелою пролетели вниз, вздымая пыль, и со звоном падали на землю, подобно гигантским каменным каплям. И когда они падали на правую сторону от скалы Кирее, то стоявшие рядом горы Маашыган, Тарбан, Кирее сотрясались. Теперь это место люди называют Согоон-Саадак*» (1, С.169-170).

***

Шуну богатырь

«В отдалённых краях царства Боо-Кан жил Богатырь Тюрен-Берен. Детей у него не было. Однажды они размышляли с женой: «Умрём мы, кому всё наше богатство достанется, нет у нас наследника» в то время сверху им послышался голос: «Тюрен-Берен, не горюй, что нет у тебя потомства. Поезжай на берег Сют-Кол, там найдёшь ребёнка, возьми его и воспитай вместо сына».

Поехал Тюрен-Берен к озеру. Видит: на берегу под берёзой стоит зыбка с младенцем-мальчиком. Кора берёзы надрублена и из надреза течёт сладкий сок, прямо в рот ребёнка. На берёзе сидит птица Чугут и поёт, когда ребёнок заплачет. Привёз Тюрен-Берен ребёнка в аил. Дали старики ему имя Шуну.

Уже будучи мальчиком Шуну отличался богатырской силой. Однажды, натянув тетиву на лук, который с трудом принесли Тюрен-Берену восемь человек, он прострелил стрелой девять медных котлов.

Через некоторое время пришли в царство Боо-Кан три человека с тремя железными луками и сказали Тюрен-Берену:

– Кто может стрелять из этого лука, тому мы станем платить дань, но если никто не сможет, то будет Тюрен-Берен платить дань.

Два богатыря царства Боо-Кан не смогли луки поднять, пять богатырей не смогли тетиву натянуть. Опечалился Тюрен-Берен. Пришёл тут Шуну и говорит:

– Не печалься отец. Где эти луки?

Луки принесли, Шуну натянул все три, выстрелил и сказал:

– Какие же это смехотворные штуки…

Три человека, увидев это, были обязаны платить дань Тюрен-Берену.

В царство Боо-Кан вторгся с войском джунгарский хан. За владение землями Тюрен-Берена он предложил ему трудные загадки в форме состязания.

Во-первых, отличить старую сороку от молодой. Никто не мог этого сделать. Шуну в это время был на охоте. А когда он пришёл, то легко отгадал эту загадку.

Дали Шуну другое испытание. Принесли очень ровную палку из дерева таболга: нужно было узнать, какой конец ближе к корню, а какой – к вершине. Взял Шуне палку, опустил её в воду. Корневой конец опустился, а другой стал торчать из воды.

Третье испытание. Привезли на верблюде бронзовый лук: настолько тяжёлый, что никто не мог его даже поднять. Джунгарский хан предложил его натянуть. Шуну смог не только натянуть лук, но смял его в клубок, как мяч, и положил его снова на верблюда. Удалился тогда джунгарский хан в свои владения, а Шуну пошёл вслед за ним, разогнал всё его войско и вернулся домой.

Когда Тюрен-Берен стал совсем стар, он сказал Шуну:

– Ты владей моим народом, я сам не могу больше управлять, как следует.

Позже привёл Шуну свой народ в Россию (имеется ввиду вхождение алтайцев в состав России – авт. сост.). Далее приехал Шуну к царице Екатерине. Она приняла его приветливо, угостила чаем, стала расспрашивать. За разговором не заметили, что самовар остыл: так интересна была беседа. Царица пожаловалась Шуну на обилие змей, из которых главный, трёхглавый, постоянно требовал человеческих жертв (возможно речь идёт о врагах Российского государства, в частности Японии – авт. сост.). Шуну обещал уничтожить всех змей, если царица не будет беспокоить алтайский народ, чтобы его «муравьи и мухи не кусали», а также чтобы алтайцев не брали в солдаты. Шуну подошёл к озеру, где жили змеи. Он пустил на семь дней сильный жар. Спасаясь, все змеи пошли на дно озера. Тогда Шуну на семь дней пустил снег и мороз. Озеро замёрзло, все змеи погибли. Только главный змей успел вылезть и уползти в гору, в пещеру. Шуну стал его преследовать. Увидел, что единственное уязвимое место у змея, в обычном положении закрытое панцирем, – его шея. Конь Шуну шепнул ему на ухо:

– Скажи змею, что его золотая пуговица оторвалась.

Шуну так сказал, змей наклонился к земле, посмотреть, куда упала пуговица, и обнажил незащищённую шею. Шуну поднял меч и сразу отрубил все три головы.

Царица богато наградила Шуну и обещала выполнить все его просьбы. Уезжая на Алтай Шуну сказал:

– Свой народ отдаю в подданство русскому царю, чтобы русские телеутов не обижали, ни в солдаты, ни на работу их не назначали, как мне, они платили дань пушниной, так пусть и русские берут с них ясак по-прежнему, пушниной, а не деньгами.

Через некоторое время Шуну собрал свой народ и сказал:

– Я оставляю здесь, но впоследствии вернусь и узнаю вас по чёрным бровям.

Затем он хлопнул рукой по каменной скале так, что получился вдавленный отпечаток его руки. При этом Шуну сказал:

– Пока этот отпечаток не изгладится, телеутов не будут брать на военную службу.

Неизвестно, куда он делся и где он теперь. Но алтайцы верят, что когда-нибудь Шуну вернётся на Алтай» (1, С.65-67).

В горах Горного Алтая действительно есть скала, на которой просматривается отпечаток человеческой руки. Алтайцы говорят, что его оставил Шуну. Что касается относительно историчности Шуну, то, по мнению В.И. Вербицкого, пользовавшегося данными Киндерманского архива: «Шуну выдавал себя за брата Галдан-Церена, был государственным деятелем, стремящимся к объединению ойротов. Неоднократно был в Москве и Петербурге. Затем явился под именем Караксакала в Башкирии, где поднял известное восстание 1740 года. А в 1745 году кочевал уже в Киргизской степи»(Вербицкий В.И. Алтайские инородцы… С. 126).

***

Сыновья Солтона

(Историческое сказание)

(ОЗОГЫ КУУЧЫНДАР)

(Сказание было впервые записано Бронтоем Янговичем Бедюровым со слов родного дяди Кейлюка Майчикова зимой 1969 года. После предание было дополнено Кейлюком Майчиковым, а также его двоюродным братом Айылдашем Анатовым в 1970-1980-е годы в селе Кулады)

«Рассказывают, что прародина кара-майманов (черных найманов) – это верховья Черного Иртыша в Южном Алтае. Там в местности Тас-Чокы – Лысая Сопка жил князь Солтон, от которого ведут род алтайские кара-майманы.

У Солтона было пятеро сыновей. Старший сын Булгаачы, за ним шел Боор, среднего звали Ак-Билек, еще был Апчы и самый младший Урат. Солтон и его сыновья состояли в подданстве Ойрот-Каана, чье государство было богатым и мо-

гущественным. Даже маньчжурский Эдиен-Боодо-Каан не осмеливался идти войной на ойротское государство.

Боор с малых лет выделялся среди всех детей ясным умом и хорошей памятью. Прослышал об этом мальчике Ойрот-Каан и повелел отправить его в Тибет на обучение в монастырь, куда каждый год посылал богатые дары, ибо там изучали грамоту и науки одаренные дети всей ойротской знати.

С малых лет, кто говорит семнадцать, а кто и двадцать пять лет, постигал Боор под руководством ученых монахов премудрости, заключенные в древних священных книгах – сударах. Когда он возвратился на родину, то не было ему равных по уму и знаниям во всей Ойротии. Звали его на службу ко двору Ойрот-Каана, но Боор отказывался. Говорил он:

– Нрав владык переменчив, не место при дворе подлинной мудрости.

Как сложилась бы судьба Боора в дальнейшем из-за его упорства, мы не знаем, потому что в это время Ойрот-Каан умер. В его стране началась смута. Своевольные князья перегрызлись между собой – каждый хотел овладеть престолом, стать выше всех. Междоусобицы ослабляли некогда могучее ойротское государство.

Воспользовавшись смутой, стали совершать набеги в пределы страны соседи – казахские и халха-монгольские князья. Каждый стремился урвать свой кусок, подстрекаемый маньчжурским Эдиен-Кааном. Словно алчные псы, терзали они страну, говоря:

– Остался табун без жеребца – кто его защитит? Остался народ без государя – кто его объединит?

Вслед за соседними племенами пришли в Ойротию войска маньчжурского Эдиен-Бодо-Каана, который спешил воспользоваться удобным случаем, чтобы покорить могущественного соперника. Многие князья без боя сдавались на милость захватчиков, желая сохранить свои богатства. Более всего страдал черноголовый простой народ. Огнем и мечом

прошлись иноземцы по стране. Жгли жилища, грабили скот и имущество, во множестве угоняли людей в рабство.

В эти тяжелые времена сыновья Солтона не склонили головы. Они взяли в руки оружие, собрали дружины и стали воевать с захватчиками. Однако силы были неравны. Как ни сопротивлялись ойротские воины чужеземцам, приходилось им уходить все дальше и дальше от своих исконных мест.

Кочевья Солтона тоже подверглись грабежу и разорению. Люди его рода стали разбегаться кто куда. Решил Солтон держать совет со своим старшим сыном Булгаачы, как дальше жить, что делать, как спастись, не попасть в рабство к захватчикам. Булгаачы уже отделился от отца, жил далеко, в другом месте, и вестей от него давно не было.

Старый Солтон оседлал коня и отправился в стойбище Булгаачы, которое было в пятнадцати дневных переходах. Напрасно он ездил – никого не нашел, только пепелище увидел на месте стойбища старшего сына. Ровно через месяц вернулся Солтон домой. Привязал коня к коновязи, упал на землю и заплакал горькими слезами, а сыновьям сказал:

– Только камни и холодную золу нашел я на месте стойбища Булгаачы. Видно, он давно ушел из тех мест. Не осталось от него ни следа, ни весточки. Не смог я узнать, куда подался Булгаачы, как у него судьба сложилась.

До сих пор неведомо, что случилось с Булгаачы. То ли ушел он в китайские пределы и принял подданство Эдиен-Боодо-Каана, то ли попал в плен к чужеземцам вместе со своей семьей и родичами, да так и сгинул на чужбине. Никаких известий о нем и его потомках не сохранилось в памяти людской.

Посоветовался Солтон с сыновьями и решил откочевать из этих мест, чтобы не погиб весь его род. Собрав самый необходимый скарб, ничего лишнего, и тех людей, что при нем были, двинулся Солтон с сыновьями в самые глухие места горной части Алтая, поближе к границам земель, которые взял под свою руку Ак-Каан – Русский царь.

– Пойдем на свет Полярной звезды, – сказал Солтон, – туда, где алтайская земля граничит с владениями Темир-Чаган-Каана, Железного Белого царя, обоснуемся под его крылом. Может быть, там удастся сохранить свой род, воссоздать кочевья нашего народа.

Так и сделали. Поначалу укрылись они от врагов в Коротинской долине, в местности Турлу-Айры. Но и там не нашли они покоя. Не успели как следует обжиться на новом месте – явились вслед за ними монгольские войска Эдиен-Боодо. Отрядом командовал Эр-Чадак, сын богатыря по прозвищу Эзен Кривоносый. В свое время вместе с Боором Чадак учился в тибетском монастыре.

Среди людей ходили слухи, что Эр-Чадак был монголом. Так думали, потому что он был военачальником у маньчжуров. По правде же, он – из рода кыпчак, но иркиты считают его своим. Удостоился он такой милости маньчжурского каана потому, что первым добровольно перешел к нему на службу.

Когда принимали его в подданство, то спросили маньчжуры Эр-Чадака:

– Есть ли еще удальцы, такие как ты, на Алтае?

– Есть, – отвечал Эр-Чадак, – это сыновья Солтона из рода кара– найманов. Все храбрецы и удальцы отменные, но самый нужный для вас – Боор. Я с ним учился в тибетском монастыре. Он там превзошел всех в науках, овладел всеми премудростями. Не только знает прошлое и настоящее, но и провидит будущее. Пока их не возьмете, не думайте, что Алтай будет вашим. Это особой доблести и ума люди, не дайте им уйти к русским! Иначе будет беда, все сорвется, тогда русские займут Алтай. Дайте мне достаточно войска, и я доставлю сыновей Солтона под вашу руку.

Потому и последовал Эр-Чадак за Солтоном и его сыновьями в Турлу-Айры, чтобы упредить их переход в подданство к Железному Белому царю.

Когда отряд Чадака налетел на стойбище Солтона, его

сыновья Боор, Ак-Билек, Апчы и Урат охотились в горах. Поэтому воины Чадака смогли захватить старого Солтона и побить его людей.

Эр-Чадак велел Солтону призвать сыновей, чтобы они сдавались. Хотел взять их без боя. Старый Солтон не поддался ни на уговоры, ни на угрозы, не выдал он сыновей, не позвал их, чтобы спустились с гор и отдались в руки Чадаку.

Тогда Чадак приказал подвергнуть его пыткам. Но Солтон, несмотря на свои годы, был тверд душой, не дрогнуло его сердце. Когда он почувствовал, что приходит конец, то, собравшись с силами, выкрикнул громким голосом четыре слова: «Бектен! Тык-тан! Агаш! Таш!» С тем и умер он, старец восьмидесяти восьми лет.

Враги подумали, что Солтон перед смертью позвал своих сыновей. Приготовились они схватить братьев, как только те спустятся с гор на зов отца. Однако ошиблись они. Старый Солтон перед своей кончиной дал наказ сыновьям, крикнув: «Укрепляйся! Укройся! Лес! Камень!»

Дошли до братьев последние слова отца, поняли, что наказал им Солтон готовиться к битве, укрываться в лесу, среди скал. Поднялись сыновья Солтона еще выше в горы и спрятались среди неприступных скал.

Чадак приказал вспороть грудь Солтона, вырвать печень и сердце. Когда воины сделали это, то увидели, что у основания жилы, которая в сердце входит, росли у Солтона волосы. Подивились они на это чудо, но ничего не поняли.

Напрасно ждал Чадак, что братья с гор спустятся. Послал в горы своих лазутчиков, но не смогли они напасть на след братьев. Надежно укрылись они в горах и из своего убежища наблюдали день и ночь за муравьиной суетой во вражеском стане. Присутствия своего не выдавали. Вовремя уходили от лазутчиков.

Когда наступила ночь, воины Эр-Чадака разбили лагерь в долине, неподалеку от того места, где сейчас стоит село Каракол. Такое множество воинов привел Чадак, что, когда за-

жгли они костры, казалось, будто бы их столько же, сколько звезд на ночном небе.

Через несколько дней припасы у братьев кончились. Не осталось у них ни еды, ни курева. Приходилось терпеть. Воины Чадака перекрыли все ходы-выходы, сменяя друг друга, несли караул днем и ночью. Наконец, младший из удальцов Урат не выдержал и сказал:

– Голод я могу терпеть, но без курева совсем пропадаю. Спущусь в долину, может быть, разживусь чем-нибудь в стане врагов.

Нужно сказать, что Урат был знаменит не только своей силой и храбростью. Этот удалец был известен и тем, что мог взять там, где ничего не оставлял, да так ловко, что ни один сторож не заметит.

Сбросил Урат шубу и шапку, затянул потуже пояс и налегке спустился по тайным тропам, минуя стражу, вниз, в долину. Никем не замеченный, пробрался он в стан врагов и стал расхаживать среди воинов, словно был одним из них.

Увидел Урат, что у большого костра люди толпятся. Подошел посмотреть, а там для каждого десятка, на которые был разбит отряд Чадака, мясо раздавали, чтобы воины ужин себе могли приготовить. Урат, затесавшись среди прочих, пробился к раздатчику и ухватил с копья добрый оковалок мяса. Когда на него заворчали, что без очереди влез, гордо ответил, что его удальцы завтра пойдут сыновей Солтона в плен брать. Воистину не ведал страха сорвиголова Урат.

Припрятав мясо в укромном месте, снова стал бродить по лагерю, размышляя, где бы разжиться куревом. Вдруг увидел он, что у богатого шатра сидит военачальник в шелковом халате, а слуга набивает ему трубку отменным табаком. Догадался Урат, что это сам Эр-Чадак. Смотрел Урат, как Чадак клубы дыма пускает, даже слюни у него потекли – так курить захотелось.

Подумал Урат, что Чадак его никогда не видел, и рискнул подойти к шатру. Улучив момент, когда снова нужно было

набивать трубку, подошел к слуге и услал его с поручением, а сам сказал, что трубку господину будет набивать, пока тот не вернется. Набил Урат отборным табаком трубку и с поклоном подал Эр-Чадаку. Сам же сунул в карман кисет из желтого шелка и был таков.

Урат не только мясом и табаком разжился. Он ходил по лагерю, ко всему присматривался, к разговорам прислушивался, где караулы стоят, выведывал. Когда все вызнал, стал думать, как из лагеря выбраться. С большим куском мяса в руках трудно было незаметно миновать воинов, которые лагерь охраняли.

Подобрался Урат к расседланным лошадям, которых на ночь пастись отпустили, и взвыл по-волчьи. Всхрапнули лошади и в панике бросились в разные стороны. Поднялся в стане врагов переполох. Воины бросились ловить лошадей. В суматохе Урат уцепился за хвост жеребца и выскочил. Так он выбрался незамеченным за пределы лагеря. Когда вернулся на вершину Бай-Туу, где братья прятались, все обстоятельно рассказал. Сказал тогда мудрый Боор:

– Много воинов у наших врагов, окружили они нас заслонами, мышь с трудом проскочить может. Если выйдем днем на голое место у подножья горы, то Чадак нас обязательно схватит. Нужно сейчас, темной ночью, пока враги отдыхают, выбраться отсюда.

В тот же час тронулись братья кромешной ночью в путь. Незаметно миновали стражу, про которую Урат все разузнал, обошли вражеский лагерь и вышли в открытую степь. Оставив врага позади, вскочили на лошадей и пустили их во весь опор. За ночь миновали они Туякту, Талду и Бошту, уйдя к Шибилику.

Как только взошло солнце, воины Эр-Чадака обложили гору Бай-Туу со всех сторон. Эр-Чадак решил устроить облаву, видя, что сыновья Солтона не показываются. Боялся, что ночью братья могут ускользнуть от него. Вооруженные воины перекрыли все проходы среди скал, обшарили все лож-

бины и лесные чащи, в каждую пещеру и ямку заглянули. Дозорные высматривали беглецов со всех пригорков и перевалов, искали их на потаенных тропах, но следов братьев не обнаружили. Понял Эр-Чадак, что перехитрили его сыновья Солтона, ускользнули из ловушки.

Делать нечего. Пришлось Чадаку возвращаться восвояси, как говорят, не солоно хлебавши. Не удалось ему пленить сыновей Солтона и выдать их своему повелителю.

Уйдя от преследователей, Боор, Ак-Билек, Апчы и Урат собрали по пути оставшихся в живых людей своего рода и обосновались в верховьях реки Кеньги, в местности, именуемой ныне Яш-Агаш. Леса здесь были богаты непуганой птицей и зверьем. В густых зарослях во множестве водились лоси и маралы. Не зная отдыха, охотились братья с уцелевшими сородичами.

Когда убегали они от Эр-Чадака, то растеряли в пути остатки своего имущества. Теперь из шкур лосей и маралов сделали жилища, сшили одежду из меха когтистых зверей. Приготовили они много мяса и смогли благополучно перезимовать.

Наступила весна. За долгую зиму запасы подъели. Скота у них и в помине не было. Голодать стали. Однажды ночью по берегам Кеньгинского озера послышался волчий вой. Проснулись братья.

– Вот, даже волки завыли, – в сердцах сказал Урат, сглатывая голодную слюну, – не осталось на Алтае пищи ни людям, ни дикому зверю. Все под метлу чужеземцы вымели.

– Нет, братья, – возразил вещий Боор, – это не волки воют. Это подкрадываются к нам воины Эр-Чадака, окружают, хотят в полон взять.

– Откуда здесь Эр-Чадаку взяться? – сказал Ак-Билек. – Что ему здесь делать, когда он знает, что ограбил нас до нитки? Нечем ему больше у нас поживиться.

– Не за нашим имуществом пришел Кривоносый, – сказал Боор. – Он за нами охотится. В плен к богдыхану увести хочет. Нужно немедля уходить отсюда.

Не поверили братья мудрому Боору, не смог он уговорить их пока не поздно спасаться бегством. Не послушались они Боора и снова улеглись спать. Только вещий Боор не смыкал глаз, вслушиваясь в тревожную тишину ночи. Знал он, что не волки то воют.

Утром же, проснувшись, братья увидели, что воины Эр-Чадака окружили их стойбище со всех сторон.

– Ну, что, братья, сами видите, кто был прав? – сказал Боор. – Куда теперь денемся? Как уйдем из ловушки? Напрасно вы меня не послушались.

Молчали братья, опустив головы, не смея взглянуть Боору в глаза. Поняли они, наконец, что Боор не только возрастом, но и мудростью их превосходит. Ничего сами придумать не могли и сказали Боору:

– Как вы решите, так и будет. Впредь перечить вам не станем. Вы ведь за главного у нас. Говорите, брат!

– Будем держаться до темноты, – решил Боор, – а когда ночь на землю ляжет, уйдем потайными тропами, как раньше уходили.

Пробили они в стенках аила из коры лиственницы бойницы на все четыре стороны света, приготовили меткие ружья, порох и пули. Стали ждать штурма. Время шло, а воины Эр-Чадака не приближались, все стояли в отдалении, оцепив лагерь.

Когда солнце зашло за полдень, прибыл гонец от Эр-Чадака с посланием. «Боор, – писал Эр-Чадак, – знаю, что хочешь, как в прошлый раз, извернуться да ускользнуть из ловушки. На этот раз темнота тебе не поможет. Мои заслоны ни тебе, ни твоим людям не миновать. Знаю, что будете вы храбро биться, да только напрасно много крови прольете. Предлагаю тебе и братьям сдаться без боя».

Долго молчал Боор, долго думал. Молчали и братья, ожидая его решения.

– Эх, надо же! – наконец воскликнул Боор. – Эл-гал! Гори оно все синим пламенем! Я эр-воин, никогда перед врагами

головы не склонял, но, видно, на этот раз придется покориться силе. Будем сдаваться, братья.

Ни Ак-Билек, ни Апчы возражать не стали. Только горячий Урат не согласился:

– Нужно биться до последней капли крови, чтобы честь своего рода не уронить. Что о нас люди говорить будут, если без боя покоримся Кривоносому?!

– Ты не прав, Урат, – возразил мудрый Боор, – если бой примем, обречем на смерть неминуемую не только себя, но и всех людей нашего рода. Не пощадят воины Чадака ни стариков, ни женщин, ни детей малых. Всех их под корень истребят. Кому тогда наш род продолжить? Какой прок от нашей смерти будет? Лучше сейчас покориться, жизнь людей сохраним, а потом будем думать, как от смерти избавиться.

Не нашел, что возразить на мудрые слова старшего брата ухарь-удалец Урат. Не стал больше спорить. Вспомнил он, что Боор может будущее предвидеть, согласился с ним.

Позвал Боор посланца Эр-Чадака и на том листе написал ответ: «Согласны сдаться, если самолично придешь на переговоры. Иному не бывать!»

Вручил послание гонцу и отправил его назад в лагерь Эр-Чадака. Чадак не замедлил приехать. Вошел в аил, как ни в чем не бывало, протянул Боору руку, вежливо поздоровался. Только в глазах его таилась усмешка.

– Что же ты, Боор, мое войско на солнцепеке столько томил, покориться не хотел? Знаешь ведь, что сила силу ломит. Мои воины уже терпенье потеряли, еле сдерживал я их, чтобы они на вас приступом не пошли.

– Нет, Чадак, – не остался в долгу Боор, – не ты своих воинов сдерживал, а наши меткие ружья да черный порох. Видишь ведь, что порох и пули у нас в достатке. Знаешь, большой кровью обошлась бы тебе схватка с нами.

– Что ж, – рассмеялся Чадак, – от хорошего мяса – хороший навар, от достойного мужа – достойное слово. Ну, теперь-то, думаю, дело сладилось?

– Ты, Чадак, Кривоносый сын Эзена, скажи, зачем сюда пришел? Нет у меня коня, которого дал бы мне твой отец, нет у меня даже рваной кошмы, которую дала бы мне твоя мать! Почему же ты преследуешь меня? Гонишь вдоль границ двух великих каанов, словно раненого марала, истекающего кровью? Что же тебе от меня надобно? Чего от братьев моих хочешь? Погибели нашей желаешь?

– Не за животом твоим пришел я, Боор, и ты это знаешь, – возразил Эр-Чадак. – Хочу я, чтобы вместе мы жили, чтобы в подданство Эдиен-Каана ты перешел вместе с братьями и людьми твоими, чтобы остались, как и прежде, мы одним народом, никогда не разлучались. Нет у меня против тебя злого умысла. Почему же ты уклоняешься – хочешь к русским уйти? Что доброго от них получишь, склоняясь под руку Белого царя? Сам Эдиен-Боодо-Каан послал меня за тобой – хочет видеть тебя среди своих сыновей! Неужели ты мне не веришь? Разве не обучались мы с тобой в одном монастыре? Не припадали к истокам вечной мудрости? Как я могу обмануть тебя?!

Много сладких слов говорил Кривоносый Боору и его братьям. Долго они сидели, разговаривали в самом сердце Алтая. Переметнувшийся к Эдиен-Боодо-Каану отступник по прозвищу Эр-Чадак, сын Эзена, и его пленник – славный сын алтайской земли, мудрый Боор. Предвидел он, что все по-другому будет, не так, как Кривоносый обещал. Так оно и вышло.

Вместе с пленниками отряд Эр-Чадака двинулся вверх по Чуе в пределы бывших земель Ойрот-Каана. Переправившись через реку Комду, вступили в земли монголов, но и здесь не остановились. Далеко завезли сыновей Солтона от границ владений Русского царя, прежде чем определили их на жительство. Здесь-то и открылось коварство Кривоносого.

Повинуясь приказу Эдиен-Каана, Эр-Чадак велел братьям пасти табуны лошадей, словно простым пленникам.

Чтобы братья не могли общаться друг с другом, не могли побег замыслить, поселили их далеко друг от друга – на расстоянии дневных переходов. Оставили с ними воинов, чтобы караулить их.

Как только Эр-Чадак устроил все с Боором и его братьями, не мешкая, помчался ко двору Эдиен-Боодо-Каана. Принял его владыка и стал спрашивать, как его повеление исполнено, всех ли братьев в полон взял и куда старый Солтон делся?

Рассказал Эдиен-Каану Чадак про то, как вспороли грудь Солтона, и нашли у основания жилы, которая в сердце идет, дивную вещь – волосы.

Услышав об этом, Эдиен-Каан понял, что Солтон и его сыновья – люди особенные, провидцы, обладающие отважными сердцами, которые не будут прозябать в неволе, подобно другим пленникам. И повелел он Эр-Чадаку:

– Нужно загодя умыслы сыновей Солтона упредить, чтобы они вреда нашему царству не учинили. Повелеваю тебе перегнать их вглубь нашей земли через жаркую пустыню на сорок дневных переходов. Чтобы бежать не смогли, прогони их несколько раз по прошлогодним шишкам, дабы ноги изранили, ходить не могли.

Два долгих года жили братья среди чужих племен в тяжелой неволе. Все это время, днем и ночью, думал Боор, как из плена вырваться. Только ничего придумать не мог. Сторожили его и людей, с ним оставшихся, воины Эдиен-Каана. Не мог он с братьями свидеться, чтобы вместе что-нибудь придумать. Но не терял бодрости духа, повторял про себя: «Все сделаю, а убегу отсюда, не останусь во владениях Эдиен-Боодо, вернусь обратно в родной Алтай».

Однажды промелькнул для него луч надежды. Тайными тропами добрался до стойбища Боора человек от его брата Урата. Передал посланец Боору такие слова:

– Брат мой, научился я делать порох. Когда мешаю его с желчью сурка-тарбагана, обретает он силу невиданную. Если

зарядить этим порохом ружье, то пуля пробивает ствол дерева до самой сердцевины.

Возликовал сердцем Боор, услышав добрую весть. Велел он гонцу, не мешкая, возвращаться назад и передать брату, чтобы он немедля приехал к нему совет держать.

Урат, обманув своих стражей, которые не так строго за ним доглядывали, немедленно прискакал к Боору. Рассказал ему, как он порох делает. Стали они готовить огневой припас, порох смешивали с желчью тарбагана, лили свинцовые пули. Чуяли они, что к ним новая беда подкрадывается.

Неожиданно прибыл к ним посол Эдиен-Каана в сопровождении слуги. Велел созвать в стойбище Боора всех братьев с их людьми. Когда все братья съехались, Боор устроил пир. Приказал резать баранов и кобылиц молодых, приготовить вдоволь араки покрепче. Когда посол насытился и вдоволь араки напился, объявил он, что привез добрые вести от Эдиен-Каана. Сказал, что каан склонил свое сердце к сыновьям Солтона и решил поселить их на жительство на хорошие земли, где всего будет вдоволь и для скота, и для людей. В подтверждение своих слов посол вытащил из-за пазухи своего шелкового халата свиток, скрепленный печатью правителя. Показал его всем присутствующим, но прочитать не дал. Снова спрятал на прежнее место.

Боор не поверил послу. Сердце ему подсказывало, что посланец Эдиен-Боодо-Каана что-то скрывает. Решил Боор узнать правду. Велел принести еще араки и еды всякой, еще лучше прежней, чтобы соблазнить посланца на продолжение пира. Угощал он гостя до поздней ночи, пока тот не свалился, упившись араки.

Хотел у него грамоту каана взять, да только при нем слуга неотлучно находился. Пришлось унести гостя в отдельную юрту отдыхать.

Боор велел Урату выкрасть у посла свиток, который тот держал за пазухой. Пришел Урат в юрту, где посол отдыхал, а там слуга сидит, глаз не смыкает, караулит. Что делать?

Урат стал с ним разговоры разговаривать. Да так слугу заговорил, что тот не заметил, как ловкач Урат незаметно бумагу у посла вытащил.

Вернулся Урат к братьям и передал свиток Боору. Прочитал Боор, грамоту и увидел, что не ошибся он – обмануть их хотел коварный посол. Эдиен-Каан, оказывается, приказал своему наместнику, чтобы отправил он братьев, как опасных злоумышленников, еще дальше вглубь китайской земли, в безводную пустыню, на верную гибель,

Рассказал Боор братьям, что написано в грамоте, и стали они решать, как быть дальше.

– Нужно убить посла и его слугу, – предложил Урат, – и сделать вид, что никакого приказа мы не получали. Спрячем их тела, а наши люди нас не выдадут.

– Убить-то мы их убьем, – сказал Апчы, который храбростью не отличался, – а когда Эдиен-Каан сюда войско пришлет, что делать будем?

– Ваше слово последнее, брат, – сказал Ак-Билек, – сами решайте, что делать, как поступить.

– Да, посла нужно убрать, – решил Боор, – но затем следует, не мешкая, уходить отсюда. Пока каан догадается, что его посол пропал, мы уже далеко уйдем. Если воины Эдиен-Каана нас настигнут, сражаться будем. Нужно побольше пороха и пуль сделать, еды в дорогу запасти. Тебе незваных гостей кончать придется, Урат, сам того хотел.

Взял Урат кованое бронзовое стремя и вошел в юрту, где посол спал. Видит, слуга, наконец, тоже уснул. Подошел он к спящим и ударил одного и другого по темени, прикончил их без крика и без шума. Вернулся и сказал Урат братьям, что все выполнил. Тогда Боор приказал:

– Отберите в табунах лучших скакунов, чтобы у каждого из наших людей по две подмены было. Перевяжите им языки конским волосом и отпустите их в степь, чтобы они траву щипать не смогли, лишний жир сбросили, к долгой скачке готовы были. Режьте комолых жирных кобылиц, вяльте

мясо на солнце. Маток и жеребят не трогайте, чтобы шум не поднимать. Вокруг нас стража рыщет. Если кобылицы жеребят ржанием призывать будут или жеребята маток станут разыскивать, маньчжурские воины догадаются, что мы замышляем. Не должны они знать, что мы бежать собираемся. У посла извлеките желчь и смешайте с порохом, а тела предайте огню и пепел по ветру развейте, чтобы следов от них не осталось.

Братья так все исполнили. Когда испытали порох, смешанный с желчью посла, то пуля, из ружья посланная, пробила ствол дерева насквозь.

Прошло несколько дней. Кони, которым языки перевязали, лишний жир сбросили, животы их подтянулись, словно обручами стянутые. Боор назначил день побега.

Велели братья своим людям только самое необходимое имущество во вьюки паковать, малых детей в люльки положить и покрепче к седлам приторочить. Едва к вечеру со всем управились. Хотели переночевать и с утра в путь тронуться. Но сердце Боора беду почуяло.

– Нужно спешить, братья, – оказал Боор, – слышу конский топот, дыханье сотен всадников, чую, что каан к нам своих воинов послал. Не будем ждать до утра, сейчас же выступать нужно.

На этот раз братья не стали спорить с вещим Боором. Не стали ждать рассвета, тронулись в путь темной ночью. Поскакали они на свет Полярной звезды, в ту сторону, где владения Белого царя были. Долго мчались, нигде не останавливаясь. Наконец, достигли берега широкой реки с незаметным течением. Эта была река Комду.

Никто не знал, где брод здесь есть, где опасные водовороты, в которые всадника с лошадью затянуть может. Стали думать, как переправиться через незнакомую реку, когда в темноте уши коня не разглядишь.

– Ищи брод, Апчы, – сказал Боор.

Апчы, хотя и не очень храбрый был, но не было ему рав-

ных, если нужно в незнакомой реке брод найти, в горах проход в скалах отыскать и слух он имел отменный – мог, ухо приложив к земле, услышать дальний шум и топот. Вынул он из-под седла сухую ветку, зажег ее и бросил в воду. Посмотрел, как она плывет, как ее течение крутит. Отмечал, где водовороты на реке, где течение медленнее, где глубоко, а где мелко. Выбрал Апчы место для переправы и послал коня в воду.

Когда копыта коня ото дна оторвались, бросил поводья Апчы – добрый конь сам знает, где ему легче плыть. Другие за ним стали переправляться и то же сделали. Когда на другой берег выбрались, Боор велел пересчитать людей, все ли целы остались. Все переправились благополучно. Только у одного всадника люлька с младенцем оторвалась от седла и упала в воду.

– На такой переправе потерь не избежать, – сказал Боор, – этого младенца духи реки к себе взяли. Да будет эта жертва во благо, пусть удачу нам принесет. Искать младенца в темноте бесполезно. Едем дальше.

Не стали они на берегу задерживаться и поскакали дальше. Ехали без остановок всю ночь и половину следующего дня. Только в полдень остановились на отдых. Стреножив лошадей, пустили их пастись, сами немного поели. Боор приказал Ак-Билеку, который был искусным кузнецом, выковать восьмигранный железный прут. У Ак-Билека с собой всегда походные меха имелись и инструмент необходимый. Он быстро и так искусно отковал восьмигранный прут по просьбе брата, что все диву дались.

Боор взял прут, воткнул его в землю и наклонил в ту сторону, откуда погоню ждали. На конец прута насадил кусок сырого мяса, которое кровью истекло. С удивлением смотрели на Боора братья и ничего не понимали. Однако спрашивать и сетовать, что они зря время потеряли, никто не стал. Убедились: мудрый Боор ничего не делает без причины. Все его дела им во благо будут.

Когда Боор свое дело сделал, снова пустились в путь. Скакали без остановок, пока не достигли мест, откуда берет начало могучая река Чуй. У истоков реки увидели две лысых горы, на которых леса совсем не было. Горы эти возвышались над степью прямо друг против друга, и расстояние было между ними на полет стрелы. Хотели остановиться на отдых у подножья горы, но Боор не позволил:

– Не время коней расседлывать, не место костры разводить. Чувствую я, что погоня настигает нас. Слышу приближающийся топот копыт, ржание лошадей, тяжелое дыхание всадников. Поднимайтесь на гору, укрепляйте лагерь. Здесь придется бой принимать.

Едва успели подняться на вершину горы, стенку из валунов соорудить, как вдали, на горизонте, поднялась туча пыли. Это скакали воины, посланные на поимку беглецов маньчжурами. С глухим топотом приближались всадники, размахивая кривыми саблями. Во главе скакал заклятый враг братьев, коварный Эр-Чадак Кривоносый.

Когда Чадак увидел, что братья успели на вершине горы укрепиться, не стал он посылать своих воинов на штурм. Знал, что много крови прольется – все братья меткие стрелки и отважные воины. Решил он взять их измором, подождать, когда у осажденных еда кончится, запасы воды иссякнут. Когда же все ослабеют от голода и жажды, то можно брать их голыми руками.

Приказал Эр-Чадак своим воинам разбить лагерь на склоне другой горы, чтобы можно было за беглецами наблюдать. В степь послал дозоры, чтобы никого из беглецов не упустить, если они к ручьям за водой захотят спуститься.

Вышел на склон горы Чадак и крикнул:

– Эй, Боор, что ты мне за загадку загадал? Зачем восьмигранный прут с куском мяса в землю воткнул?

– Разве ты, сын Эзена, все забыл, чему нас в монастыре мудрые монахи учили? Неужели ничего не понял?

– Признаюсь, твою загадку не разгадал я, хотя целый день

там простоял. К чему ты все это затеял?

– Да к тому, – рассмеялся Боор, – чтобы ты день потерял, дал нам время свой лагерь укрепить. В чистом поле нам сражаться с тобой не с руки, слишком мало нас против твоего войска.

Обозлился Эр-Чадак, что Боор его так провел, а братья и все остальные еще раз подивились мудрости своего предводителя. Тогда решил Кривоносый тоже на хитрость пойти. Велел он своим воинам разжечь костры, мясо варить и людей Боора едой дразнить, холодной свежей водой приманивать.

– Не хотите ли с нами жирного мяса поесть? – кричали воины Чадака беглецам. – Не хотите ли чаю с талканом напиться?

На хитрость умный Боор ответил другой уловкой, стараясь обмануть врагов. Велел он нацедить полное ведро лошадиной мочи, а в мешок из-под талкана порох насыпать. Вышел он на склон горы и стал на виду у маньчжурских воинов мочу из ведра плескать, приговаривая, что воды у них вдоволь – не жалко на землю вылить. Потом поднял мешок с порохом и крикнул:

– Эй, вояки, когда у вас талкан закончится, приходите к нам, мы с вами поделимся!

Призадумался Чадак, когда все это увидел. Решил, что и впрямь у беглецов запасов много, придется много дней осаду держать. У его войска тоже припасы могут кончиться, как тогда назад возвращаться? Если от голода и жажды ослабеют, как с удальцами-сыновьями Солтона сражаться будут? Решил он дело побыстрее закончить, замыслив очередную хитрость.

Предложил Эр-Чадак вещему Боору выйти на поединок, один на один сразиться. Кто победит, того и верх будет. Если Чадак Боора убьет, его люди должны будут без боя покориться. Если же Боор победит, то маньчжурские воины ему дорогу откроют, без урона отпустят. Боор согласился, потому что у беглецов еды совсем не осталось, последние капли

воды допивали.

Договорились они, что завтра на рассвете каждый станет на условленном месте, на склоне горы на расстоянии выстрела. Будут пытать свое счастье, искать воинскую удачу.

У Чадака был свой замысел. Эдиен-Каан пожаловал ему железный панцирь, который ни одна пуля пробить не могла. Поэтому Кривоносый выйти на поединок не опасался. Он был уверен, что Боор про его хитрость не знает. Однако он жестоко ошибся.

Провидец Боор позвал к себе в палатку Ак-Билека, который был самым искусным стрелком, не знающим промаха. Сказал брату Боор:

– Я знаю, что Эр-Чадак выйдет на поединок в железном панцире, который ни одна пуля не возьмет. Он уверен в победе. Поэтому предложил мне первому стрелять, чтобы я не отказался от поединка. На его хитрость мы должны ответить своей. Ты умеешь самых осторожных тарбаганов скрадывать. Ночью спустишься вниз и затаишься поближе к тому месту, где Чадак будет стоять. Слушай внимательно. В грудь Чадаку, знаешь, стрелять нельзя. Будет у него только одно уязвимое место. Когда он ружье вскинет к плечу, панцирь приподнимется и пупок откроется. Ты должен туда прицелиться и не промахнуться. Нам нужно выстрелить одновременно, чтобы воины его ничего не заметили. Как только я крикну: «Эй, Чадак, держи мою пулю!», – ты сразу стреляй. Смотри, не промахнись! От этого выстрела судьба всего нашего рода будет зависеть.

Вечером Ак-Билек велел обернуть себя сухим камышом, чтобы на желтой траве незаметным оставаться. И затаился неподалеку от того места, где на восходе солнца Чадак должен был встать.

Зарядил он ружье порохом, смешанным с желчью посла. Думал: если в пупок врагу не попадет, то такая пуля и железный панцирь пробить сможет.

Наступило утро. Едва над вершинами лысых гор подня-

лось солнце, вышел из своей палатки Боор и стал на условленное место. То же и Чадак сделал. Панцирь его был скрыт под шелковым просторным китайским халатом, расшитым золотом. Позади своих предводителей, на безопасном расстоянии, усеяли склоны гор их воины.

Прицелился Боор и ждет, когда Чадак ружье вскинет. Как только Эр-Чадак приклад к плечу поднес, крикнул Боор:

– Эй, Чадак, держи мою пулю!

Два выстрела слились в один – Боора и Ак-Билека. Пошатнулся Чадак и упал навзничь, наповал сраженный пулей. Так до сих пор и неведомо: то ли Ак-Билек в пупок попал, то ли пороховой заряд, смешанный с желчью слуги Эдиен-Боодо-Каана, помог железный панцирь пробить.

В стане маньчжуров раздались крики отчаяния, когда воины увидели, что Боор сразил Чадака, который носил непробиваемый железный панцирь.

– Горе нам! Горе нам! – вопили воины. – Ждет нас казнь лютая за то, что не смогли мы славного Эр-Чадака от гибели уберечь. Не простит нам Эдиен-Каан, что у нас на глазах погиб его военачальник, которого он за доблесть Железной Грудью – Тёшу-Маатыр называл.

Крикнул Боор громовым голосом, перекрыв шум и вопли во вражеском стане:

– Слушайте, воины! Ваш предводитель, хваленый Тёшу-Маатыр, чтимый вами, сражен моей пулей! Удача нас нашла. Освобождайте нам путь, как уговорились.

Делать нечего. Свернули маньчжурские воины свои палатки, погрузили на коня тело командира и поехали назад, навстречу своей судьбе, поклявшись, если в живых останутся, никогда не ходить войной на Алтай, где такой богатырь, как Боор, живет, пули которого железный панцирь пробивают.

Сыновья Солтона тоже, не мешкая, снялись с места и отправились в путь-дорогу. Тяжел был их путь по безлюдной Чуйской степи, где не могли укрыться всадники от лютых ветров. За эти страшные дни все так ослабели от голода, что

еле ноги передвигали. Некоторые не выдержали лишений и навсегда остались в чужой земле.

Когда смерть им в глаза заглянула, приехали они к ручью, берега которого были из белой глины. Там Боор еще раз спас своих сородичей, проявив мудрость. Вычитал он в старинных книгах, что белую глину в крайних случаях есть можно. Велел он своим людям воду взмучивать и пить этот раствор, чтобы хоть немного сил обрести, дабы продолжить путь.

Послушали они доброго совета, стали воду с глиной пить, и понемногу голод их отпустил. Боор, как мог, подбадривал людей. Говорил, что чувствует скорую перемену в их судьбе. И снова сбылось предвидение Боора. Назавтра в полдень увидели беглецы вдали озерцо с изумрудными берегами. А возле воды – матерого марала-рогача. Остановились они, не веря своим глазам.

– Смотрите, люди, – сказал Боор, – это Небо посылает нам спасение. Небо дает нам знак, что судьба будет к нам благосклонна. Если убьем марала, все спасемся, У нас осталась одна пуля. Я сам пойду к озерку, а вы здесь оставайтесь.

Повалились измученные люди на землю, а Боор спешился и стал ползком подкрадываться к маралу, сливаясь с землей. Вскоре пропал Боор из виду. Долго ждали люди. Последнюю надежду на спасение потеряли. Вдруг увидели, что в воздух поднялась струйка дыма, от озера звук выстрела донесся, а марал упал как подкошенный. Откуда только силы взялись. Поспешили люди к озерку.

На зеленую траву возле воды пустили пастись лошадей, а сами к Боору бросились. Он успел освежевать марала, а из печени шашлык поджарить. Закричали все, почему так мало еды приготовил. Самые нетерпеливые ножи вытащили, хотели марала пластать, чтобы мясо на углях жарить, но мудрый Боор им не позволил:

– Вы долго голодали и желудки ваши ссохлись как крепко сжатый кулак. Если сейчас много мяса съедите, никого в живых не останется.

После этих слов опомнились люди, успокоились. Боор разрезал печень марала на кусочки величиной с ноготь и всем раздал. Следил, чтобы не глотали печень, а сосали, как младенец соску, тогда все обойдется.

Несколько дней отдыхали люди и кони возле озерка, где марала встретили, сил набирались. Потом, сытые и повеселевшие, дальше в путь двинулись. Вскоре показались сверкающие ослепительным блеском в лучах солнца снежные вершины священных гор. Коснувшись подножья Катунских Столбов (горы Белухи) копытами своих коней, сыновья Солтона миновали Оймонскую долину, перевалили через Теректинский хребет и попали в долину реки Урсул. Росли здесь густые травы, текли прозрачные ручьи и речки полные рыбы, в лесах было множество зверя и птицы. Многие захотели в этом месте обосноваться. Пришли к Боору и спросили – так ли они думают, правильно ли это будет? Отвечал им мудрый Боор:

– Хороша здесь земля, однако спешить не будем. Вспомните, как в этих местах мы хотели свои стойбища ставить, сколько раз враги нам неисчислимые беды приносили? Остановимся здесь и будем ждать знамения. Небеса подадут нам знак: здесь ли оставаться или в другое место идти. – А какой знак – не сказал. Известил лишь всех, чтобы замечали они необычное и об этом ему рассказывали.

Провели они на берегу Урсула много времени. Кони их стали гладкими, люди тоже поправились, повеселели. Но не было у них настоящей радости – не знали, где придется им обосноваться, чтобы жить-поживать, своих детей растить, близких земле предавать.

Однажды пришел к Боору пастух и сказал, что первый раз видит, чтобы буланая кобылица принесла сразу двух жеребят. От других он слышал: такое случается очень редко. Похвалил его Боор за эту весть и объяснил всем, что это и есть знамение. Собрались люди посмотреть на кобылицу с жеребятами. И вправду жеребята уродились необыкновен-

ными. Всего несколько дней им от роду было, а они уже через спину матери перескакивали.

Сказал Боор, что это и есть то знамение, которого он ждал. Опять не поняли люди глубин мудрости Боора. Не понимали, как буланая кобылица или жеребята-двойняшки могут помочь им определиться на жительство. Объявил им тогда мудрый Боор:

– Загоните кобылицу и жеребят в реку Урсул и отпустите, не мешайте им. К какому берегу поплывут, туда и нам идти, на жительство становиться.

Так и сделали. Завели кобылицу в воду, чтобы ее копыта дна не чувствовали и отпустили. Буланая кобылица сразу поплыла к дальнему берегу, невзирая на сильное течение и холодную воду. На ближний берег даже не оглянулась. За нею жеребята последовали. Вылезла кобылица с жеребятами на берег, фыркнула несколько раз, звонко заржала, встряхнув гривой, и стала щипать луговые травы. Тогда все люди за ними последовали.

Вместе с сыновьями Солтона из маньчжурского плена бежали не только сородичи – кара-найманы, но также мандитодоши, тёёлёсы, иркиты, соёны и другие. Когда все переправились в Каракольскую долину, собрал людей мудрый Боор и сказал им:

– Нам послан знак свыше, что отныне мы должны в этих местах жить, как один народ-юрт. Поэтому должны мы забыть прежние распри, если они были, не омрачать этих благословенных мест враждой и раздорами. Всем вместе предстоит защищать нашу новую землю-родину от захватчиков, если они осмелятся сюда придти.

Обрадовались люди, что пришел конец их скитаниям. Хотели было жилища ставить, обустраиваться, но опять мудрый Боор остановил их:

– Мы нашли место, которое нам нравится. Но чую, что враги нам спокойно жить не дадут. Алчные маньчжуры и сюда доберутся. Нам нужно переходить под руку Белого

царя, чтобы воцарились в этих местах мир и спокойствие. Собирайтесь все и поедем в Аба-Туринский острог, где будем шертовать – клятву на подданство принесем. Русский царь нас рабами не сделает, как маньчжуры и казахи грабить не будет. Будем жить под его рукой в мире и согласии.

Через некоторое время со всеми чадами и домочадцами приехали они в Аба-Туринский острог, на месте которого ныне город Новокузнецк стоит. Здесь Боор опять свою мудрость показал. Когда сыновья Солтона пришли к воеводе Аба-Туринскому, тот спросил:

– Чего так запоздались, только что пришли? Все люди, которые хотели к Белому царю в подданство перейти, уже давно шерть испили. Живут в пределах, нами оговоренных. А как с вами быть, я не знаю.

– Мы бедные люди, – отвечал Боор, – нас всего сорок две семьи. На всех одна корова и один топор. Издалека мы шли. Разве можно было идти с малыми детишками на руках, когда по пути пропитание добывать приходилось? Хотим мы губернатора видеть, который в Томске сидит, на подданство присягнуть.

Мудрый Боор заранее велел укрыть лошадей, чтобы перед воеводой оправдаться и не выдать, что они в плену у маньчжуров побывали. Предвидел он, что русские власти могли их не принять, если бы узнали, что они в плену были, от Эдиен-Боодо-Каана убежали. Ссориться с Эдиен-Кааном из-за беглецов русские власти не стали бы.

Подумал воевода и согласился с Боором. Послал гонца в Томск, откуда через несколько дней губернатор со своей свитой пожаловал. Призвал Боора с братьями и спросил:

– Где ты со своими людьми жить будешь? На каких землях охотиться? Нужно обозначать пределы ваших земель, чтобы вы с соседями не ссорились, распрей – драк между вами не было.

– Жить мы хотим, если позволите, – отвечал Боор, – отсюда, от границ черневых лесов, до истоков Катуни. Охотиться

будем в горах и лесах, что протянулись до Аракана, который со склонов Катунских Столбов по ту сторону течет.

– Быть по сему, – ответил губернатор, – мы согласны. Об этом решении оповестим китайского Эдиен-Боодо-Каана, а также казахских и халха-монгольских владетелей. Предупредим их, чтобы они границ ваших земель не переступали и никакого беспокойства вам не чинили. Если же они зло умыслят, то у Белого царя вы защиту найдете. Живите отныне с миром. Сегодня вы должны будете шерть испить на верность Русскому царю.

К вечеру выстроился на площади Аба-Туринского острога отряд казаков при оружии. Сюда же губернатор с воеводой и другими начальниками пожаловал. Первыми приняли присягу на верность сыновья Солтона. Вышел вперед Боор и, принося слова присяги, поцеловал свой Судур-Бичик, а затем ствол верного ружья. За ним остальные последовали. У кого ружье было, тот ствол целовал. У кого ружья не было, тот к клинку сабли прикладывался. А смысл этого целования был таков: люди клялись, что никогда на русских ружье свое не направят, никогда саблей не замахнутся.

Когда все присягнули, сказал губернатор на прощание:

– Живите, где сказано. Эти земли отдаем вам на веки вечные, и да будет мир с вами!

С тем он уехал назад, в Томск, а люди Боора еще некоторое время неподалеку от Аба-Туринского острога жили на Чумыш-Байатской земле. Воевода им припасов дал, чтобы они подкормились. По весне Боор с братьями стали кочевать на юг в сторону Кан-Каракольской, облюбованной ими Урсульской землицы. Когда, переправившись через реку Бий, вошли они в пределы отведенных им земель и постепенно через Катунскую долину достигли реки Урсул, стали братья совет держать, кому где поселиться.

Боор, как старший в роду, обосновался в центре Каракольской долины. Дальше, вниз по течению, разбил свое стойбище Ак-Билек. Апчы выбрал место в долине широкой,

на берегу реки Урсул. Очень ему красота тех мест приглянулась. Решили братья поближе друг к другу держаться, чтобы можно было помочь, если нужда пристанет. Только своевольный Урат по-своему решил.

Когда из плена бежали, этот удалец, оказывается, успел присмотреть себе красивую девушку в Оймонской долине. Сказал он братьям:

– Не смогу я на одном месте жить, в Каракольской долине простора нет. Поеду в Оймон, на границу, где меня невеста ждет.

Нравом своим Урат совсем не был похож на остальных братьев. Очень легкий у него характер был. Прихвастнуть любил. Как говорят, никогда охулки на руку не положит. Да еще наряжаться он любил. Одежда его ото всех отличалась. На стремена он подвесил звонкоголосые бубенчики – шикширге с яркими шелковыми кисточками на концах. Такие же бубенчики и кисточки на пояс себе нашил. В седле ли он ехал, пешком ли шел, вокруг малиновый звон раздавался. Услышав его, говорили люди:

– Вот и Шикширге-лю красавец Урат к нам пожаловал.

При всем том был он храбр и верен своему слову.

Стали братья на новых местах обживаться. Пришла пора семьями обзаводиться. Первым должен был зажечь свой очаг Боор. Узнал он, что в Бешской долине живет знатный человек из рода тодош. Звали его Чой-Намкай. Решил он к его дочери свататься. Правда, говорили люди, что девушка была с изъяном – немного не в своем уме, хотя и красавица писаная.

Когда Боор приехал в стойбище Чой-Намкая и объявил о своем намерении, отец девушки удивился и сердито спросил:

– Не поиздеваться ли ты над старым человеком приехал? Разве ты не знаешь, удалой молодец, что моя несчастная дочь с изъяном? Неужели ты не мог найти себе другую невесту?

– Не сердитесь, уважаемый отец, не смеяться я над вашей бедой приехал, а с добром. Давным-давно, когда я учился в

тибетском монастыре, один гадальщик предсказал мне, что я стану мужем вашей дочери, буду с нею детей растить. Прошу, не препятствуйте, против судьбы не идите, дайте согласие на свадьбу вашей славной дочери!

Однако не мог поверить старый Чой-Намкай, что такой славный человек из крепкого рода-племени кара-найманов действительно хочет взять в жены его дочь. Решил он испытать Боора. Сказал:

– Если хочешь стать моим зятем, вот тебе ствол ружья, сделай к нему приклад. Старый давно сломался, а ружье это доброе.

Сам же думает: «Посмотрю, какой приклад Боор сделает. Если простой да незатейливый, как для обычного ружья, значит, нет у него серьезных намерений. Если постарается и искусный приклад сделает, отдам за него дочь».

Вернулся Боор домой и сразу пошел на охоту. Целый месяц он по тайге ходил, высматривал марала с самыми развесистыми рогами. Выследил, наконец, красавца-рогача. Дивились люди на красоту маральих рогов, которые Боор добыл, никогда таких ветвистых не видели.

Нашел Боор кусок сухого кедра. Сел в юрте и стал из душистой древесины ухватистый приклад вырезать. Получился у него такой приклад, что словно сам в руку ложился. Стал Боор маральи рога резать и обтачивать. Из кусков выложил на ложе приклада чудесные узоры. Когда прикрепил ствол к прикладу, получилось такое ружье, краше которого ни у кого на всем Алтае не было.

Поехал Боор к Чой-Намкаю и почтительно вручил ружье будущему тестю. Очень понравилось старику рукоделие Боора. Убедился он, что у молодца помыслы чистые, намерения серьезные. Не стал больше препятствовать свадьбе.

Зажили молодые в Каракольской долине, своих коней к одной коновязи привязывали, у одного очага время коротали. Родила Боору жена двух сыновей. Старшего назвали Конко, а младшего Чокон.

Когда люди обжились на новом месте, умножились их стада, дети, что с ними пришли, выросли и другие народились, заметил Боор: уж очень часто они старую землю-родину вспоминают, Решил он, что пришла пора новую Родину освятить.

В месяц большого молока, когда запестрели яркие цветы на лугах, а деревья в лесу оделись в зеленый наряд, когда птицы строили гнезда, песнями заливались, когда кукушка в первый раз прокуковала, оповещая всех, что после суровой зимы пришла весна и наступают дни благодатные, собрал Боор весь народ. Привел людей на вершину Куу-Туу. Налил до краев в большую пиалу кобыльего молока. Опустил ложку в молоко и брызнул белыми каплями на восток, потом на юг, на запад, и на север. Еще раз брызнул, принеся жертву Солнцу и Луне, духам земли и вод Алтая.

Затем сказал Боор такие слова:

– О шестиглавый Албаган! О двенадцатиглавый Олбуган! О двенадцать Белых Скал, вздымающихся к небу сияющими вершинами у Истоков Черного Иртыша! О Земля, откуда все мы вышли и где начало наше лежит! Не суждено нам к вам вернуться. Этим молением мы с вами прощаемся. Отныне наша Родина будет здесь! На эту землю призываем мы ваше благословение и все доброе, что осталось на старой Родине. Взрастет наш народ сильным и славным. Наш отец, Солтон, не дожил до этих дней. Принял он мученическую смерть от врагов наших у Короты. Отныне зовите долину, где он свою смерть встретил, Местом Великой Утраты – Короты. Ту гору, где мы с Эр-Чадаком сражались, откуда спаслись, в полон не попав, отныне называйте не Дай-Дере с четырьмя выходами, а Вечной Гривой, ибо ледник, с нее спускающийся, похож на гриву скакуна. Поклоняйтесь вы и завещайте детям вашим почитать Вечную Гриву – она священна. Вечная Грива дала нам приют и спасла род наш от гибели. Пока будут сверкать на ее вершине ледники, дотоле народ наш будет жить в мире и благоденствии.

Сказав это, бросил вещий Боор опустошенную пиалу в сторону старой Родины. Кинулись парни искать ее в густой траве, чтобы посмотреть, как пиала упала. Если пиала на донышко стала – это добрый знак. Если опрокинулась – худо будет. Сколько ни искали – найти не могли. Смотрел мудрый Боор на бегущих людей и улыбался. Потом сказал:

– Чего вы ищете? Нет здесь пиалы. Улетела она в те края, откуда мы пришли, и там встала на донышко, опять белым молоком полна.

Быстро пролетали годы. Незаметно подкралась старость к Боору. Предчувствуя свою кончину, пошел он весной в березовую рощу и нарубил множество брызжущих сладким соком белокорых стволов. Положил их сушиться в определенном месте. Людям завещал, чтобы его не зарывали в сырую землю, а после смерти тело предали огню. Велел собрать пепел, что от него останется, отнести на вершину горы Кодёгор и схоронить в пещере. Вскоре Боор умер.

Когда пламя погребального костра угасло, пришли люди в изумление: собирая пепел, нашли они не тронутый огнем эргек – большой палец правой руки почившего и бурый камень, в который его печень превратилась. И вновь убедились родичи и все люди, что Боор, как и его отец Солтон, был не простым человеком. Вспомнили, что своими мудрыми поступками он неоднократно это при жизни подтверждал.

Боор оставил много древних книг–судуров, которые он в трудные минуты перелистывал, когда нужно было будущее открыть и принять решение. Боор повелел эти книги вместе с его пеплом на горе схоронить, ибо, сказал он:

– После меня некому их читать будет. Только через семь-девять поколений, не раньше, может, появится из лона нашего рода мальчик, равный мне по уму и духовному озарению, чистый своими помыслами.

Схоронили люди книги Боора, чтобы недобрый человек силою знания, в них заключенного, во вред людям воспользоваться не смог.

Когда пепел Боора отнесли в ларце, окованном золотыми пластинами в пещеру, то объявили гору Кодёгор заповедной. Отныне ни одна женщина не могла ступать на склоны этой горы. Если стада овец туда заходили, то только мужчины их могли назад вернуть, а женщины-чабаны должны были ждать, пока овцы сами назад не спустятся. Чтобы не беспокоить дух мудрого Боора в месте его вечного успокоения, никто не смел после захода солнца дрова здесь рубить, поднимать шум или громко разговаривать.

После похорон Боора стали люди свидетелями чуда: в небольшой ложбинке на вершине крутого холма, где его тело огню предали, на месте кострища поднялась березовая роща, словно поленья, которые легли на костер, обрели здесь новую жизнь. С тех пор кара-найманы среди всех деревьев особо почитают березу. Никто не может просто так ни срубить ее, ни забавы ради веточку с дерева обломать.

Помнят люди до наших дней еще один завет Боора, который велел новую Родину оберегать, урона ей не наносить. Чтобы чистые источники не осквернять, запретил в их водах посуду мыть и одежду стирать. С тех пор вся Каракольская долина заповедной стала. Звери и птицы себя здесь вольготно чувствовали. Особенно почитали благородных маралов и выдр, охотиться на которых в этих лесах под горой Юч-Сумер никому не разрешалось. По завету Боора не допускали в долину также шаманов, которые имеют дело со злыми черными духами.

До сих пор особым почетом пользуются у найманов черные лохматые собаки, имеющие желтые пятнышки над глазами. Помнили они слова Боора, что в одну из них может его душа после смерти переселиться и прийти к ним в образе собаки. К другим собакам кара-найманы тоже относятся с любовью: не бьют их, не ругают, если какая в аил войдет, то пинками не гонят.

Предсказаниями своими приоткрыл провидец Боор сородичам завесу над будущим. Многие из них были не поня-

ты современниками и преданы забвению. Лишь малая часть провидческих изречений Боора, передаваясь из уст в уста, дошла до наших дней. Долгими зимними вечерами, размышляя о грядущей судьбе своего народа, старец Боор говорил:

– Одну шестую часть света занимает страна Темир-Чаган-Каана – Русского царя. В стороне заката находится земля Йопыроп – Европа. Русский царь – Ак-Каан носит титул Великого князя – Улу-Бия, помыслы его чисты, как белое молоко. Увы, век Железного Белого Царя недолог. Пройдет несколько поколений, и его низвергнут с высокого трона. Тогда появится Кызыл-Черик – Красное Войско. Воины его наденут шапки, сияющие светом пятилучевой звезды. После этого на одной шестой части света, в землях Темир-Чаган-Каана разразится большая и страшная война. Превеликое множество народу будет истреблено. В те времена вы будете тяжко страдать от голода и жажды. Смертные души свои вы сохраните только за счет пищи по прозванию «боодын мандик» (картофеля).

Эдиен-Каан – разрушитель! В земли Китая, Монголии, дети мои, на жительство никогда не переселяйтесь. Ни в коем случае нельзя этого делать. Запрещено! Там живет очень многочисленный народ, подобный полноводной реке Талай. Перестанет этот народ помещаться в своем Алтае, через свой порог перельется, вас с лица земли сотрет и не заметит. Оттого-то вы от этого народа поселяйтесь в отдалении и держитесь осмотрительно.

По дну небесного океана будет летать Темир Куш – Железная птица, и это вы своими глазами увидите. Посреди обычного селения будет бегать Темир Айгыр – Железный жеребец, и это вы сами увидите. В Петербург доберетесь за время (от утренней до вечерней) дойки кобылиц, в Москву доберетесь за время (от утренней до вечерней) дойки коров. По проволоке, подобной конскому волосу, будете меж собой разговаривать. И это все вы увидите собственными глазами.

И после наступит Бооро Тююки – Смутный век. Настанет срок прежнему веку завершиться. В страшной войне вся

поверхность земли сгорит дотла. А после снова на поверхности земли все живые существа произрастут и возродятся. Под высокими горами близко не живите. В ту пору земля затрясется, гора перевернется, изменится. К берегам большой реки близко не живите. В ту пору река расплескается, выйдет из берегов, свое течение изменит.

Будет разгул стихий: холод, буйный ветер, вихрь и ураган нагрянет. Народ деградирует, поколения смешаются, дети начнут рано развиваться, зато у взрослых ум будет, как у детей. После появится конь с хвостом, как у комара. Коли сядешь на него, на месте не усидишь. Появится народ с повадками, как у мошкары, слабый умом, мелочный в делах.

Ездить будете на коне размером с костяную бабку. Ростом станете размером с карыш – пядь. И ума доброго у вас не будет. В одно время мой народ будет туго жить, как под спудом. Но минет несколько поколений, и наступит время опять проснуться. Появится мудрый муж – баатыр, вновь станет вас уму-разуму учить.

В отверстие иголки на солнце будете смотреть. Из собачьей чашки будете есть. Кто пса подложит вместо подушки, спокойно не улежит. Кто поселится под рукой Ак-Каана, покоя знать не будет. Установится такая власть, которая будет и утром, и вечером вас самих, беловерцев, и ваш белый скот, как свои пять пальцев, пересчитывать.

Из произведенных Русским царем семнадцати видов пищи будет один под названием «картоп» (картофель). Станете готовить его, кушать да нахваливать: «Какая хорошая, добрая еда!» Среди сорока видов домашнего скота появится у вас скот по названию «какай» (свинья). Станете растить его да нахваливать: «Какая хорошая, добрая скотина!» В широких вьюках новый товар привезут. Сорока двух видов черный баткыр-чай привезут. Станете его разыскивать, покупать и пить. Желтый ячмень с круглою головкой появится. Станете его пить, но вкуса у него не будет. Между аилами вашими побежит неживой синий бык. По глади синего моря поплы-

вет неживой синий бык. Много тысяч товаров на этих быков нагрузят и станут туда-сюда перевозить.

По конскому волосу будете между собой беседовать, разговаривать. В Петербург домчитесь за время дойки кобылиц. В Москву долетите за время дойки коров. На расстояние дня пути туда-сюда ездить станете, и спозаранку назад возвращаться будете.

Станет народ многочисленным, подобно праху земному. Станете бродить туда-сюда, как бестолковые козы. Тени ваши будут длиннее вас самих. Бесов ваших будет больше, чем вас самих. А править народом будет человек с пятилучевой звездой во лбу. Шесть стихий, шесть айгулов придет в движение в смутный век Боро Тююки: вода, огонь, ветер, мороз, земля и человек. Все стихии придут в неистовство. Так настанет последний срок – Боро Тююки. Но после того, как случится все это, повторной беды уже не ждите. После завершения смутного времени вы успокоитесь и пребудете в мире.

При слиянии Бия и Катуни произойдет большая битва. Грохот оружия будет настолько силен, что вам, живущим в Каракольской долине, он покажется треском огня за стеною жилища. В то же время ваши голоса покажутся вам настолько тихими, что едва сможете расслышать, окликая друг друга. Бий-Катунь (Обь) потечет тремя потоками: два потока с водой, а третий с кровью. Тончайшей резьбой изукрашенные кремневые ружья, из которых стреляют, прицеливаясь, на поле боя во множестве вы оставите. Рукоятки сабель и копий будут валяться повсюду, как дрова, что и за два года не истопить. После этой битвы война закончится. И народ снова восстановится, возродится. Многие предвидения уже сбылись, другие еще ждут своего часа.

Пока рассказывал все это Боор, неподалеку сидел один его внучатый племянник, человек небольшого ума. Подражая своему мудрому дяде, племянничек делал вид, будто бы он человек знающий, хотя и грамоте обучен не был, и священные судуры читать не мог. Это племянничек шнырял

туда-сюда между юртами, смущая умы молодежи. А сам около дядюшки все время вьюном вился, прямо в рот ему смотрел, а особенно, прислушивался к тому, что тот говорит, открывая священные книги, и всюду встревал, мешался. Уж такой был человек! Так вот, слушая пророчества, да не дослушав Боора до конца, племянник как-то раз брякнул:

– Ну, зачем же нести такую чушь!

Печально глянул на него Боор и, как бы жалея его, сказал:

– Вот, горе-то! Какой мелкий народец народился! Не думал я, не гадал, что доживу и увижу таких людей своими глазами. А мне–то казалось, что такие тёмные и круглые дураки народятся в куда более отдаленные времена. Оказывается, время пустоголовых глупцов уже пришло!

И после этого в присутствии посторонних Боор прекратил вести пророческие речи, и всегда замолкал, если в аил входили гости.

В час, каждому предопределенный, ушли из этой жизни братья Боора, сыновья Солтона. Ак-Билека схоронили в Сетерлю, где его могила до сих пор сохранилась. Апчы лежит на высоком холме, который с тех пор называют Апчы-Боом, что в кеньгинском Талду. Урат, отделившийся от братьев, почил в Кастакту в Оймонской долине. Все оймонские и яламанские кара-найманы ведут свой род от него.

Шли годы, и многочисленные потомки сыновей Солтона составили новый народ, целый аймак людей. Свой край, где живут, называют Алтайским улусом. Выносливы и жизнестойки эти люди, характер у них открытый и доброжелательный, потому что кара– найманы, как раньше было сказано, соединились здесь на новом месте с другими сёёками-родами и вобрали в себя лучшие черты каждого. Называют же все они себя алтай-киши – алтайские люди, чтобы никому не было обидно, что одно племя себя выше других захотело поставить, потому что все мы – дети одного Алтая» (17, С. 66-92).

Словарь терминов и понятий

1. Jайык (Дьайык) – 1) дух покровитель семьи; 2) дух-посредник. Священный предмет понимается как идол, божок, создатель, прародитель, предок, покровительствующий семье. В шаманизме среди всех духов-посредников, первое место занимал Jайык. Он дух небожитель и часть высших духов (т□с). Отмечается, что он живет на земле среди людей и послан с целью охранять человека от всего худого и злого и давать всему жизнь. <…> Одно из почитаемых духов-божеств среднего мира у шаманистов-алтайцев. Еще известен как дух-посредник между человеком и божествами. В бурханизме выполнял те же самые функции, но постепенно трансформировался в божество плодородия и созидания. Первоначально, по внешней форме обозначал шкурку белого зайца, к ушам, к хвосту и к передним ногам, которого были пришиты ритуальные ленты – jалама белого и красного цветов. В прошлом, в развёрнутом виде хранился в мешочке из войлока, который висел напротив двери на конической верхней части айыла. Почитался приверженцами шаманизма в качестве охранителя семьи, в честь которого кропили аракы (молочный слабоалкогольный напиток, не превышающий 10º), чай, молоко и произносили благопожелания. Jайык в бурханизме – «это подвешенные на веревке длинные ленты, называемые кыйра или байры, чаще просто Ак-jайык или Сары-jайык (белый jайык, желтый jайык). Характер и количество Jайык варьировалось в больших пределах, в зависимости от состояния и понимания «святости» этих лент. Ленты – узкие, длинные до 120 см перемежаются с широкими лентами белого и голубого цветов, а также с кусками квадратной белой ткани – байры, подвешиваемые в виде ромбов за угол, привязывались к волосяной веревке несколькими способами – простым узлом; белыми или красными, иногда золотыми шелковыми нитками, или же продевались сквозь веревку (2).
2. Jер-суу (Дьер-Суу) (букв. земля вода) – в религиозной системе алтайского шаманизма комплекс Jер-суу занимал значительное место и объединял совокупность духов земли и воды (2).
3. АЙЛУ-КЎНДЎ КУДАЙ – обращение к божеству небесного и среднего мира (2).

4. Айна – «вредоносный дух. По представлениям кумандинцев айна или вредоносные духи (кöрмöстöр) являлись свитой или охраной Эрлика» (2).
5. Айыл – «1) поселение; 2) дом, жилище, юрта. многоугольный сруб с куполообразной крышей из лиственничной коры. В представлении алтайцев любое поселение, независимо от размера, называлось айыл и включало в себя такие понятия, как отдельная семья, жилище, род, группа хозяйств на одном месте. Название айыл получал от имени старшего мужчины в роду, например: айыл Санабая. С конца 80-х – начала 90-х гг. XX века термином «айыл» помимо семьи начали обозначать преимущественно традиционный тип жилища» (2).
6. Ак-боко – белый богатырь.
7. Ак-Чачак – белая кисточка.
8. Албыс/Кор – дух болезни. Согласно мифологии, это название одного из злых духов тяжелой болезни, который обладал способностью поедать душу человека. Когда человек болел, говорили, что его «ест» вредоносный дух, в случае же если человек умирал от продолжительной болезни, то могли сказать, что его «съел» вредоносный дух (2).
9. Алдаачы – посланник смерти. Дух, уводящий души живых людей, которые впоследствии умирают. Считается, что этот дух обитает там, где умер человек. Может показаться в виде огня, который залетает через дымоход в жилища людей (2).
10. Алмусы – 1) вредоносные духи; 2) оборотни; 3) духи-покровители некоторых алтайских шаманов. Персонаж алмус / албын / албасты / алмаз имеет аналоги во многих фольклорных традициях. Основные сюжеты повествуют о похищении им детей и избавлении от вредоносного существа (2).
11. АЛТЫГЫ ОРООНЛО ТАРТЫШКАНЫ КЕРЕГИНДЕ КАЙ ЧÖРЧÖКТÖР – «богатыри и герои (букв. сказания о борьбе богатырей с обитателями нижнего мира, с демонами и другими нечеловеческими существами» (2).
12. Алып – силач, богатырь.

13. Анохин Андрей Викторович (1869–1931) — российский и советский учёный-этнограф, композитор, основоположник профессиональной музыки алтайцев, просветитель.
14. Баатыр – богатырь.
15. Бай-Улген – «божество в пантеоне алтайского шаманизма, творец и владыка небесного и земного мироздания. Согласно шаманским текстам, у него имеется семь сыновей, каждый из которых является покровителем того или иного алтайского рода сеок» (2).
16. Боко – богатырь, силач.
17. Вербицкий Василий Иванович – протоиерей, миссионер Алтайской духовной миссии, этнограф и лингвист, изучавший народы Алтая, Горной Шории и Хакасии.
18. Гурум амин золиг – «буквально «выкуп души». Магический обряд шаманистского происхождения, суть которого заключается в изготовлении куклы-двойника больного человека. На куклу магически переносили все болезни человека. Затем вызывались духи (слуги Эрлика), которых «угощали» и «передавали» им затем в качестве выкупа «двойника» больного» (2).
19. Демичи – знатные помощники зайсана, несущие административные и судебные функции. Обычно число демичей определялось числом родов, «сеоков», входящих в зайсанство.
20. Дьайык – дух-посредник между Ульгенем и человеком. Живёт на третьем небе. Ведает урожаем и приплодом скота.
21. Зайсан – наследственный титул владетеля аймака (административно-территориальная единица соответствующая одному роду). Титул зайсанга существовал в 17-20 веках.
22. Кӧрмӧс – вредоносный дух болезни.
23. Каан – хан.
24. Казан – котёл. «Литая металлическая емкость, предназначавшаяся для приготовления пищи на огне. Округлая форма казана способствовала нагреванию всей поверхности емкости на очаге, поэтому в казане пища быстро и равномерно нагревалась» (2).

25. Казанчи – повар.
26. Кайракан – главный среди богов среднего мира, прародитель рода человеческого.
27. Кайракан – особо почтительное обращение к богам у алтайцев.
28. Кайчы – «сказитель, исполнитель эпических произведений кай чӧрчӧк. Сказитель – исторически сложившийся тип народного певца. В обществе кайчы занимал почетное место, имел высокий социальный статус, относился к числу уважаемых людей (тоомјылу улус, элдиҥ элчизи). Сюжеты эпосов и мастерство исполнения горлового пения передавались от старшего поколения к младшему. Сказительское искусство требовало специального и длительного (как правило, с детских лет) обучения и опиралось на исключительную память, способность органического вхождения в «эпический мир», специфический исполнительский дар и способность к импровизации. Особо одаренные сказители назывались ээлӱ кайчы, (букв. обладающий духом-хозяином пения). Помимо сказительского искусства они могли предсказать будущие события, лечить людей. Сакрализованный текст сказаний «контролируется» со стороны духов, сказитель на всякий случай оговаривается, что он передал только рассказанное другими; и обязательно предваряет исполнение сказания ритуалом благословения своего музыкального инструмента – топшуура, тем самым устанавливая своеобразный контакт с духами гор Алтая» (2).
29. Кара – «это вредоносные духи, которые могут встретиться человеку поздно ночью. Кара может напасть на человека во сне. В этот момент вредоносный дух может душить человека, парализуя его. В подсознании человек понимает, что он под властью вредоносных духов, но никак не может проснуться. Считается, что в такой момент нужно быстро разбудить человека и омыть лицо водой три раза или очистить его и дом дымом можжевельника» (2).
30. Кара-боко – чёрный богатырь, отец Ак-Боко.
31. Карлагаш – ласточка.

32. Калак – выражение просьбы, отчаяния, ужаса, горя, сожаления, испуга, досады.
33. Келегей – помощник Ульгеня, живёт на шестом небе. Умеет видеть прошлое.
34. КЕП-КУУЧЫНДАР – «устные рассказы алтайцев несказочного характера. В алтайском фольклоре термин кеп куучындар объединяет произведения мифологической и исторической прозы. Они отражают архаические мифологические и религиозные представления алтайцев об окружающем мире, природной и социальной действительности, повествуют о событиях, происходивших в давнем мифическом (мифы, легенды) или недавнем историческом (предания) времени. Кеп-куучындар алтайцев разнообразны по тематике: о сотворении земли и человека, звёздах, луне, солнце, потопе, последнем веке, животных, значимых предметах, духах-хозяевах гор и рек, духах Нижнего мира, топонимах, родах, шаманах, истории» (2).
35. Комус – древний металлический музыкальный инструмент, на котором играют, прижимая к зубам. Относится к группе самозвучащих язычковых. У белгородских русских – варган.
36. Корычыл – защитник. «Алтайцы отмечают, что это божество защищает, ставит преграды на пути вредоносных духов. Увидев вредоносного духа в айыле, он хватал его и бросал в кипящий казан» (2).
37. Кудай – верховный бог в тюркской мифологии.
38. Кузунгу – погремки на бубне.
39. Кулакчин – правдивое ухо.
40. Куралдай – помощник Ульгеня, живёт на седьмом небе. Покровительствует шаманам.
41. Курмосы – духи, населяющие воздух, которых шаманы призывают к себе на помощь.
42. Курут – соленый овечий подсушенный сыр, сделанный из осадков после курения вина из молока, и высушенный на подмостках над костром.
43. Мангдышире – «богатырь Ульгеня. Был создан Ульгенем для борьбы с Эрликом из чугуна с серебром. Поэтому он крепче

камня. Сбросил Эрлика с небес на землю. По верованиям алтайцев сама земля покоится на трех рыбах. Две рыбы поставлены по краям, а одна в середине, под землей, обращенная к северу. Когда она склоняет голову вниз, то тогда на севере делаются топи, если же она сильно склонит голову, то утопит всю землю. Под жабрами ее захвачен крюк с арканом, конец которого протянут к небу и там завит на трех столбах так, чтобы можно было, пропуская его с одного на другой столб, подтягивать вверх или опускать вниз голову рыбы. Этим процессом управляет Мангдышире. Когда он спустит конец аркана с одного столба, то земля склоняется к северу – и делаются топи, а если бы припустил его со второго, то вся земля утонула бы, как это было при всемирном потопе» (2).

44. Маньяк – тип ритуальной одежды и предмет культа.
45. ОЗОГЫ КУУЧЫНДАР – (букв. ранние рассказы) – «рассказы о событиях, происходивших в давно прошедшие времена. Термин «озогы куучындар» можно соотнести с инициальной формулой эпических сказаний «…озо, озо чактарда / отурган улус јок тушта…» '…в давние, давние времена / когда сидящих здесь людей не было…', т.е. сказитель апеллирует к устной истории, в которой сохранен рассказ о каком-то значительном событии для истории народа. В рассказе могут содержаться мифологические представления, персонажи и т. д., т.к. в древности миф был своего рода средством, кодом передачи информации. Вместе с тем, историческая, этнографическая действительность всегда служила истоком передаваемого рассказа и, соответственно, художественного сюжета (2).
46. Орго – дворец.
47. Оттың ээзи (букв. хозяйка очага) – «дух-хозяйка огня домашнего очага, представляется обычно в образе женщины – Мать-Огонь (От-Эне). Оттың ээзи символизирует хранительницу семейного и родового счастья, касающихся семейных отношений, состояния здоровья членов семьи и их благосостоянии» (2).
48. От-Эне – (букв. мать-огонь) – «хозяйка духа огня. В алтайской культуре один из древнейших культов. Мать-огонь была покро-

вительницей камов и всегда оказывала им помощь…Однако мать-огонь могла иногда оказывать и карающие действия за непочтение к ней, пренебрежение и особенно осквернение»(2).

49. Погдо-Сонко – повелитель молний.
50. Саадак – в алтайских сказаниях сложносоставной лук тюркомонгольского типа, состоящий из деревянных деталей – кибити, роговых пластин, костяных накладок с вырезом под тетиву, тетивы из сухожилий животных, дополненный колчаном для хранения лука и стрел. В русских источниках саадак или сайдак – это футляр для хранения лука.
51. Сагала́ев Андре́й Ма́ркович – российский учёный-обществовед, философ, этнограф, антрополог, общественный деятель. Доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета.
52. Сакральное – это всё, что имеет отношение к божественному, религиозному, небесному, потустороннему, иррациональному, мистическому. Это то, что отличается от обыденных вещей, понятий, явлений.
53. Сартакпай – «1) персонаж фольклора; 2) культурный предок. Имя героя варьируется в разных записях: Сартактай, Сартакпай, Сардакпай (от сарадак – «однолетний марал, маралёнок». до слова «сарт» – земледелец). Сартакпай жил на берегу Катуни, возле Еланды [Потанин]. Сартакпай выступает строителем мостов и оросительных каналов. Он начертал письмена, рисунки на скалах, устраивал праздники, установил, запреты, препятствующие культурной деятельности (например, духовная и телесная чистота) [Никифоров]. Сартакпай умер на монгольской земле (превратился в камень) [Потанин], ушел в землю Коту, где и умер» (2).
54. Судур-Бичик – священная книга. «В алтайской культуре эта книга с предсказаниями, книга мудрости, которая занимает особое место в алтайском эпосе. В эпических сказаниях герой узнает предсказания судьбы по этой книге. Он должен не просто прочитать, а разгадать скрытое значение. В конце XX века в Онгудайском районе была найдена сутра на тибетском язы-

ке, которая была отнесена к XIV веку. В некоторых преданиях Судур-Бичик считается утерянной или спрятанной; иногда называют возможные места ее хранения» (2).

55. Таган – обруч (обычно металлический) на трёх ножках, который служит подставкой для котла или чугуна при приготовлении пищи на открытом огне.
56. Тайга – гора.
57. Тажуур – кожаный национальный алтайский сосуд.
58. Талай – море; крупная река.
59. Тармы – колдоваство, заговор.
60. Текпе – подставка.
61. Темичи / Демичи – «это высшее административное лицо в родовой системе. Прямыми обязанностями темичи были сбор подати, в чем ему помогал шуленга. На темичи так же возлагались обязанности помощников зайсана. Демичи избирались пожизненно из определенных родов (сеоков). Они выполняли достаточно большой функционал: являлись сборщиками подати, имели дело непосредственно с ясаком (хранили и перевозили под свою ответственность); они выступали в качестве традиционных судей: ведали не только улаживанием внутриродовых конфликтов, но и заседали совместно с зайсаном» (2).
62. Той – пир, свадьба.
63. Токым – потник.
64. Тор – почётное место в юрте.
65. Тунгур – бубен.
66. ТЎЎКИЛИК КЕП-КУУЧЫНДАР – «исторические предания алтайцев. Они отражают значимые события в истории народа, повествуя о реальных фактах или личностях. Действительность в них отражается через призму фольклорной традиции. Отличительной особенностью исторических преданий является установка на достоверность рассказываемого. В исторических преданиях упоминаются имена людей, чьи судьбы связаны с определенными событиями и эпохой в жизни народа»(2).
67. Умай-Эне – «женское небесное божество, покровительница детей, защищающая ребенка от вредоносных духов. По воз-

зрениям алтайцев Умай-Эне живет на мифической горе Сурун, где на берегу молочного озера имеет игрища сорок прекрасных девушек и среди них самой красивой является Умай-Эне. По традиционным представлениям младенец находился под покровительством Алтай Кудай и Умай-Эне и напрямую общается с ними, особенно близка его связь с Умай-Эне. Считалось, что ребенок может пожаловаться ей, если в его адрес была допущена несправедливость. Прежде чем положить ребенка в колыбель старшая в семье женщина окуривала его можжевельником и вешала над колыбелью мальчика на нитке маленький деревянный лучок с деревянной стрелой. К стреле прикреплялась белая материя, называемая Май-Эне. Над колыбелью девочки подвешивали две бусинки и МайЭне. Если ребенок благополучно вырос, то материя переходила к следующему. Если ребенок умирал, то материю сжигали» (2).

68. Урсул – река в Онгудайском районе.
69. Ӱстӱги Ороон – «1) верхний мир; 2) верхняя страна. Согласно мировоззрению алтайцев, верхний мир имеет такое же устройство как лунно-солнечный мир, он также населен людьми и духами. Отмечается, что люди верхнего мира – это люди двойники, которые затем переходят в средний мир. Верхний мир делиться на сферы. В небесном мире живут покровители родов (төс), Умай-Эне и другие чистые духи. В этом мире не бывает ночи, а солнце и луна сияют очень ярко. Иногда люди лунно-солнечного мира попадают в верхний мир. Они видят, что люди там не болеют, молоко не прокисает, но их (людей лунно-солнечного мира) эти люди не видят, точно так же, как люди среднего мира не видят людей подземного мира. Люди верхнего мира называют людей лунно-солнечного мира вредоносными духами (көрмөс), точно так же, как алтайцы называют «людей» из мира предков. Обряд жертвоприношения божествам верхнего мира назывался «ӱстӱгӱ», что можно перевести как «верхним». А.В. Анохин на примере подношения Улген отмечал, что «Улгеню совершали моления и приносили кровавые жертвы: трехлетнюю кобылицу светлой масти, через три,

шесть, девять и двенадцать лет. Жертвоприношение устраивается непременно весной или летом, реже осенью и сопровождался полной обстановкой шаманского ритуала, при большом стечении народа. Хозяин айыла, который приносит жертву, его родственники и гости благодарят Улгеня за дарованные им блага и просят новых милостей: скота, детей, удачи на охоте, изобилию молока, ячменя, травы и благополучия своим стойбищам и всему своему народу» (2).

70. Учар-Суу – (букв. летящая вода), водопад.
71. Ӱч-Курбустан – «древнее божество, известное всему тюркомонгольскому миру. Главной особенностью Курбустана в алтайской мифологии является его троичность, что проявляется в его имени «ӱч» (три). Триединое божество выступает как общий, единый образ. Круг его обязанностей и полномочий достаточно широк. Ӱч-Курбустан, как верховное божество в бурханизме, создатель и покровитель неба и светил, суши и воды, являющееся олицетворением этих стихий. Он обитает на небе, неделим и неуловим. Посылает кут и сус – зародыши человека и скота. Во время молений вешают зыбку, куда и попадают эти зародыши. Јарлыкчы – служитель культа, попадает во время моления к Курбустану так же, как и шаманы к Ӱлгену» (2).
72. Чогур – струнный музыкальный инструмент.
73. Чулмус – злой дух.
74. Чумбур – верёвка с помощью которой привязывают лошадь, когда она находится в недоуздке.
75. Шаманизм – одна из ранних форм религии. Основа шаманизма – анимистические представления, а также вера в возможность влияния человека на мир духов. Такие действия совершаются особой категорией лиц, называемых шаманами, камами.
76. Шаман (Кам) – «посредник между богами и человеком. Распорядитель при жертвоприношениях, гадатель и колдун. У шаманистов различали духов-покровителей шамана, «вручавших» ему шаманский дар. И духов-помощников, называемых «кормос». Духи-помощники передавались шаману «по-наследству». Шаманы Горного Алтая также свой дар получали

по наследству от предков преимущественно по линии матери и были наделены особым благословением духов и богов. Становлению шамана предшествовал целый ряд сложных обрядов. Шаманы различались между собой: были обращающиеся к «светлому Ульгеню» «белые» камы, и камлающие Эрлику «чёрные» камы. Существовали «рымчи» – предсказатели, и «ярынчи» – гадатели по бараньей лопатке. Считалось, что во время камлания шаман может подниматься в воздух, подобно птице, отправляясь в путешествие «по иным мирам». Отсюда птичьи перья на шаманских шапках. От камлания отказаться шаман не мог (ровно как и от «получения шаманского дара»). Его «наказывали», «замучивали» духи. Употребление араки во время камлания категорически запрещалось. Всеобщее угощение начиналось после камлания. Все шаманы камлали бесплатно, ограничиваясь угощением в общем пире и выделяемой им долей мяса жертвенного животного. Бубен, как и специальный наряд, делали сородичи кама. Эти шаманские атрибуты нельзя было передавать никому. После смерти кама его бубен вешали на дерево рядом с захоронением, а одежду сжигали» (2).

77. Шуленги – сборщики податей.
78. Эрлик – в мифологии алтайцев и саяно-алтайских тюрок высший правитель и владыка царства мёртвых, верховный судья в загробном мире.
79. Эрмен-хан – помощник Ульгеня, живёт на пятом слое неба. Хранитель и распорядитель ездовых животных.
80. Юрт – становище, жилище, поселение.

Список используемых источников

1. Алтайские исторические предания Ойротской эпохи. – Новосибирск, 2014. – 206 с.
2. Алтайский этнографический словарь / Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д.А. Аткунова, М. С. Дедина, С.Д. Дилекова, Т.В. Метреева, Э.Г. Торушев, А.Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2023. – 370 с.
3. Афанасьев В.М. Мифы и легенды Алтая. Алт. кн. изд-во, 1997. – 72 с.
4. Вяткин Г.А. Алтайские сказки. Для детей младшего и среднего возраста // Сибкрайиздат, Новониколаевск, 1926. – 126 с.
5. Газета Звезда Алтая за 22 марта 1990 года.
6. Козлов К. Сартакпай-строитель. Алтайское книжное издательство, 1953. – 32 с.
7. Легенды и мифы седого Алтая. Сборник. /Автор-составитель В.Ф. Хохолков. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская республиканская типография», 2008. – 92 с.
8. Мария Образцова. Вектор времени. Стихи, проза, публицистика. – Горног-Алтайск, 2024. – 198 с.
9. Мудрый богатырь /поэмы, стихи, басни: Переводы с алтайского. Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987. – 135 с.
10. Никифоров Н.Я. Аносский сборник с примечаниями Г.Н. Потанина. Омск, 1915; Переведено в текстовой формат и отредактировано к современному русскому языку Е.Гавриловым, 29 ноября 2015 года. https://www.vtourisme.com/altaj/kultura/legendy.
11. Обитель горных духов/ Сказания, легенды, мифы Горного Алтая, – Майма, 2022. – 132 с.
12. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оного Г.Н. Потаниным. Выпуск IV. Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. С.-Петербург, 1883 – 198 с.

13. Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза. – Горно-Алтайск, 1990. – 312 с.
14. Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии, ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, Москва, 1948. – 147 с.
15. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1992. – 176 с.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия).
17. Слово об Алтае. История, фольклор и культура. /Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. – 400 с.
18. Темир-Санаа. Келер-Куш. Кулакчин. Кара-Маас: ойротские сказания. Записаны П. Кучияком. Литературная обработка Е. Березницкого, И, Мухачева, А. Смердова. Редакция и вступительная статья В. Вихлянцева. – Новосибирск : Новосиб. обл. изд-во, 1940. – 286 с.: ил. Перевёл в текстовой формат Е.Гаврилов, 19 июня 2016 года.
19. Хохолков В.Ф. Мой Алтай, обнимаю тебя. Избранное. Т.1 /под ред. А.И.Гурьева. – Барнаул; Горно-Алтайск: ИП Колмогоров И.А., 2014. – 275 с.
20. Электронные ресурсы https://allmif.ru/legendy
21. Электронные ресурсы https://literary_criticism.academic.ru/
22. Электронные ресурсы https://cifra05.ru/complications
23. Электронные ресурсы https://dzen.ru/
24. Электронные ресурсы http://ded-altai.ru/
25. Электронные ресурсы https://allmif.ru/legendy-i-predaniya
26. Электронные ресурсы https://ya.ru/search/?tex

Содержание

Слово к читателю 3

Раздел 1. Мифология Алтая 8

Раздел 2. О духах Алтая 11
Ульгень и Эрлик 11
Дети Эрлика 14
Как возникла земля и всё живое на ней 15
О Потопе и создании земли и человека 18
О сотворении 20
Как Ульгень, Кайракан и Эрлик мир поделили 21
О появлении Алтая 23
О том, как алтайцы на Алтае поселились 23
О Карлагаш 24

Раздел 3. Шаманы Алтая 26
Почему на Алтае шаманов мало 28
Камлал шаман 29
Мудрый шаман 29
Лунная песнь шамана 31
Ускузь-Ул 32
Шаманка 34

Раздел 4. Шаманские мистерии 35
Талай-Хан 36
Талай-хан (Морской бог) 38
Эрлик 47

Раздел 5: Богатыри и герои 51
Мудрый богатырь 54
Сказание о Алтын-Мизе 57
Младшая дочь Олокшина 80
Сказание о юноше Кулакчини красавице Суремеия 86
Сказание о Ерень-чэчэн и Яра-чэчэн 98
Кан-Тади и Ког-айры 101
Кан-Тади и Муусь 110
Богатырь Куюм и Черто 113
Сартакпай-строитель 114
Об Узюк, Бешпек и Согоон-Саадак 121
Шуну богатырь 122
Сыновья Солтона 125

Словарь терминов и понятий 159
Список используемых источников 170

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Александр Иванович Гурьев

СКАЗАНИЯ СЕДОГО АЛТАЯ
(О духах, шаманах и богатырях)

Печатается в авторской редакции

Компьютерный набор: *Гурьев А.И.*

Корректор: *Стрыгина А.А.*

Вёрстка макета и дизайн обложки: *Кобзев А.А.*

Подписано в печать 24.03. 2025 г.
Формат 60х84$_{1/16}$. Объем усл. печ. л. . Тираж 100 экз.
Заказ № Печать офсетная.
Отпечатано в типографии
РОАК «Общественное литературное сообщество»